

ГАЛИНА

РЫЧКОВА

МГНОВЕНИЯ
И ГОДЫ

ИСКРЫ ПАМЯТНЫХ ЛЕТ

Галина Петровна Рычкова.

ГАЛИНА **Р**ЫЧКОВА

МГНОВЕНИЯ И ГОДЫ

ИСКРЫ ПАМЯТНЫХ ЛЕТ

Пермское
книжное
издательство
1972

Галина Петровна Рычкова, член партии с 1918 года, вспоминает свою жизнь.

В самом начале жизненного пути она, бывшая чердынская гимназистка, встретила настоящих большевиков-ленинцев, рабочих Лысьвенского завода, и эта встреча определила ее судьбу. Под влиянием революционных событий, под влиянием своего мужа А. И. Рычкова и его друзей она вступает в Коммунистическую партию, начинает активно работать в партийных органах. Глубокая вера в победу Советской власти и поддержка товарищей помогают ей пережить страшную утрату: гибель мужа во время Юрлинского кулацкого мятежа.

Как же в дальнейшем сложилась жизнь Галины Петровны? Она работала в Пермском губкоме партии, учительствовала в селе, училась в Москве в Академии имени Н. К. Крупской. Была научным сотрудником Пермского краеведческого музея, двадцать лет работала в Свердловском обкоме КПСС — в истпарте, партархиве, институте истории партии.

В военном 1943 году в МГУ, эвакуированном в Свердловск, защитила кандидатскую диссертацию и стала кандидатом исторических наук. Первое свое исследование Г. П. Рычкова посвятила истории Лысьвенской большевистской организации — в память о погибших друзьях своей молодости.

Жизненный путь Г. П. Рычковой — это по сути дела путь многих представителей русской интеллигенции, чья юность совпала с Октябрьской революцией.

Сейчас Галина Петровна Рычкова живет в Свердловске.

Из ранних лет

Ночь. Тишина. И вдруг резкий, настойчивый звон колокольчика у входной двери. Мать торопливо зажигает керосиновую лампу. Врывается полиция, начинается обыск. Перерывают книги на этажерке, роются в ящиках письменного стола, в сундуке, во всех углах...

Я просыпаюсь от яркого света и громких голосов. Сажу в своей постели, испуганно смотрю.

Долго чего-то ищут, но ничего не находят. И все же отцу велют собираться.

На следующий день отца освободили. Шпик, по доносу которого полиция произвела обыск и арест, перепутал его с кем-то другим.

Это было в Перми в 1905 году. Мне было шесть лет.

Картина обыска, дополнен-

ная потом рассказами мамы, — одно из самых первых впечатлений детства.

Мой отец и мать — Петр Николаевич и Августа Александровна Варокины — были земскими статистиками, работали в Пермской губернской земской управе. К революции они не имели никакого отношения, но о революционных событиях в Перми и Мотовилихе у нас в семье говорили немало.

В 1906—1908 годах в Перми много рассказывали о лбовцах. Во главе их стоял бывший рабочий Мотовилихинского завода Александр Лбов, смелый и мужественный человек, ненавидевший царское самодержавие. В декабре 1905 года он активно участвовал в Мотовилихинском вооруженном восстании, возглавляя один из боевых десятков рабочих. После подавления восстания он со своими единомышленниками скрылся в прикамских лесах и продолжал партизанскую борьбу с самодержавием.

Обывательская масса считала в те годы лбовцев обыкновенными разбойниками. Но более передовые и мыслящие люди сочувствовали им и оказывали посильную помощь. Лбов долго был неуловим для полиции: ему помогали многие рабочие в его родной Мотовилихе. Помню рассказы о дерзких ограблениях лбовцами почты, винных лавок, нападении на пароход «Анна Степановна», схватках с полицией, убийствах. Вероятно, в этих рассказах была переплеталась с вымыслом.

В Пермской губернской земской управе работала одно время Юлия Алексеевна Хлынова, активный член Пермской организации РСДРП, о которой очень тепло

рассказывала мама. Юлия Алексеевна пыталась рас-пропагандировать и мою мать, подсовывала ей револю-ционные листовки, но не сумев привлечь ее к революци-онной деятельности, все же оказала на нее какое-то влияние. Мама сочувственно относилась к революции и революционерам.

Преследования полиции вынудили Ю. А. Хлынову скрыться из Перми. Потом она уехала в Америку, долго жила в эмиграции и вернулась на родину лишь в на-чале тридцатых годов. Умерла она в Перми в преклон-ном возрасте. Я знала ее в детстве только по расска-зам мамы.

Хорошо помню другую ее сослуживицу Нину Анд-реевну Мажаринову, которая изредка бывала у нас. Ее семья — отец, мачеха и два младших брата — некото-рое время жили на квартире по соседству с нами, в од-ном доме, за стеной. Это была реакционная, монархи-чески настроенная семья. Старик Мажаринов работал в ломбарде и посещал все церковные богослужения. Он принимал активное участие в демонстрациях черносо-тенцев, которые в 1905 году ходили по городу с порт-ретами царя и пением царского гимна. В соответствующем духе была воспитана и дочь Нина Андреевна. Она вышла замуж за тюремного надзирателя Соловьева, снискавшего недобрую славу среди политических за-ключенных.

В таком противоречивом окружении проходило мое раннее детство.

Из этих лет мне также особенно запомнилось посе-щение оперы. В Перми, на главной улице, недалеко от берега Камы, стояло выложенное из красного кирпича большое красивое здание, теперь реконструированное,

в котором находился и теперь находится оперный театр. Это — один из старейших и лучших театров Урала. Мама покупала иногда билеты на воскресные утренники и брала меня с собой. Мы сидели высоко, на галерке, и, опустив головы вниз, не отрывали глаз от сцены. Как зачарованная, смотрела я на причудливое подводное царство, где молодой Садко в белом блестящем кафтане играл на гуслях и пел красивую арию. Почему-то мне больше не пришлось видеть эту оперу, и я знаю ее только по ранним детским впечатлениям. Зато другие — «Руслан и Людмила» Глинки, «Евгений Онегин» Чайковского, «Демон» Рубинштейна — я слушала потом бесчисленное множество раз, и они стали одними из самых любимых мною опер.

Школьные

годы

Весной 1910 года наша семья пересхала в Чердынь. Этот небольшой затерянный на севере Урала городок расположен на крутом берегу Колвы, притока Вишеры, впадающей в Каму. Железной дороги там не было. До ближайшей железнодорожной станции насчитывалось 120 верст. Пассажирские пароходы, идущие из Перми, причаливали к чердынскому берегу лишь в весеннее половодье и во время осенних дождей. Жителей в городе до революции было четыре тысячи. С губернским центром Чердынь соединялась телеграфом, а с обширным уездом, где было около тридцати волостей, связывалась телефонной сетью.

До революции в Чердыни господствовали купцы Алины. Были Алины большие и Али-

ны малые, а также Ржевины, Протопоповы, Щипуновы, Мичурины, Гусевы, Могильниковы и прочие. Они вели обширную торговлю хлебом, привозя его с низовой Камы. Значительную часть хлеба купцы отправляли на Печору, где у местного населения скупали пушнину и рыбу. Меха и рыбой торговали в Перми, Чердыни.

Заводов и фабрик город не имел, если не считать небольшого лесопильного завода и судовой фабрики братьев Могильниковых. Зато в этом небольшом городке красовались колокольни семи церквей.

Пролетарское население в городе и уезде было невелико и состояло из рабочих лесопильных заводов, возчиков, баржестроителей, столяров, плотников, каменщиков, сапожников.

В Чердыни мои родители работали в уездной земской управе, в статистическом отделе. Я училась в женской гимназии. В семье я была старшей, а всего детей пятеро. Мама каждый день уходила «на службу», с детьми оставалась прислуга, по-нынешнему, домработница. У нас жили обычно молоденькие девушки, приехавшие в город из деревни на заработок, и мама, в молодости учительница, считала своим долгом научить их читать и писать. Покупались букварь, тетради, первая книга для чтения, и по вечерам в кухне проводились школьные занятия. Когда я стала постарше, то сменила маму на этом поприще.

Дома нас воспитывала мать, обладавшая добрым сердцем и хорошим ровным характером. Она родилась в бедной семье мелкого пермского чиновника и рано осталась сиротой. Закончив Пермскую женскую гимназию на казенный счет, начала зарабатывать хлеб с шестнадцати лет, учительствуя в деревнях и селах Оханского уезда.

Отец тоже начал трудиться с шестнадцати лет. Он

родился и вырос в купеческой семье, но, поссорившись с отцом, ушел из дому и вел самостоятельную жизнь. Он работал волостным писарем, когда встретился с моей матерью.

Семейная жизнь моих родителей не была счастливой. Отец — очень нервный, вспыльчивый, грубый, ладить с ним было трудно. Детей он, вероятно, любил как-то по-своему, однако внешне это не проявлялось, а с единственным нашим братом Сергеем он обращался довольно сурово. Мы, дети, вели себя при нем тише воды, ниже травы, боясь его грозного окрика. К счастью, он мало бывал дома. В Чердыни он часто ездил в командировки по уезду. Иногда летней порой он брал с собой и меня как старшую. Помню езду на паре земских лошадей по широкому утрамбованному тракту: Чердынское земство для связи с ближайшими торговыми селами позаботилось о хороших грунтовых дорогах. Сытые лошади резво бегут по ровному пути, звенит колокольчик, с обеих сторон тянется густой зеленый лес. Ближе к дороге подступают широкие разлапистые ели, легко дышится чистым, настоящим на целебной хвое, воздухом.

Я ездил с отцом в Вильгорт, другой раз — в Нырб. Пока меняют лошадей на земской станции, мы пьем чай в комнате для приезжих. На круглом столе на медном подносе бурлит кипящий самовар. У стены скрипит рассохшийся деревянный диван. На стенах — тараканы, следы раздавленных клопов и царские портреты. В закрытые окна с жужжанием бьются мухи.

В Нырбе осматриваем местные достопримечательности — старинную церковь и подземелье, в котором в стародавние времена сидел один из ближайших родственников будущего царя Михаила Романова.

В Чердыни отец увлекся игрой в карты и почти каж-

дый вечер проводил в «общественном собрании» — городском клубе. Сначала играл в преферанс, а потом и в более азартные игры. Иногда он проигрывал не только все, что заработал, но и влезал в немалые долги. Это тяжело отражалось на семейном бюджете, и маме нередко подолгу приходилось одной содержать большую семью на свой небольшой заработок.

Однажды ночью отец вернулся домой в старой рваной одежде с чужого плеча и каких-то опорках на ногах. Но, случалось, он приходил и с немалым выигрышем: тогда уплачивались старые долги, в квартире появлялись недорогой ковер, настольная лампа с абажуром, большой альбом в бархатном переплете и еще какие-то мало нужные в житейском обиходе вещи.

Наша мать посвятила всю свою жизнь семье, детям. Детей родилось девять человек, но четверо умерли в младенческом возрасте. Я была четвертой по счету и старшей среди оставшихся в живых. Декретных отпусков для женщин тогда не существовало. Мама ходила на службу до последнего дня беременности, а через три-четыре дня после родов, еще не окрепнув, бледная, осунувшаяся, снова шла на работу. В статистическом отделе уездной управы, которым заведовал отец, мама была рядовым статистиком. Она имела хорошие способности, любила свое дело, работала легко, быстро и никогда не делала ошибок при подсчетах. Всю основную работу в отделе выполняла она, и отец никогда не отправлял земскому начальству своих отчетов, пока их не проверит мать. Я, приготавливая школьные уроки, тоже частенько обращалась к ней за помощью при решении трудных задач, да и в простых арифметических действиях иногда безбожно врала и просила маму найти ошибку.

В молодости мать обладала сильным чистым голо-

сом и прекрасным музыкальным слухом. Она любила петь и часто пела дома для нас. Зимним вечером, сидя у топящейся голландской печи, а чаще за швейной машинкой или починкой нашей немудрящей одежды, она пела протяжные народные песни или старинные романсы. Иногда вполголоса напевала нам марсельезу. Мы любили ее слушать и без конца просили повторить. Мамин талант не передался никому из детей, но мы все с раннего детства полюбили хорошую песню.

Мать же привила нам с детства любовь к чтению. Она сама любила книги, урывая для чтения час перед сном. Нам она приносила детские книги из библиотеки и часто читала вслух. Когда я стала постарше, то уже самостоятельно выбирала в библиотеке то, что мне нравилось. Читала народные сказки, детский журнал «Задушевное слово», отдала дань и сентиментальным повестям Лидии Чарской. Потом увлеклась Майн Ридом, прочитала все его приключенческие романы.

Дома у нас тоже была небольшая библиотека. Отец ежегодно выписывал популярный тогда журнал «Ниву» со всеми литературными приложениями, и у нас на книжной полке стояли сочинения Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, И. С. Никитина, Д. Н. Мамина-Сибиряка и других писателей.

Единственную в городе земскую библиотеку я посещала в юности через каждые три-четыре дня и перечитала там почти всю художественную литературу. Особенно любила сборники издательства «Знание», где печатались рассказы и повести Горького, Бунина, Куприна.

Я увлекалась поэзией. Пробовала и сама писать стихи, они были подражательные, плохие, к счастью, я скоро это поняла. Любимыми поэтами на всю жизнь остались Пушкин и особенно Лермонтов. До сих пор

хранятся у меня изрядно потрепанные и пожелтевшие, но роскошные по тем временам однотомники Пушкина и Лермонтова издания Ротенберга и Вольфа, полученные мною в награду за школьные успехи.

В длинные зимние вечера я просиживала за чтением до поздней ночи. Уроки давно приготовлены. Придвинув поближе керосиновую лампу, я «глотаю» одну страницу за другой.

Помню волнение, неясные мысли и желания, которые испытывала я при чтении стихотворений Некрасова.

Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурлаки идут бичевой!..

И перед мысленным взором ярко встает не раз виденная в репродукциях репинская картина. Величавая ширь Волги. Одетые в лохмотья, измученные люди с трудом тянут тяжело груженные, неуклюжие баржи. Напрягая последние силы, обливаясь потом, едва передвигают по сухому песку набрякшие ноги, а сверху нещадно палят обжигающие лучи полуденного солнца. Но вместе с тем в напряженных фигурах бурлаков чувствуется скрытая до времени сила. Придет пора, и распрямятся плечи, сбросив сжимающие их путы.

Стихи Некрасова заставляли глубоко задумываться над окружающей жизнью, внимательно присматриваться к ней, замечать ее противоречия.

От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!

И так хотелось поскорее стать взрослой, начать самостоятельную жизнь, чем-то помочь народу, облегчить его страдания!

У меня рано появились хорошие друзья. Первой и лучшей моей подругой в детстве и юности была моя ровесница и одноклассница Фаня Огнева. О ней я часто и теперь вспоминаю известными стихами Пушкина «мой первый друг, мой друг бесценный...» Она родилась и выросла в такой же среде, что и я. Ее отец работал провизором в аптеке, мать служила там же счетоводом. Фаня была единственной дочерью, и родители не чаяли в ней души. Веселая, живая, неистощимая на веселые выдумки! Умение подметить в людях смешное, изобразить это в лицах, в карикатурном виде, всегда привлекало к ней окружающих. Заводила многих школьных шалостей и проказ, Фаня была любимицей класса. Нас с ней сдружила любовь к книгам, она тоже много читала. Мы любили делиться впечатлением от прочитанного, у нас были общие интересы, общие взгляды на окружающую жизнь, общие желания и мечты.

Мы не только виделись с ней ежедневно в классе, где сидели поблизости одна от другой, но нередко я проводила целые часы у Огневых. У Фани была отдельная комната, и нам никто не мешал разговаривать по душам.

В те годы мы любили давать прозвища нашим учителям, на что мастерицей была Фаня. Например, в пятом классе молодого учителя математики, по национальности поляка, мы называли Райским, а хорошенькую чернобровую украинку, преподавательницу словесности, так тогда называли литературу, прозвали Верой. Имена героев из известного романа Гончарова «Обрыв» мы присвоили нашим учителям, заметив ухаживание математика за словесницей, которая явно отдавала предпочтение другому. Но не всегда наши прозвища были безобидными.

В Чердыни, как и в Петербурге, был свой «Невский

проспект». Так называли одну сторону того квартала, где находилась земская управа. Зимой, как только начинало смеркаться, здесь собиралась учащая молодежь и в течение полутора-двух часов прогуливалась по «Невскому». Слышались шутки, смех. Реалисты ухаживали за гимназистками, или, как тогда говорили, занимались флиртом. Был в городе и ярко освещенный каток, где молодежь также любила проводить время ранним вечером. После девяти часов учащимся запрещалось появляться на улицах, и город замирал. Мы с Фаней не гуляли на «Невском», не катались и на коньках. Мы предпочитали проводить время за книгами.

Летом мы уходили на целый день в лес к маленькой извилистой речке Саженке. Часто ходили купаться «на пески», песчаный берег в верховьях Колвы, за городом. Сколько там было разговоров, сколько строилось планов на будущее!

Фаня обладала разносторонними способностями. Она хорошо училась, была одной из лучших учениц. Любила и понимала музыку, брала уроки игры на фортепьяно. Одним из увлекавших ее занятий было рисование, она рисовала акварельными и масляными красками, в ее комнате висели рисунки и небольшие картины.

Я мало понимала музыку, хотя и любила ее, не имела способностей к рисованию, но ценила хорошие картины. У нас дома хранились все выпуски красиво оформленных художественных альбомов «Главное направление русской живописи XIX века в снимках с картин». Текст П. Н. Ге, издание братьев Гранат. Я подолгу, бывало, любовалась красочными репродукциями с картин известных художников. Мы с Фаней собирали также хорошо выполненные открытки с картин русских передвижников. Некоторые из них сохранились у меня до сих пор.

Примерно в 1915 году в Чердыни появился первый кинематограф. Картины показывали в зрительном зале общественного собрания. Это, конечно, стало большим событием для нашего захолустного городка. Кинофильмы были немые, они сопровождались игрой пианистки, которую называли «тапершей». Пианино ставилось поближе к экрану, подбиралась соответствующая музыка, и «таперша» барабанила по клавишам в течение полутора-двух часов, пока шел киносеанс.

Техника киносъемок была невысокой. Человеческие фигуры дрожали и мелькали на экране, а ходьба походила на смешное подпрыгивание. Но это тогда не замечалось.

Первая картина, которую я увидела, называлась «Николай Ставрогин», по известному произведению Ф. М. Достоевского «Бесы». Главную роль исполнял талантливый и известный в те времена актер Иван Мозжухин.

Эта картина произвела на нас с Фаней неизгладимое впечатление. Конечно, мы не могли еще тогда глубоко вникнуть в содержание картины, вероятно, она давала реакционную трактовку романа Достоевского, но впервые увиденная техника кино нас покорила. Да и Мозжухин, красивый и стройный, с умным, выразительным лицом был неотразим. С этого времени я и Фаня стали страстными поклонницами кино. На «Николая Ставрогина» гимназистки ходили коллективно — старшие классы вместе с классными дамами. Однако в дальнейшем посещение учащимися кинематографа без особого разрешения начальства было строго запрещено.

Но мы с Фаней уже неизлечимо «заболели» и быстро нашли выход из положения. Мы стали переодеваться так, чтобы походить на взрослых, и много-много раз незнанными смотрели кинокартины, сидя где-нибудь не-

подалеку от гимназического начальства. И надо сказать, что к подобным приемам прибегали не только мы.

Один раз я переборщила. Надев большие очки, длинную, до пят, юбку и надвинув на лоб темный платок, я, прихрамывая на одну ногу, изображала старуху. Таким необычным видом я привлекла всеобщее внимание и чуть не провалилась — старухи тогда в кино не ходили. Многие проходили мимо меня, когда я уселась на первую скамейку, подозрительно всматривались, но узнать меня было трудно. Все сошло благополучно.

Мне запомнились такие кинофильмы, как «Нищая» (по Беранже), где главную роль играла красавица Лисенко, а роль Поэта исполнял Мозжухин. Запомнился «Обрыв» по роману Гончарова, «Отец Сергей» — по известному произведению Льва Толстого. Многие картины ставились на слова модных романсов того времени, например, «У камина», «И сердцем, как куклой, играя, он сердце, как куклу, разбил», «Дышала ночь восторгом сладострастья». Играли в этих картинах чаще всего кумиры того времени Мозжухин и Лисенко, а также Вера Холодная, Гзовская и Полонский, Максимов, Панов, Орлова, Рындина и другие.

Однажды, это было уже весной 1917 года, после Февральской революции, наше путешествие в кино закончилось плачевно. Нас узнали и с позором заставили выйти. На следующий день мою мать и Ольгу Ивановну Огневу пригласили к начальнице гимназии для объяснений. Им было прочитано холодное нравоучение о неподобающем поведении дочерей и сделано предупреждение о необходимости принять строгие меры. Однако матери, знавшие об этих похождениях, стойко встали на нашу защиту, заявив, что мы уже взрослые. Нам поставили в дневниках четверки по поведению за неделю, и этим дело закончилось.

Затеяли мы с Фаней, кажется, еще в шестом классе издавать школьный журнал. Название придумали самое сентиментальное и довольно в нашем возрасте нелепое, но, на наш взгляд, очень поэтичное — «Осенние грезы». Журнал был рукописный, сравнительно толстый, форматом в общую школьную тетрадь и, конечно, в одном экземпляре. Фаня красочно оформила обложку, сделала иллюстрации к повестям, рассказам, стихотворениям, которые, по большей части, мы же с ней и сочинили. Вышло только два номера, с интересом встреченные нашими одноклассниками. Но гимназическое начальство, очевидно, испугавшись, «как бы чего не вышло», изъяло у нас оба номера и отправило их в учебный округ для просмотра и получения разрешения. Оттуда никакого ответа не последовало, и журнал канул в Лету.

Наша семья не была религиозной, но церковные праздники и обряды соблюдались. В великий пост не ели мяса, а молоко давалось только детям. Мама обязательно говела. В обычное время в церковь она почти не ходила, говорила, что некогда. Отец говел не каждый год и тоже редко посещал церковь. Учащихся заставляли обязательно говеть ежегодно. Во все «царские дни» (дни рождения и именин членов царской семьи) мы не учились, но должны были посещать обедню в местном соборе. Гимназистки в белых фартуках стояли рядами и, изредка крестясь, вертелись во все стороны, переговаривались, стараясь рассмешить друг друга. Классные дамы хмурились, кидали выразительные взгляды, грозили пальцем.

В пятнадцать-шестнадцать лет отдала свою дань религии и я. В Чердыни был женский монастырь, где пел прекрасный церковный хор, у некоторых монахинь, особенно у молодых послушниц, были сильные чистые голоса. Этот хор и покорила нас с Фаней. Каждую субботу

и воскресенье мы повадился ходить ко всеобщей и обедне в монастырскую церковь и наслаждались хорошим пением. Здесь же мы и говели в страстную неделю.

В царское время исповедь у священника во время говения использовалась для выявления политически неблагонадежных лиц. Неблагонадежными считались и те, кто избегал исповеди. Для меня процедура говения в годы юности была всегда неприятна. Чувство неловкости и смущения испытывала я, когда в углу церковного клироса за ширмой приходилось «каяться» священнику в своих грехах. А «причастие» на другое утро, когда давался один глоток виноградного вина с крошечным куском просфоры всем из одной ложки, служило, как известно, немалым рассадником заразных болезней.

Но пение монастырского хора во время длинных церковных богослужений в последнюю неделю перед пасхой мы с Фаней любили. До сих пор в памяти, как в страстной четверг три бледные молодые монахини в высоких клобуках на голове и черных одеяниях выходили на середину церкви и красивыми сильными голосами, разносившимися под высокими сводами, выводили по нотам про «разбойника благоразумного», пожалевшего распятого на кресте Христа.

Преподавания «закона божия» мы не любили, уроков никогда не учили и отвечали законоучителю, читая по учебнику, который незаметно подставляли подруги по парте. Глаза были молодые, зоркие.

Всем хорошим и благонамеренным ученицам по «закону божьему» полагалось иметь обязательную пятерку. Однако я, закончив восьмой общеобразовательный класс весной 1918 года и получив в дипломе пятерки по всем предметам, ухитрилась получить по «закону божьему» четверку, что вызвало недовольство матери. По «закону божьему» ставились у нас только две оценки: пя-

Город Чердынь. Начало XX века.

терка и четверка, ниже оценки не было. Если бы я получила четверку в 1916 году в седьмом классе, мне, конечно, не видать бы золотой медали, которой оценены были мои успехи по окончании семи основных классов гимназии.

Попечительницей Чердынской женской гимназии была Евпраксия Николаевна Черных, которую все в городе называли Чернихой. Она была купчихой и судовладелицей. Ее большой двухпалубный товаро-пассажирский пароход курсировал от Чердыни до Перми. Жила она в центре города в большом двухэтажном каменном доме. Не знаю, в чем заключалось ее попечительство, но в гимназии мы ее видели редко. Однажды, когда я училась еще в младших классах, меня и еще двух девочек начальница отправила к Чернихе в день ее рождения с поздравлением от имени гимназии. Мы

отправились не очень охотно, с боязливым трепетом поднялись по парадной мраморной лестнице на второй этаж, где нас встретила нарядная горничная в белом кружевном фартучке и такой же наколке на голове. Она провела нас к хозяйке дома. Мы присели в реверансе и смущенно пробормотали то, что нам было поручено. Черниха, смуглая дородная дама с пронзительными черными глазами и черными уже седеющими волосами, похожая на старую цыганку, приняла нас благосклонно. Шурша тяжелым шелковым платьем, она поцеловала каждую из нас, провела в столовую и усадила за накрытый стол, уставленный закусками, пирогами, тортами, шоколадом, фруктами. Красные и неловкие от смущения, от всего этого великолепия, мы наскоро, обжигаясь, проглотили по чашке чаю и поспешили распрощаться.

Попечительствуя над средним учебным заведением, сама Черниха была совершенно безграмотна и умела крупными каракулями писать правильно только свою фамилию. На выдаваемых нам в конце учебного года наградах за отличные успехи — похвальных листах и книгах — она обычно расписывалась: «поче попе Е. Черных». «Поче попе» означало: почетная попечительница. В старших классах гимназии мы так и звали ее: «поче попе».

Расскажу немного о нравах нашего города, где все наперечет знали друг друга и была известна личная жизнь каждого. На поведение молодежи смотрели по-старинному, почти по-домостроевски. Особенно нетерпимо относились к матерям, родившим детей вне церковного брака. Таких людей называли «незаконнорожденными», они были неполноправными в семье, в обывательской среде их считали стоящими ниже уровня обыкновенных людей. Помню трагический случай в на-

шей гимназии, когда я в нее только что поступила. Ученица выпускного класса Зоя Валуева неожиданно узнала, что она «незаконнорожденная». Это обнаружилось, когда перед оформлением аттестата об окончании гимназии проверялись ее личные документы. Оказалось, что в свидетельстве о рождении Зоя была записана не по фамилии ее родителей «Валуева», а по девичьей фамилии матери: она родилась до их «законного» брака. Председатель педагогического совета гимназии Тонкиевский, преподававший словесность, с подчеркнутой холодностью стал вызывать Зою на уроках не «Валуева», а по фамилии, записанной в метрике. Зоя не перенесла этого позора. В отчаянии она бросилась в воду с высокого берега Колвы и утонула.

Горький протест Зои против нравов того времени, ее загубленная юная жизнь, произвели тогда на нас впечатление разорвавшейся бомбы. Много было толков и пересудов о том, кто виноват. Тонкиевскому пришлось быстренько покинуть стены Чердынской гимназии и переехать в Соликамск.

Другой случай произошел, когда я уже училась в старших классах. Молодая незамужняя девушка, телефонистка земской управы, родила ребенка, отцом которого был политический ссыльный. Боясь злой молвы и увольнения с работы, она тщательно скрывала беременность. Ребенок родился ночью на телефонной станции. Рядом с роженицей не было ни акушерки, ни повивальной бабки, ни просто живого человека. Утром, едва рассветло, она смертельно бледная, с черными кругами под глазами, шатаясь от слабости, побежала на окраину города. Ребенка она завернула в тряпки и несла не на руках, как носят обычно матери, а засунула его в виде свертка под мышку. Найдя какую-то бедную старушку, она оставила у нее ребенка, а сама вернулась

на работу. Об этом происшествии в тот же день узнал весь город. Ребенок умер, а телефонистку уволили с работы, и ей пришлось уехать из Чердыни. Много лет спустя она как-то проездом навестила мою мать в Перми и рассказала, что после революции вышла замуж за отца своего ребенка, они очень хотели иметь детей, но детей больше не было...

Как мы встретили революцию

До революции в Чердыни было два средних учебных заведения: реальное училище и женская гимназия. Кроме того, в городе имелись училища: трехклассное приходское (начальное), четырехклассное городское и ремесленное.

В женской гимназии было семь основных классов. В восьмом дополнительном классе велась педагогическая подготовка учительниц начальных школ. Осенью 1917 года организовали еще девятый класс, который назвали восьмым общеобразовательным в отличие от восьмого педагогического. В девятом классе давались знания, необходимые для получения аттестата зрелости. Я закончила оба восьмых класса.

В старших классах гимназии я начала заниматься с отстающими ученицами младших

классов — детьми более состоятельных родителей, которые могли позволить себе роскошь нанять репетитора. Мне хотелось чем-то помочь маме в содержании большой семьи. Но, увы! Помощь моя была мизерной. Я стеснялась договариваться предварительно об оплате моей работы, а мои ученицы расплачивались чаще всего не деньгами, а ненужными подарками вроде каких-нибудь безделушек.

В эти годы расширился круг моих подруг. Среди учениц нашего класса у нас с Фаней появились новые друзья: сестры Карнауховы — Кая и Фрася, Шура Могильникова, Лида Ларионова. Общие интересы, стремления и мечты привели к тому, что все мы через полтора-два года стали коммунистками, и хотя судьба к тому времени разбросала нас в разные стороны, мы вступили в партию почти одновременно.

Сестры Карнауховы выделялись в нашем классе способностями к математике. Они шутя справлялись с самыми сложными задачами, над которыми мы иногда подолгу ломали головы. Особенно способной была младшая сестра Евфрасия. Красивая, стройная девушка с двумя длинными белокурыми косами, Фрася уже в те годы проявляла организаторский талант, настойчивость, трудолюбие — черты характера, которые впоследствии помогли ей стать крупным ученым. О судьбе своих подруг я расскажу дальше.

В начале 1917 года, после окончания рождественских каникул, наш класс готовился к вечеру. Такие вечера ежегодно устраивались учащимися выпускных классов.

В подготовке вечера активно участвовали и реалисты старшего класса.

Для проведения репетиций, шитья костюмов, устройства декораций мы собирались по вечерам в гимна-

ли. Часть подготовительной работы проходила в другом здании, так называемой маленькой гимназии, где размещались приготовительные классы (на углу Успенской и Мичуринской улиц).

Вечер, к которому мы готовились, состоялся в середине февраля, незадолго до революции.

Когда до нашего маленького городка дошли вести о свержении царского самодержавия и начавшейся в Петрограде революции, это всколыхнуло город и особенно взбудоражило нас, молодежь. С большим интересом ловили мы каждое известие о событиях в столице, горячо обсуждая все, что нам удавалось узнать.

Политические ссыльные, жившие в нашем городе, организовали первую политическую демонстрацию. Мы, учащиеся средних школ, приняли в ней самое активное участие. Когда демонстранты с красными флагами и пением революционных песен подошли к зданию гимназии, небольшая группа старших учениц, предупрежденная заранее, быстро обежала классы, в которых шли занятия. Отворяя двери классов, они громко кричали: «Занятия прекращаются! Все на демонстрацию!» Гимназистки быстро высыпали на улицу, ошеломленные учителя не успели что-либо возразить. Старшеклассницы влились в ряды демонстрантов, среди которых было уже много реалистов и учеников городского училища. Стоял один из ясных мартовских дней, с голубого неба светило солнце. С каким энтузиазмом мы пели тогда «Смело, товарищи, в ногу!» и другие только что разученные революционные песни!

Политически мы были еще совсем безграмотны и представляли из себя сырую массу. Мы не имели понятия о многих элементарных вещах, которые сейчас известны советским школьникам. Но нас давил гнет казенщины и формализма старой школы, мы уже понима-

ли, что мир устроен несправедливо: одни, ничего не делая, живут в богатстве и роскоши, другие трудятся всю жизнь и не могут выбиться из нужды.

Нельзя, конечно, сказать, что вся масса учащейся молодежи приветствовала революцию. В нашей гимназии училось немало дочерей богатых купцов, лесопромышленников, высоко оплачиваемых служащих и чиновников. Они были настроены реакционно и держались от нас в стороне. Значительная часть гимназисток к революции относилась пассивно, по-обывательски.

Но та категория учащихся, к которой принадлежала я, встретила свержение самодержавия и развитие революционных событий в стране с большой радостью и надеждой. Мы ждали, что после уничтожения царизма жизнь в стране пойдет по-другому и все изменится к лучшему. Мы были детьми мелких и средних служащих, родителей небогатых, и терять нам с развитием революции было нечего.

Однако, плохо разбираясь в происходящих событиях, мы скоро пришли к убеждению, что знаний, полученных в средней школе, нам явно не хватает и надо об этом самим позаботиться. Вместе с реалистами мы решили создать из учащихся старших классов гимназии и реального училища кружок самообразования.

При поддержке передовых учителей нам удалось добиться разрешения гимназического начальства собираться в помещении «маленькой гимназии», где мы недавно проводили подготовку к вечеру.

На собрания кружка мог прийти каждый желающий: никаких списков не было, приема не проводилось. Но состав кружка скоро определился и был более или менее постоянным. Он объединял человек тридцать — тридцать пять. Если вначале к нам и попал кое-кто из реакционной и обывательской молодежи, то очень скоро такие

отсеялись. Собирались мы по воскресеньям днем и раз или два на неделе по вечерам.

Наш город и уезд до революции был местом политической ссылки. Известно, что перед первой империалистической войной в Чердынском уезде отбывал ссылку Климент Ефремович Ворошилов. В уезде жили, вероятно, и другие ссыльные большевики. В самом же городе к началу Февральской революции хотя и насчитывалось значительное количество ссыльных, но большевиков среди них не было. Вот у этих-то ссыльных, главным образом меньшевиков и эсеров, мы и доставали для нашего кружка политические брошюры, изданные нелегально до революции. Позднее к нам стала попадать литература, выпущенная в 1917 году. Помню, что мы знакомились с программами различных политических партий, с отдельными работами Маркса, Энгельса, Плеханова, Каутского, Бебеля, Кропоткина и такими популярными политическими книжечками, как «Царь-голод» А. Баха, «Кто чем живет» Дикштейна. Произведений В. И. Ленина среди этой литературы не было. Вероятно, именно потому, что в городе не было ссыльных большевиков. О Ленине мы тогда еще ничего не знали.

Общими силами без руководителя мы сами намечали программу занятий кружка. Чтение политических брошюр сопровождалось подготовкой письменных рефератов, которые затем обсуждались на общих собраниях кружковцев.

Прежде всего мы знакомились с программами политических партий — кадетов, социал-демократов, социалистов-революционеров, анархистов. Разницу между социал-демократами большевиками и меньшевиками представляли очень смутно.

Рефераты писали как по определенным темам, так и по отдельным книгам. Помню, например, обсуждение

реферата по книге Августа Бебеля «Женщина и социализм», который подготовила Фаня Огнева.

Почти на каждом занятии происходили ожесточенные споры. Спорили по самым разнообразным вопросам, связанным с темой очередного реферата: программа какой политической партии больше подходит для нас, какие недостатки имеются в той или иной программе, возможно ли полное равноправие между мужчинами и женщинами, какое место должна занять женщина в общественной жизни страны. Конечно, споры эти были неглубокими, но все же они приучали нас самостоятельно мыслить, разбираться в прочитанном.

Иногда мы приглашали на занятия кружка для проведения бесед наиболее уважаемых нами учителей. Чаще других у нас бывали Иван Павлович Фадеев и его жена Анна Родионовна.

Иван Павлович преподавал у нас в восьмом классе психологию и педагогику. Он был уже немолод, болел туберкулезом, говорил тихим, хрипловатым голосом и постоянно кашлял.

С первых дней Февральской революции Иван Павлович использовал каждый свой урок для того, чтобы хоть немного, в течение пяти — десяти минут, рассказать нам о том, что происходит в Петрограде. Он первый и принес нам весть о свержении царя. Мы не боялись обращаться к нему с любым вопросом, и, несмотря на нашу наивность и полное невежество, он отвечал нам всегда серьезно, уважительно, просто, доступно нашему пониманию. Я не ошибусь, если скажу, что И. П. Фадеев одним из первых пробудил у нас интерес к революции, к общественной жизни страны, желание разобраться в окружающей обстановке. Он же подал и мысль о создании кружка учащихся. Словом, посеял в юных сердцах доброе семя, которое принесло хорошие всходы.

Достойной парой ему была его жена Анна Родионова. Небольшого роста, с живым румяным лицом и умными темными глазами, она держалась с нами всегда просто и дружески. Мы часто вдвоем-втроем заходили на квартиру к Фадеевым по вечерам. Они всегда встречали приветливо, радушно угощали чаем, и тут, на свободе, не стесненные рамками гимназических уроков, мы могли поговорить по душам обо всем, что нас волновало.

Фадеевы очень интересовались работой нашего кружка, постоянно о нем спрашивали, подсказывали темы для бесед и рефератов.

Помню, был у нас также, по нашему приглашению, на одном из первых собраний кружка учитель истории из реального училища, по прозвищу Слива, фамилию которого я забыла. Он рассказал нам о классах и классово-борьбе. Впервые я услышала о том, что если революция в России будет развиваться дальше, то все слои общества разделятся на два противоположных лагеря, начнется гражданская война между враждующими классами, и каждый человек должен будет определить свое место в этой борьбе. Мысль пылливо заработала. Каждый из нас задумался над тем, какое же место ему занять в предстоящей борьбе, к какому лагерю примкнуть.

Занятия в «маленькой гимназии» продолжались до конца учебного 1916/17 года и прекратились, когда начались летние каникулы. И хотя настоящего революционного, большевистского влияния в кружке не было, он имел для нас большое значение. Он дал первый толчок к последующей работе над формированием политического мировоззрения. Мы еще не подозревали тогда, что пройдет какой-нибудь год-полтора, и жизнь разделит участников кружка. Одни из нас займут свое место в

лагере рабочего класса, другие уйдут в стан белогвардейщины.

1 мая 1917 года мы провели маевку. О значении первомайского праздника — Дня международной солидарности трудящихся — мы уже знали, посвятив этому одно из занятий кружка. Конечно, нам не пришлось конспирировать: мы отправились на свою маевку открыто, гурьбой. Погода стояла прохладная, было сыро и грязно, в низинах еще белел снег. Мы пришли на берег лесной речушки Саженки, которая разлилась от стаявшего снега и пенилась от холодного ветра. Речей не было, о них никто из нас не позаботился. Мы постояли, поговорили о том, с какими трудностями в царские времена рабочие отмечали свой праздник. Были тут и шутки и смех. Прогулявшись немного в сыром лесу, мы на этом и закончили свою маевку. Нас было немного — около десятка человек. Кроме моих подруг, в маевке участвовало два прогрессивно настроенных молодых учителя из реального училища — В. А. Белавин и Н. П. Пономарев.

Расскажу еще об одном событии того времени, которое всколыхнуло весь город, о том, как мы выгнали начальницу гимназии Л. А. Дубенскую.

Любовь Александровна Дубенская была, как тогда выражались, «старая дева». Высокая, величественная дама средних лет, затянутая в корсет и синее шелковое платье, с дорогим мехом на плечах и пышной прической — она имела вид типичной начальницы старой школы.

Гимназистки прозвали ее «гавубкой», так как при

разговорах с ученицами она никогда не называла нас по фамилии, а употребляла обращение «голубушка», которое звучало у нее «гавубушка»: она не выговаривала звука «л».

Мы знали, что у Л. А. Дубенской в Перми был влиятельный брат, крупный чиновник, который и устроил своей сестрице тепленькое местечко в нашей гимназии. В Чердыни Дубенская вращалась в кругах местной знати — купцов Алиных, Ржевиных, Гусевых и прочих.

Ученицы относились к ней довольно безразлично: любовью и уважением она не пользовалась, но и неприязни особой к ней не было. Она обращалась со всеми приветливо, с ее лица никогда не сходила благосклонная, покровительственная улыбка.

Отношение учащихся к учителям было различное.

Одних мы не любили за сухость, черствость, формализм, других уважали. В старших классах мы особенно ценили небольшую группу учителей, связанных личной дружбой. Это была, по нашему мнению, лучшая часть учительства в нашем городе: председатель педагогического совета женской гимназии А. В. Лебедев — маленький горбун, преподававший у нас физику; его брат — директор реального училища К. В. Лебедев; преподавательница математики в гимназии О. Н. Калугина; учительница приготовительного класса А. Р. Фадеева, преподававшая нам также гимнастику, ее муж И. П. Фадеев, о которых я уже рассказала; учитель рисования в реальном училище В. Ф. Оболенский; учитель городского училища Д. К. Решетов и учительница французского языка в гимназии А. И. Дробинина. Особенно дружила с нами молодая учительница Ольга Николаевна Калугина. Она присехала в Чердынь после окончания Московского университета года за два до революции.

Когда свершилась Февральская революция и среди

учащихся старших классов начали пробуждаться общественные интересы, то, естественно, со многими волнующими нас вопросами мы стали обращаться к нашим любимым учителям. И вот тут-то мы узнали, что учительство по-разному оценивало революционные события в стране.

Оба брата Лебедевы после свержения самодержавия заняли реакционную позицию. Их дружбе с передовыми учителями сразу пришел конец.

С большой радостью встретили весть о падении царизма О. Н. Калугина и особенно супруги Фадеевы. Фадеевы активно включились в общественную жизнь города, в начале 1918 года они оба вступили в партию большевиков. О. Н. Калугина вступила в ряды Коммунистической партии позднее, уже после разгрома колчаковщины.

Но большая часть учительства в Чердыни встретила революцию отрицательно или по-обывательски, с испугом.

Наше отношение к учителям после революции резко изменилось. Раньше мы просто делили учителей на «плохих» и «хороших», мерилom оценки было, с одной стороны, как они преподавали свой предмет — в сухой или увлекательной форме, а с другой стороны, как они обращались с нами, учащимися, — справедливо или несправедливо, по-казенному или по-человечески. Теперь же мерилom стало отношение учителей к революции.

Начальница гимназии Л. А. Дубенская к революции отнеслась резко отрицательно. Она твердо стояла на монархистских позициях, не скрывала сожаления о свергнутой царской династии и стремилась сохранить в гимназии старые порядки. По-прежнему на стенах актового зала висели царские портреты; по утрам, перед уроками, всех учениц собирали в этот зал для общей

молитвы; требовали, чтобы гимназистки посещали церковь по воскресеньям, а перед пасхой говели и исповодовались.

Между тем та группа учащихся, к которой принадлежала я, сразу после революции перестала ходить в церковь, отказалась от исповеди и всячески избегала посещения утренней молитвы.

Помню, как мы снимали в актовом зале царские портреты. Мои подруги Фаня Огнева, сестры Карнауховы, я, еще кто-то — человек пять или шесть — пробрались тайком вечером в гимназию, когда там уже никого не было. Принесли лестницу, общими усилиями сняли со стены тяжелые портреты, стащили их вниз к одному из закрытых запасных выходов и спрятали под лестницей среди разного хлама. Наша одноклассница, озорная девчонка Людмила Нешатаева, похожая бесшабашной удалью на мальчишку, пришла на следующее утро рано в гимназию и раскопала эти портреты. Она тут же не замедлила внести свою лепту: выколола на портретах царским особам глаза.

Можно себе представить, какой переполох поднялся в гимназии! Все собрались в зале на утреннюю молитву, а на стенах вместо больших в золоченых рамах портретов царя, царицы и наследника виднелись лишь следы снятых рам. Вся наша группа в это утро чинно стояла на молитве в рядах учащихся. Мы с удовольствием наблюдали, как засуетились и зашептались смущенные классные дамы, как покрывалось белыми и красными пятнами возмущенное лицо начальницы.

Портреты были скоро найдены, но водрузить их обратно гимназическое начальство уже не решилось. Всю нашу группу и некоторых других девочек, в том числе и Люду Нешатаеву, вызывали на допрос к начальнице, но виновников найти не удалось. Мы делали удив-

ленные лица, отвечая на все вопросы полным неведением, а те, кто догадывался, чьих рук это дело, помалкивали.

Начальница гимназии стала для нас символом реакции. Не только мы, группа восьмиклассниц, активных участниц кружка самообразования, но под нашим влиянием и некоторые другие ученицы стали относиться к Дубенской враждебно. Не помню сейчас, кто первый поддал мысль об ее удалении из гимназии. Эту идею подхватили и стали тщательно разрабатывать план ее осуществления. Решено было придать этому делу общественный характер. Мы собирались в укромных уголках, подальше от любопытных глаз, и обсуждали различные варианты.

Наконец план был разработан во всех деталях. Наша агитация среди некоторых учениц старших классов встретила сочувствие. Идею избавиться от реакционной начальницы поддержали даже благонамеренные, обывательски настроенные гимназистки, которых мы сагитировали. Разумеется, мы знакомили только с идеей, а не с планом ее осуществления, который хранили пока в тайне.

Разработанный план мы осуществили, на наш взгляд, очень удачно.

В обычный учебный день, в большую перемену, мы собрали в актовом зале всех учениц, пригласили учителей и начальницу, пустив предварительно слух, что начальнице будет преподнесен адрес. Когда все собрались, величественная, улыбающаяся Дубенская вошла в зал. Ее попросили встать в середину образовавшегося круга. Из рядов учащих вышла наша одноклассница Вера Южанинова. Это была скромная, тихая девушка. Она хорошо училась, но наш кружок не посещала, революцией и политической жизнью страны интересовалась ма-

до. Поэтому мы и выбрали ее для выполнения самой ответственной части задуманного плана, и, видно, так было сильно влияние того времени, что Вера согласилась выполнить нашу просьбу.

Громко, хотя и немного дрожащим от волнения голосом, Вера зачитала написанный на небольшой бумажке «адрес» — обращение учениц гимназии к своей начальнице. В наступившей тишине отчетливо слышалось каждое слово.

Точного текста этого обращения не сохранилось, но я хорошо помню его смысл. Оно было коротким и ясным, в нем говорилось примерно следующее:

«Любовь Александровна! Мы, ученицы Чердынской женской гимназии, просим Вас покинуть стены нашей гимназии. Мы не хотим, чтобы нашу гимназию возглавляли слуги старого режима. Просим Вас немедленно выйти из этого здания и никогда больше сюда не возвращаться. Учащиеся Чердынской женской гимназии. Дата и год».

Трудно описать, что тут произошло. За исключением небольшой группы учащихся присутствующие на этой церемонии не были подготовлены к случившемуся.

Дубенская сначала побледнела, потом покраснела. Ее толстые губы отвисли и затряслись. Она пошатнулась, началась истерика. Испуганные классные дамы подхватили ее под руки. Ряды учениц смешались в беспорядке. На лицах одних появилась усмешка, лица других были вытянуты и серьезны, третьи перепугались.

Дубенскую увели вниз, в ее кабинет. Занятий в этот день больше не было. Учителя растерялись, ученицы были возбуждены этим необычайным происшествием.

В тот же день в городе на все лады обсуждали, как гимназистки выгнали свою начальницу. Еще долго это событие служило темой обывательских пересудов.

Дубенская вскоре выехала из нашего города, больше мы ее в гимназии не видели.

Летом 1917 года перед последним учебным годом в гимназии я работала счетоводом в уездной продовольственной управе. Щелкая на ручных счетах, я подытоживала какие-то цифры в бесконечных таблицах. Теперь я могла хоть немного помочь матери скромным «жалованьем», как называли тогда зарплату.

Когда начались учебные занятия в последнем классе, мои подруги и я продолжали следить за политической жизнью страны. Мы старались не пропустить ни одного собрания и митинга, которые тогда проводились в нашем городе. Но об этом я расскажу в следующей главе.

Врезался в память последний вечер, устроенный весной 1918 года после окончания выпускных экзаменов.

После официальной части, самодеятельного концерта и танцев, обычных для таких вечеров, мы, небольшая группа гимназисток, собрались в одном из классов вокруг Ивана Павловича и Анны Родионовны Фадеевых. Были тут и другие любимые учителя — О. Н. Калугина, А. И. Дробинина. Мы проговорили всю ночь, до утренней зари. Говорили о будущей жизни, о работе, которая нас ждет, о том, какую профессию каждый из нас изберет. Иван Павлович внимательно, с ласковой улыбкой слушал нас, сказал каждому доброе напутственное слово, подал добрый совет.

Просидев всю ночь у открытого окна, мы разошлись, когда взошло солнце. Легко и радостно было на душе. Впереди лежала целая жизнь.

Власть Советов

Совет рабочих и солдатских депутатов был создан в Чердыни в последних числах марта 1917 года. Большевистской организации в городе еще не существовало, и в Совете главенствовали меньшевики и эсеры. Председателем Чердынского Совета был сначала меньшевик Д. Х. Брусин, потом эсер Н. И. Работин. Активную роль в Совете играли эсеры Праотцев, Буров и другие.

Заседания Совета проводились в небольшом одноэтажном здании, напротив городского сада, рядом с двухэтажным домом купца Клыкова. Они проходили открыто, их могли посещать все желающие. Мы, еще девчонки, учившиеся в последнем классе гимназии, ходили на многие заседания Совета и с большим лю-

бобытством следили за политической борьбой между представителями разных партий. Хотя многого мы еще не понимали, но работа Совета нас очень интересовала. Это была новая для нас организация, там собирались не «отцы города» — купцы и толстосумы, а представители простого народа и обсуждали они вопросы, о которых мы тоже никогда еще не слышали.

Двоевластие в Чердыни продолжалось почти до конца января 1918 года. По-прежнему в городе и уезде главенствовали городская дума во главе с городским головой Верещагиным и уездная земская управа с ее председателем Вотяковым. Комиссаром Временного правительства был инспектор народных училищ Рукавишников, человек довольно бесцветный, с которым мало кто считался.

Понемногу в Чердынь начало проникать и большевистское влияние. Первыми проводниками его стали солдаты-фронтовики, прибывшие к нам в тыл из-за ранений и болезней.

В октябре 1917 года был создан Союз рабочих, куда вошли судовые рабочие, плотники, столяры, сапожники, кузнецы, монтеры. К концу декабря 1917 года Союз рабочих насчитывал уже 400 человек. Классовая борьба приняла более организованный и острый характер.

Первый большевик, которого я помню в нашем уездном городке, — это Степан Егорович Подкин, уже немолодой человек. Он происходил из крестьян-бедняков Чердынского уезда. Отбыв военную службу в царской армии, работал на мебельных фабриках в Петрограде, потом воевал на германском фронте, был ранен, после лечения в госпитале снова вернулся в Петроград. Здесь он вступил в большевистскую партию. После победы Октябрьской революции его направили для работы в

Пермь, откуда командировали через организацию Союза инвалидов в Чердынь. Работая писарем в воинской команде, он развернул активную большевистскую агитацию среди солдат и городской бедноты. Скоро ему удалось завоевать немало сторонников. Из них я помню солдат — Ефремова, Пономарева, Новикова, пекаря Осадинова, кузнеца Гамаюнова.

Мне не раз приходилось слышать выступления С. Е. Подкина на заседаниях Чердынского Совета. Говорил он не очень складно, но страстно и убежденно, смело бросал вызов на непримиримую борьбу чердынским толстосумам и их прислужникам. Помню, как, горячо жестикулируя, он доказывал, что Совету надо брать власть, что никто не поднесет этой власти на блюдечке, ее нужно брать самим, силой. Вопрос о взятии власти не раз ставился на заседаниях Совета, но меньшевистско-эсеровское большинство каждый раз его проваливало.

Классовая борьба все обострялась. В конце декабря городская дума создала добровольческую «народную дружину» из вернувшихся с фронта молодых офицеров, студентов и учеников реального училища — сынков местного купечества.

Дружину вооружили винтовками и карабинами, возглавил ее офицер Вологдин, его помощником стал зять городского головы кадет Витман.

В противовес этой белогвардейской дружине Совет организует свою дружину из членов Союза рабочих, в нее вошли также реалисты — члены нашего кружка Вася Дураков, Алеша Щеголихин и некоторые другие. Командовал рабочей дружиной солдат местного гарнизона Иван Андреевич Пономарев, крестьянин Юкеевской волости Чердынского уезда (ныне Кочевский район Коми-Пермяцкого округа). Вооружили дружину снача-

ла берданками и охотничьими ружьями, потом удалось достать немного винтовок, патронов и ручных гранат.

В начале января 1918 года на заседании Совета большевики воспользовались отсутствием части меньшевиков и большинством в один голос провели решение о взятии Советом власти. Тут же была создана комиссия по реорганизации Совета и через день начались его перевыборы. В результате новых выборов исполнительный комитет Совета был реорганизован, и хотя в него вошли и меньшевики и эсеры, но все же большинство было рабочих, а председателем исполнительного комитета выбрали большевика С. Е. Подкина.

Когда Чердынский Совет рабочих и солдатских депутатов объявил себя органом власти, местная буржуазия и ее прихлебатели отказались ему подчиняться. На объединенном заседании уездного земского собрания и городской думы из представителей реакционных кругов был создан так называемый народный совет. Однако Совет рабочих и солдатских депутатов уже перешел к решительным действиям. По его приказанию рабочая дружина арестовала руководителей «народной дружины» Вологодина, Витмана и Коровина, произвела обыски у белодружинников, отобрав у них значительное количество оружия.

От имени исполнительного комитета Совета по городу было расклеено объявление, в котором предлагалось сдать все имеющееся на руках оружие.

В эти дни по запросу Чердынского Совета Уральским областным Советом и Пермским губисполкомом в Чердынь был направлен Лысьвенский отряд Красной гвардии. Как свидетельствуют материалы Чердынской комиссии истпарта, созданной в первой половине двадцатых годов, отряд прибыл в Чердынь в первых числах февраля 1918 года (по старому стилю).

Красногвардейский отряд сначала побывал в Соликамске. В результате ожесточенной борьбы с меньшевиками и эсерами и вооруженных стычек с местными белогвардейцами лысьвенцы помогли установить Советскую власть в Соликамске и Усолье, после чего отряд направился в Чердынь.

Помню, как волновалось местное население, когда ранним морозным утром санной дорогой на подводах приехали красногвардейцы, вооруженные винтовками, револьверами и пулеметами.

Отряд в большинстве своем состоял из лысьвенских рабочих, но были в нем и кизеловские шахтеры и рабочие некоторых других заводов Пермского округа. Официально он именовался «Третьим революционным сводным отрядом».

Командиром отряда был Иван Иванович Соларев, рабочий чугунолитейного цеха Лысьвенского металлургического завода, участник русско-германской войны, позднее командир первого сводного полка Советов Приуралья, а затем командир 8-го Уральского стрелкового полка, воевавшего на южном участке Восточного фронта.

Вместе с отрядом прибыл из Перми председатель Центрального штаба Красной гвардии Советов Приуралья Дубнер. Позднее он воевал в регулярных частях Красной Армии и был убит на одном из фронтов гражданской войны.

С прибытием отряда по городу поползли зловещие слухи, усердно распространяемые контрреволюционными кругами, о том, что теперь начнется анархия и резня.

Испуганные обыватели попрятались по домам.

Однако никаких ужасов не случилось. В городе царил полный порядок. Командование отряда действовало

совместно с Советом и местной рабочей дружиной. Занято было здание уездной земской управы — главного оплота местных контрреволюционных сил, заседавшие там уездное земское собрание разогнали. Заняты были также помещения казначейства, городской управы и другие общественные здания. Всюду расставлены красногвардейские посты, по городу ездили вооруженные патрули, общественная охрана города была организована хорошо. У местной буржуазии провели обыски, арестовали несколько купцов и белогвардейцев, особенно яро выступавших против Советской власти.

В местной типографии было отпечатано и повсюду расклеено воззвание штаба отряда «К гражданам города Чердыни», в котором говорилось, что в городе и уезде власть переходит в руки Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Предлагалось немедленно сдать имеющееся на руках оружие, сохранять спокойствие и порядок.

Городская беднота встретила приезд красногвардейцев сочувственно.

Состоялось несколько расширенных заседаний Совета с представителями прибывшего отряда. Они происходили в большом зале уездной земской управы. Здесь собиралось много любопытных.

Для населения города был проведен митинг, на котором разъяснялось значение Великой Октябрьской социалистической революции и перехода власти в руки трудящихся.

С огромным интересом слушали мы речи прибывших товарищей. Выступали Дубнер, Соларев, Барабанов, Рычков. Особенно понравились мне тогда речи Барабанова и Рычкова. Барабанов выступал горячо, с подъемом, громил контрреволюцию, призывал к сплочению трудящихся вокруг Совета. Рычков говорил спокойно,

серьезно, вносил деловые предложения по укреплению власти Совета.

В те времена ораторы выступали на митингах и собраниях, в отличие от нынешних времен, без всяких блокнотов и бумажек, не держали перед глазами конспектов и записей. Такие речи как-то лучше доходили до сердца и легче воспринимались. Говорили просто, иногда и коряво, без красивых литературных оборотов, зато умели зажигать сердца огнем революционной борьбы.

Митинги посещали охотно, особенно те, кто сочувствовал Советской власти. Вместе со мной на эти митинги ходила и моя мать, она жила тогда всецело моими интересами.

Когда началось расследование дел чердынских белогвардейцев, в частности городской белогвардейской дружины, один из белодружинников, ученик реального училища Владимир Михайлов, скрылся и уехал на Южный Урал. Там он искупил свою вину перед Советской властью: вступил добровольцем в Красную гвардию и участвовал в походе южно-уральских отрядов, которые под командованием В. К. Блюхера вышли из вражеского окружения к городу Кунгуру. Отец Владимира был коммунистом и в 1918 году работал в нашем городе редактором местной газеты «Известия Чердынско-Печорского края». Это был человек интересной судьбы.

Аполлон Тимофеевич Михайлов родился в Гайнской волости Чердынского уезда, в молодости был последователем толстовских идей. Работал сначала учителем, потом стал журналистом. Преследуемый полицией за политическую неблагонадежность, он кочевал с одного места на другое, семья его — жена, учительница начального училища, и трое детей — жила постоянно в Чердыни. Революция застала его в Петрограде, в мае 1917 года он вступил в партию большевиков, сотрудни-

чал в «Солдатской правде», потом в «Красной газете» и «Известиях Петроградского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». В Чердынь вернулся в первой половине 1918 года после установления Советской власти и вскоре стал работать в редакции газеты.

Лысьвенский отряд Красной гвардии пробыл в Чердыни около двух недель. Крестьяне из окрестных деревень обращались к командованию отряда с просьбой помочь им установить Советскую власть. Соларев направлял небольшие группы вооруженных красногвардейцев в ближайшие деревни и села, где они помогали бедноте в борьбе с кулаками, проводили выборы Советов.

Укрепив работу Чердынского Совета и выделив, по указанию Пермского губисполкома, небольшую группу наиболее подготовленных товарищей для постоянной работы в местном Совете, отряд в начале марта выбыл в Пермь.

Для работы в Чердыни остались рабочие Лысьвенского завода коммунисты Эрнст Аппога (латыш), его старший брат Фриц Аппога, Максим Барабанов, Александр Рычков и Александр Трушкин.

Рычков был сначала комиссаром в уездной земской управе. На состоявшемся вскоре уездном съезде Советов его избрали в состав Совета и выдвинули на должность председателя уездного исполкома и комиссара по управлению уездом. За его подписью в Пермь была отправлена телеграмма:

«Вся власть руках Совета. Спешно организуется Красн(ая) Армия. Высылайте оружие. Крестьянский съезд признал власть народных комиссаров. Какое положение Перми. Телеграфьте. Уездкомиссар Рычков».

Несколько позднее А. И. Рычков с отрядом добровольцев Красной Армии поехал на фронт, но был остав-

Центроуниверс
Фурьеру
Воз власти руках
советов стожити
организуети
Красн. армия воева
лейоние орудия
Крестьянский
созд признан
вместе народно-
мессажа
какое положити
перни телегра-
фии уездном
судов Рашкал

Телеграмма, посланная А. И. Рычковым в Пермь в феврале 1918 года после проведения уездного съезда Советов в Чердыни.

ден в Перми и направлен учиться на краткосрочные курсы командного состава при губернском военном комиссариате. По окончании курсов его снова откомандировали в Чердынь и до самой эвакуации он работал вторым уездным военным комиссаром.

Барабанов был сначала первым председателем революционного трибунала, затем он до конца 1918 года возглавлял исполнительный комитет Чердынского Совета.

Эрнсту Аппоге было поручено формирование частей Красной Армии. Он создал уездный военный комиссариат и до самой эвакуации работал в Чердыни первым уездным военным комиссаром.

Его старший брат Фриц занимал в военном комиссариате пост военного руководителя.

Трушкин организовал и возглавлял в течение 1918 года уездную Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Эти товарищи вынесли на своих плечах всю тяжесть организационной работы по укреплению Советской власти в городе и уезде. В результате проведенного в конце февраля уездного съезда крестьянских депутатов был создан новый исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который уже всецело находился под большевистским влиянием. В уезде создавались волостные и сельские Советы. Началось проведение в жизнь декретов Советского правительства.

Для содержания советских учреждений не хватало средств, и Чердынский Совет обложил местных купцов крупной денежной контрибуцией. Под страхом тюремного заключения пришлось чердынским толстосумам раскошелиться и внести указанную сумму на текущий счет Совета.

Большевики были в Чердыни, как я уже говорила, и до приезда лысьвенцев. Но их было немного, и они не смогли обеспечить большевистского влияния в Совете. Приехавшие коммунисты — рабочие одного из крупнейших заводов Урала, богатого революционными традициями, стояли выше местных коммунистов, как в политическом, так и в культурном отношении. Они накопили уже немалый опыт в борьбе за победу Октябрьской революции на Лысьвенском металлургическом заводе в 1917 году.

Приезд лысьвенцев влил свежую струю во всю общественно-политическую жизнь города. Прибывшие товарищи явились тем ядром, вокруг которого сплотились местные коммунисты и все сочувствующие Советской власти.

С этого времени большевистская организация в Чердыни окрепла и начала разворачивать работу сначала в городе, а потом и в уезде. Ее ряды быстро росли за счет местного пролетарского элемента, все больше и больше возрастал авторитет большевиков среди трудящихся.

Лысьвенцев выдвинули на руководящие посты и в Чердынской большевистской организации. Эрнста Аппогу избрали в 1918 году председателем уездного комитета большевиков, его заместителем стал Трукшин. Рычков был членом комитета. В состав комитета входили также наша бывшая учительница А. Р. Фадеева, Н. Ф. Чудинов, работавший заведующим отделом социального обеспечения, и агитаторы И. А. Александров и Сологуб.

Частое посещение митингов того времени и заседаний Совета пробудило у меня желание включиться как-то в общественно-политическую жизнь города. Среди большевиков у меня еще не было тогда знакомых, к

приехавшим лысьвенцам я хоть и прониклась сразу же большим уважением, но пока наблюдала за ними только издали.

Между тем местная организация эсеров, сильно обеспокоенная тем, как быстро начало возрастать влияние большевиков в массах, начала принимать энергичные меры к тому, чтобы завербовать себе новых сторонников, в первую очередь из учащейся молодежи.

Поддавшись настойчивым уговорам бывшего политического ссыльного А. А. Бурова, с которым я познакомилась через свою школьную подругу Клавдию Карнаухову, я побывала на нескольких эсеровских собраниях. Разочарование наступило быстро. Оттолкнула от эсеров прежде всего их двуличная предательская политика. В тот период эсеры еще входили в состав Совета: Буров в первой половине 1918 года занимал пост заместителя председателя уездного исполнительного комитета Совета и, как я тогда полагала, работал честно. На эсеровских же собраниях я неожиданно для себя услышала, что эсеры входят в Совет не для того, чтобы укреплять Советскую власть, а для того, чтобы «взрывать Советы изнутри» и всеми силами не давать большевикам руководить работой Советов.

Как ни мало я была искушена в политике, но уже ясно понимала, что власть Советов — это главное завоевание трудящихся в Октябрьской социалистической революции, и тот, кто против Советской власти, — враг революции. Я решительно порвала всякую связь с эсерами. Как раз к этому времени подоспела подготовка к выпускным экзаменам.

Получив после окончания гимназии аттестат зрелости, мы решили ехать в Пермь. Нас было пятеро: Фаня Огнева, сестры Карнауховы — Кая и Фрася, Лида Ларионова и я. Мы намеревались устроиться на работу в

Г. П. Рыкова. 1918 год, Чердынь.

губернском городе с тем, чтобы осенью поступить в университет. Но это не удалось. Найти работу оказалось нелегко: тогда была безработица, и биржу труда переполняли желающие найти заработок. Правда, мне удалось поступить на временную работу в оценочно-статистическое бюро, где у отца и матери были старые сослуживцы, помнившие их как опытных земских статистиков. Фаня Огнева устроилась в аптеку, опять-таки благодаря знакомствам своих родителей с фармацевтами Перми. Но остальные наши подружки встретились с большими трудностями. К тому же мы, еще не очень приспособленные к самостоятельной жизни, изрядно голодали. В то лето в Перми у булочных с вечера выстаивались огромные очереди, они выстаивали всю ночь, а на утро хлеба привозили мало или совсем не привозили. Других продуктов в магазинах тоже не продавали, покупать на рынке мы не могли из-за отсутствия средств. Часто целыми днями ходили с пустыми желудками, питаясь одной вареной капустой и жидким чаем. Пришлось отложить мечту об университете и вернуться домой, чтобы осенью ехать учительствовать в деревню.

Из этого недолгого пребывания в губернском центре мне особенно запомнилось посещение театра. В то лето на гастроли в Пермь приезжала знаменитая балерина Анна Павлова, объехавшая со своей небольшой труппой многие страны мира. Мы тогда еще не знали, что приехала звезда первой величины, но решили посмотреть: мы не видели никогда балета. Билеты пришлось купить самые дешевые, в последний ряд галерки. Но впечатление осталось незабываемое и от красоты исполняемых танцев, и от красоты самой балерины. Один из ее современников так описывает эту замечательную танцовщицу: «У нее была чарующая улыбка и красивые, чуть

грустные глаза, длинные, стройные ноги; фигура изящная, хрупкая и такая воздушная, что, казалось, она вот-вот оторвется от земли и улетит».

Глядя на чудесные танцы этой замечательной балерины, мы испытывали светлое чувство радости и восхищения. И долго потом делились впечатлениями от увиденного. Анна Павлова навсегда осталась в моей памяти — светлая, легкая, изумительно прекрасная в своем стремительном, летящем танце.

Другое событие этого времени, которое также врезалось в мою память, было печальным: похороны матроса Хохрякова. Он был убит в бою с белочехами и белогвардейцами, наступавшими тогда на Урал. Хоронили его летним днем: на улицах собралось много народу, далеко растянулась траурная процессия. Медленно двигался высоко поднятый гроб под красным полотнищем, усыпанный цветами. Хватала за сердце печальная музыка военного оркестра. За гробом шли соратники, друзья и близкие убитого, их лица были суровы, печальны. Похоронили Хохрякова в центре города на площади перед оперным театром. Не раз потом всплывал в памяти этот печальный день, когда спустя годы мне вплотную пришлось изучать ту обстановку, в которой жил, работал, воевал и погиб герой гражданской войны матрос Павел Данилович Хохряков, организатор Красной гвардии на Урале, простой и мужественный человек, защитник Октябрьской революции.

Вступление в партию

В моей судьбе, как и в судьбах моих друзей, большая роль принадлежит приехавшим в Чердынь лысьвенским рабочим-красногвардейцам. В тот боевой восемнадцатый год, когда в нашем маленьком городке и обширном уезде они начинали строить новую жизнь, мы ясно поняли, в каком лагере надо бороться за будущее, какое место занять в ломке старого уклада, в коренной переделке общественного строя.

Лысьвенцы быстро сблизились с местной учащейся молодежью и вовлекли немало выпускников реального училища и женской гимназии в свой круг. Наиболее передовая часть этой молодежи вступила в ряды Коммунистической партии.

Для меня лично крутой поворот к новой жизни начался со встречи с Рычковым. Я по-

знакомилась с ним не в Чердыни, а в Перми летом 1918 года, когда он учился на курсах военных инструкторов. Нам с Фаней хотелось тогда поближе познакомиться с кем-нибудь из большевиков, и мы решили разыскать в Перми Рычкова, которого много раз видели и слышали в Чердыни.

Узнав, где находятся курсы военных инструкторов, мы как-то под вечер направились в общежитие курсов и, вызвав Рычкова в широкий коридор, представились ему — он нас, конечно, не знал. Мы рассказали о себе и попросили у него совета, что нам нужно делать, чтобы помочь Советской власти. Может быть, пойти на фронт? Бои с интервентами тогда шли уже на подступах к Екатеринбург.

Он выслушал нас серьезно, внимательно. И посоветовал вернуться обратно в Чердынь. Дело везде найдется.

Так завязалось наше знакомство.

Александр Иванович Рычков родился в Пермском уезде в деревне Андрюковой, близ Верхнечусовских Городков, в семье крестьянина-середняка. Его дед, отец и братья были портными. Зимой они ходили по деревням и портняжили в крестьянских семьях, летом занимались дома сельским хозяйством.

Александр закончил четырехклассную начальную школу и работал сначала вместе с отцом и братьями. В 1916 году он уехал в Лысьву, поступил на металлургический завод, обучился слесарному делу. В начале 1917 года работал десятником в дорожно-транспортном цехе этого завода. В дни Февральской революции вступил в большевистскую партию и сразу же включился в кипучую общественную жизнь.

Его избрали членом Совета рабочих и солдатских депутатов, а в своем цехе председателем цехового ко-

Чердынский уездный военный комиссариат.
1918 год. Во втором ряду сидят слева направо:
четвертый — А. П. Трукшин, пятый — И. А. Алек-
сандров, шестой — Ф. Ф. Аппога, седьмой —
Э. Ф. Аппога, восьмой — А. И. Рычков.

митета. Как только стала создаваться Красная гвардия, Александр вступил добровольцем в ее ряды. Весь цеховой комитет, которым он руководил, записался в Красную гвардию.

У него были хорошие способности. Еще дома, в деревне, он пристрастился к книгам, много читал, постоянно пополняя свои знания самообразованием. В каждом деле, за какое бы он ни брался, проявлял упорство, настойчивость, целеустремленность. Простой, общительный, любивший пошутить, с врагами Рычков становился твердым и беспощадным.

У него, как и у меня, были близкие товарищи, с которыми он делил радости и тревоги того грозowego времени. Он много рассказывал нам о своей жизни в Лысьве, о своих друзьях, с которыми приехал в Чердынь. Рассказывал и о родной деревне, о матери, которую глубоко и нежно любил.

Мы подружились незаметно и быстро. Наши встречи участились по возвращении в Чердынь.

Под влиянием Рычкова я и Фаня Огнева вступили в большевистскую партию. Нашими поручителями были А. Р. Фадеева и А. И. Рычков.

Какое радостное волнение и чувство гордости испытывали мы с Фаней, когда нас приняли в партию! Вся жизнь наполнилась каким-то новым светом, хотелось сейчас же приняться за дело, внести свой вклад в борьбу. Нас не пугали невзгоды и трудности избранного пути: мы твердо верили в силу партии, в победу коммунизма.

И еще одно большое событие произошло в это время в моей жизни: я вышла замуж за А. И. Рычкова. Мое замужество без венчания в церкви — мы зарегистрировались только в ЗАГСе — было первым таким браком в нашем городе и вызвало бурные пересуды. Ку-

А. И. Рычков. 1918 год.

мушки женского и мужского пола немало злословили по поводу того, что я, дочь земского служащего, так низко пала, без венца связалась с простым рабочим, да к тому же еще с большевиком-ленинцем. Самые слова «большевик» и «ленинец» наводили тогда страх на многих обывателей. Немало грязи было вылито на мою голову. Но близкие друзья, мнением которых я дорожила, да и родные тоже, одобрили мой выбор.

Я оставила родную семью и поселилась в «коммуне», так называли шутливо квартиру, в которой мой муж жил вместе со своими ближайшими друзьями.

«Коммуна» помещалась на Успенской улице, около церкви Успения, на втором этаже двухэтажного деревянного дома, принадлежавшего купцу Могильникову. Кроме нас, здесь жили Эрнст Аппога с женой, его старший брат Фриц и Александр Прокофьевич Трушкин. Последний перешел потом на отдельную квартиру, но обедать продолжал у нас. Здесь же столовались ежедневно еще несколько сотрудников Чрезвычайной комиссии, молодых приезжих холостяков: общественной столовой тогда в Чердыни не было.

Хозяйством «коммуны» заведовала жена Эрнста, Клавдия Петровна.

В сентябре 1918 года я начала работать техническим секретарем в уездном комитете партии. Весь аппарат комитета состоял из одного технического секретаря. Работа не оплачивалась, средств для этого у комитета не было.

Мои обязанности были разнообразны. Под руководством председателя комитета Э. Аппоги я вела всю текущую переписку, получала, распределяла и отправляла по волостным и сельским ячейкам газеты и политическую литературу, вела протоколы на заседаниях комитета, оформляла документы вступающих в партию, при-

нимала членские взносы, составляла денежные отчеты, сдавала наличные деньги в местное отделение банка.

Осенью 1918 года мои школьные подруги уехали учительствовать в деревню. Фаня Огнева и Фрася Карнаухова работали неподалеку от Чердыни в волостном селе Бондюге. Фрася в ноябре 1918 года тоже вступила в партию. Вместе с Фаней они организовали в Бондюге партийную и комсомольскую ячейки и активно развернули политическую агитацию среди местного населения. Каня Карнаухова учительствовала в Пянтеге, где она также стала членом Коммунистической партии.

Лекционная и массово-агитационная работа среди крестьянского населения в уезде проводилась тогда уездным отделом управления, где имелся для этого специальный штат агитаторов. Заведовал отделом управления коммунист Владимир Иванович Дубровский, бывший агроном, латыш по национальности, его настоящая фамилия Эйхвальд.

Заседания уездного комитета большевиков проходили регулярно: один, иногда два раза в неделю. Общегородские партийные собрания — раз в месяц. Партийных ячеек при учреждениях еще не существовало.

В ноябре 1918 года мы проводили в Чердыни первую уездную партийную конференцию, на которую съехалось около тридцати человек, не считая представителей городской парторганизации. Меня избрали секретарем конференции, и я вела запись докладов и выступлений. Были заслушаны доклады о текущем моменте, о работе уездного комитета, о работе на местах. К сожалению, протоколы и материалы этой конференции в архивах не сохранились.

Работать нашим товарищам приходилось много. Не только днем, но и вечером, иногда по целым ночам, часто и в воскресенье. Нередко в нашей квартире глубо-

кой ночью раздавался телефонный звонок, дежурный из ЧК или военного комиссариата сообщал о новом тревожном происшествии. Аппога и Рычков немедленно уходили, иногда сутками не бывали дома.

Памятны мне те недолгие часы, когда мы все собирались в столовой нашей «коммуны» за обедом или вечерним чаем.

Шли веселые разговоры, сыпались шутки, начиналось взаимное подтрунивание, раздавался громкий смех. Все были молоды, здоровы, трудная напряженная работа требовала разрядки.

Иногда в эти часы начинались воспоминания о Лысьвенском заводе, о работе в 1917 году. Все загорались, с большим темпераментом, перебивая друг друга, припоминали отдельные эпизоды и происшествия. Рассказывали о том, как боролись с меньшевиками и эсерами, как работали в Совете, как создавали первые вооруженные отряды рабочих. С огромным интересом слушала я эти рассказы, наблюдая за оживленными лицами товарищей. Запомнилось горячее чувство гордости за свой завод, за его рабочих, сыгравших такую большую роль в борьбе за победу Октябрьской революции на Урале. Эти рассказы произвели на меня неизгладимое впечатление.

Через десяток лет я, приступая к изучению истории большевистских организаций Урала, первое свое исследование посвятила истории большевиков Лысьвенского завода.

Расскажу немного подробнее об отдельных членах нашей маленькой «коммуны».

Самым старшим из нас был председатель Чердынской уездной Чрезвычайной комиссии Александр Прокофьевич Трукшин, член партии с 1917 года. Ему было тогда около тридцати лет.

А. П. Трукшин. 1918 год.

Сын русского рабочего города Либавы, он вырос в Латвии и хорошо говорил по-латышски, в Чердыни его многие считали латышом. Очень рано он начал плавать сначала юнгой, потом матросом в Балтийском и Белом морях. За распространение нелегальной литературы и помощь в побеге товарищам, которым угрожала смертная казнь, Александра Трукшина арестовали. Временным военно-полевым судом под председательством генерала Меллер-Закомельского он был приговорен в 1908 году к двенадцати годам тюремного заключения. Освободила его Февральская революция. В октябре 1917 года ему посчастливилось принять самое активное участие в вооруженном восстании в Петрограде.

Сразу же после победы Октябрьской революции Трукшин уехал на Урал, в Лысьву. Здесь он включился в организационную работу Совета и революционного трибунала. Среднего роста, худощавый, подвижный, всегда подтянутый, с энергичным лицом, он пристально смотрел из-под нахмуренных светлых бровей, как бы пытаясь проникнуть в душу собеседника: работа в ЧК наложила на него свой отпечаток. Говорил он быстро, резко, иногда не стеснялся и в выражениях. После напряженного дня в ЧК он часто возвращался домой озабоченным и утомленным: ему приходилось постоянно иметь дело с контрреволюционными заговорами, кулацкими мятежами, вести лично допросы арестованных белогвардейцев. Его считали грозой чердынской буржуазии, но в кругу своих товарищей он был прост и мягок в обращении, пользовался их уважением.

Братья Аппоги происходили из революционной рабочей латышской семьи. Отец их, Фриц Аппога, и его брат Христоп были активными участниками революции 1905—1907 годов в Латвии. После поражения первой русской революции Фриц Аппога попал в тюрьму, а его

брат Христоп был выслан на вечное поселение в Сибирь, где и умер, не дождавшись Октябрьской революции.

Во время первой империалистической войны, при наступлении немцев, Фриц Аппога с двумя сыновьями бежал из родных мест в Ригу, оттуда уехал в Петроград. Здесь отец и младший сын Эрнст работали на заводе «Людвиг Нобель», а старший сын Фриц был мобилизован в армию. Незадолго до Февральской революции отец вместе с младшим сыном как политически неблагонадежные были высланы из Петрограда на Урал, в Лысьву, где поступили работать на металлургический завод. Эрнст работал токарем и шлифовальщиком в шанцевом цехе. В дни Февральской революции он участвовал в разоружении полиции, вступил в ряды большевистской партии и стал одним из активнейших членов организации: часто выступая на митингах, разоблачал соглашательскую политику меньшевиков и эсеров. Порусски он говорил тогда еще плохо, с сильным акцентом, но содержательные его речи слушали очень охотно. В Лысьве Э. Аппогу избрали членом Совета рабочих и солдатских депутатов и членом Центрального Совета фабзавкомов Лысьвенского горного округа.

Эрнст Аппога был на один год старше меня, в 1918 году ему исполнилось только двадцать лет. Природа щедро одарила его способностями, здоровьем, красотой. Высокого роста, богатырского сложения, с веселым открытым лицом, он невольно привлекал внимание. В деловых разговорах и товарищеских беседах на лету схватывал мысль собеседника, никогда не терялся при самых трудных обстоятельствах, отличался необыкновенной смелостью. Умел и пошутить, повеселить близких друзей. Энергия была из него ключом, он был похож, как мне казалось тогда, на молодого орленка.

В лихо сдвинутой фуражке и черной кожаной курт-

ке, какие часто носили комиссары того времени, перепоясанный крест-накрест португесей с револьвером на боку, он был кумиром мальчишек. Один товарищ, приехавший в Чердынь после освобождения Урала от Колчака, когда Эрнста уже давно там не было, вспоминает интересный факт, свидетельствующий о популярности Аппоги. Когда этот товарищ ездил в командировки по Чердынскому уезду, он часто спрашивал в какой-нибудь деревне у обступивших его со всех сторон любопытных мальчишек: «А кем бы вы хотели быть, когда вырастаете большими?» И, к его удивлению, он часто слышал короткий ответ: «Аппогой!»

Деревенское кулачье люто ненавидело Эрнста, распространяло самые злостные слухи о якобы совершаемых им зверствах. Его именем пугали маленьких ребят: «Вот приедет Апуга, он вам задаст!»

Жена Эрнста, Клавдия Петровна, его ровесница, до замужества учительствовала. Она была беспартийной, но жила интересами своего мужа и его товарищей.

Фриц Аппога был на два года старше Эрнста, но выглядел моложе своего брата. Мобилизованный в армию во время империалистической войны, он окончил Киевскую военную школу. Но на фронте в начале 1917 года его разжаловали из прапорщиков в рядовые за агитацию против империалистической войны. В Лысьву Фриц приехал после Февральской революции и также, как младший брат, вступил в большевистскую партию. Товарищи любили его за преданность революционному делу, за выдержку и работоспособность, за твердость и настойчивость.

В Чердыни младший брат Эрнст был известен под именем Аппоги первого, старший брат Фриц — под именем Аппоги второго. Так они обычно подписывали официальные приказы уездного военного комиссариата.

Э. Ф. Аппога. 1918 год.

Ф. Ф. Ашоба. 1917 год.

Летом 1918 года в местной газете печатался так называемый «Опыт биографического словаря города Чердыни», автором которого был редактор газеты А. Т. Михайлов. В нем давалась такая характеристика Эрнсту и Фрицу:

«Аппоги — два брата, латыши, показывающие лесному краю, как надо выполнять свой долг перед Советской властью и работать для народной свободы. Доблестные витязи, ведающие охраной края. В дружбе с врагами народа никогда не будут, перед торжествующей черной силой живыми не сдадутся».

(«Известия Чердынско-Печорского края» № 11 от 7 июля 1918 года).

Близким человеком к нашей «коммуне» был Максим Михайлович Барабанов. Он жил отдельно от нас с семьей, приехавшей к нему из Лысьвы, — с женой, очень скромной и милой женщиной, маленьким сыном и старухой матерью. У нас он бывал не часто, но его связывала с нашими коммунарами совместная деятельность в Чердыни и прошлая работа в Лысьве.

До революции Барабанов работал на Алапаевском и Нижне-Сергинском заводах. Февральская революция застала его на Лысьвенском заводе. В большевистскую партию он вступил в начале марта 1917 года, участвовал в разоружении полиции, был избран членом Совета рабочих и солдатских депутатов. По поручению Совета выезжал для проведения агитации на ближайшие заводы. Организовал большевистскую ячейку в ново-снарядном цехе Лысьвенского завода. Накануне Октябрьской революции вошел в состав Центрального Совета заводских комитетов Лысьвенского горного округа. В декабре 1917 года работал в Лысьвенском революционном трибунале в отделе по борьбе с контрреволюцией.

Барабанову было лет тридцать. Высокий, сутулова-

тый, с впалой грудью, он выглядел болезненным. Его бледное лицо с крепко сжатыми губами было всегда суровым. Выступая на собраниях, он поражал неожиданно мощным голосом с каким-то металлическим оттенком, его постоянным выражением было — «надо подвинтить гайки». Он обладал ораторскими способностями, выступал всегда с жаром, при этом его худое лицо окрашивалось легким румянцем, раздувались крылья крупного носа, голубые глаза метали молнии. Но при разговорах с друзьями его губы неожиданно трогала мягкая улыбка, из-под нависших надбровных дуг светился добрый взгляд усталых глаз.

Барабанова так же, как и Трукшина, считали грозю чердынской буржуазии. Их имена наводили страх на обывателей, чему немало способствовали всякие небылицы, распространяемые о них контрреволюционными кругами.

Для меня самым близким и родным человеком стал Рычков. Он был старше меня на пять лет. В партийной организации и среди близких друзей он пользовался авторитетом и влиянием. В деловой обстановке всегда был сосредоточенным и серьезным, а дома, как и Эрнст Аппога, иногда любил подурачиться. Александра и Эрнста связывала большая дружба. В уездном военном комиссариате их рабочие столы стояли рядом в одном кабинете, они постоянно обменивались мнением, советовались друг с другом. Дома часто продолжали начатые в комиссариате разговоры.

Рычков умел как-то особенно душевно и глубоко поговорить с каждым, кто к нему обращался. Большой симпатией пользовался он среди учащейся молодежи. С ним дружили некоторые из учеников старших классов реального училища — Александр Бухарин, Петр Суслов, Виктор Колмогоров и другие. Под его влиянием они

М. М. Барабанов. 1917 год.

вступили добровольцами в Красную гвардию, стали коммунистами. Юноши и девушки, мои ровесники, любили с ним побеседовать, посоветоваться, спросить его мнение по вопросам, которые их волновали. Помню, как Василий Дураков, Владимир Дворников, Петр Мельников обсуждали с ним осенью 1918 года вопрос о создании при уездном комитете большевиков молодежной организации.

Эти трое юношей и выступили инициаторами создания Чердынской комсомольской организации, которая оформилась в ноябре 1918 года.

Рычков был членом редколлегии газеты «Известия Чердынско-Печорского края», писал для нее немало статей, заметок, сообщений. В своих статьях он призывал к беспощадной борьбе с классовым врагом, писал, что «лучше смерть, чем ярмо империализма и капитала».

Александр часто ездил в командировки. Он был участником первого съезда военных комиссаров Уральского военного округа, проходившего в Вятке 22—23 октября. Съезд обсудил вопросы партийно-политической и культурно-просветительной работы среди красноармейцев. Вернувшись со съезда, Александр сказал мне, что ему предложили перейти на работу в областной военный комиссариат. Но я решительно воспротивилась переезду в Вятку, а потом горько раскаивалась в том, что мы с ним тогда не уехали...

В Чердыни уездный съезд военных комиссаров и военных руководителей, которым руководил Рычков, проходил в середине ноября. Съехалось человек тридцать, представители дальних волостей не смогли приехать на съезд. После обсуждения деловых вопросов, связанных с работой волостных военных комиссариатов, был заслушан доклад по текущему моменту и послана приветственная телеграмма В. И. Ленину.

Рычков восторженно преклонялся перед Лениным. Я, молодая коммунистка, любила слушать его рассказы о Ленине, от него первого узнала, что Ленин был основателем нашей Коммунистической партии, вождем Великой Октябрьской революции. Александру не пришлось в своей короткой жизни увидеть Ленина, но он никогда не пропускал ни одной ленинской статьи, опубликованной в газетах, Владимир Ильич был для него самым высшим и непререкаемым авторитетом. Не раз он говорил мне: «Делай всегда так, как учит Ленин, и ты никогда не ошибешься». Этому завету я старалась следовать всю мою жизнь.

Как и я, Рычков был страстным любителем книг. Часто по вечерам, несмотря на его позднее возвращение с работы, мы подолгу проводили время за книгой. Читали вслух по очереди сначала художественную литературу, а потом взялись и за серьезные книги. Доставать литературу было моей обязанностью. Я приносила из библиотеки толстые тома Дарвина, а потом и «Капитал» Маркса. Но эту книгу пришлось отложить до лучших времен: она оказалась трудной, особенно для меня. Мы строили планы, как поедем вместе учиться в Москву, когда закончится гражданская война, мечтали о том, что там мы увидим Ленина! Увы! Этим мечтам не суждено было сбыться. Учиться в Москве, увидеть и услышать Ленина мне пришлось потом уже одной, без него.

Борьба с контрреволюцией

Чердынский уезд объединял примерно восемь современных районов нынешней Пермской области. Весной 1918 года к уезду присоединили еще три волости Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии, находившиеся в верховьях Печоры, — Троицко-Печорскую, Савиноборскую и Шугорскую. Ныне эта территория входит в состав Коми АССР.

Условия работы в городе и уезде были тяжелые. Как я уже говорила, промышленных предприятий город не имел, а следовательно, не существовало и компактных групп рабочих, на которые могла бы опираться большевистская организация. В уезде действовали небольшие лесопромышленные предприятия, но всего лишь несколько. Деревни и села, особенно в северной части уезда,

находились друг от друга на очень большом расстоянии, крестьянство было отсталым, неграмотным. В Чердыни и в большом торговом селе Покче, расположенном недалеко от города, властвовали богатые купцы — Алины, Щипуновы, Мичурины. Купечество, а вместе с ним лесопромышленники, деревенские кулаки, прислужники городской и сельской буржуазии при активном участии меньшевиков и эсеров оказывали упорное сопротивление Советской власти, саботировали ее распоряжения, поднимали вооруженные мятежи. То там, то тут в уезде вспыхивали восстания, на подавление которых из Чердыни выезжали небольшие отряды, организованные при военном комиссариате, при Чрезвычайной комиссии и при милиции.

В июне было совершено нападение на красноармейский отряд, возвращавшийся с верховьев Печоры, куда он ездил для помощи в установлении Советской власти. Вооруженная белая банда устроила засаду в Ныробе и неожиданно напала на красноармейцев. Завязался бой. Об этом по телефону сообщили в Чердынь, на помощь прибыл с отрядом военком Э. Аппога. Банда была разогнана, ее главарь убит, при обысках и арестах отобрали много винтовок и револьверов.

Летом 1918 года происходило восстание в деревне Подкиной, возглавлял его офицер Ташкинов. Восстание было подавлено отрядом уездной ЧК под командой Трушкина и отрядом военного комиссариата во главе с Эрнстом Аппогой.

Примерно в это же время в верховьях реки Вишеры появились четверо неизвестных вооруженных людей, вызвавших подозрения у местного населения. Направленный из уездного центра в поселок Кутим небольшой отряд красноармейцев пытался захватить вражеских лазутчиков, но тем удалось бежать, причем в пере-

стрелке они убили одного красноармейца и двоих тяжело ранили. Через некоторое время неизвестных все же удалось найти, один из них оказался убитым, были взяты крупная сумма денег, несколько револьверов, большое количество патронов и записи со сведениями шпионского характера. Подобные факты в 1918 году в Чердынском уезде повторялись не раз.

В сентябре 1918 года крупное контрреволюционное восстание произошло на севере, в районе Усть-Щугора, в недавно присоединенных к уезду верхнепечорских волостях.

Еще в начале лета 1918 года Уральский областной Совет направил в эти волости особую экономическую экспедицию, перед которой была поставлена задача: обследовать и выявить природные богатства севера, а также организовать путем обмена на хлеб и промышленные товары доставку из Печорского края рыбы, оленины, дичи и пушнины. Экспедицию возглавлял сотрудник отдела снабжения — Уралснабжения — С. А. Морозов, в нее входили инженер П. К. Сахаров, краевед-экономист Д. М. Бобылев и представитель Челябинского губпродкома Ф. И. Владимирцев. Направляясь на Печору, руководители экспедиции остановились в Чердыни и провели здесь совещание, ознакомив исполком местного Совета со своими задачами.

10 июня экспедиция выехала из Чердыни в Корепино, откуда путь шел на Якшу и Печору. К этому времени была уже закончена транспортировка грузов, которые гужом следовали от Корепино до Якши.

Товарообменные операции, развернувшиеся в верховьях Печоры, проходили далеко не гладко: местное кулачество и белогвардейщина оказывали сопротивление. По запросу руководителей экспедиции из Екатеринбурга был прислан на помощь небольшой вооружен-

ный отряд. Когда же в первых числах августа 1918 года в Архангельске произошел контрреволюционный переворот, печорская буржуазия уже открыто формировала белогвардейские отряды. Они захватили Усть-Цильму и совершили вооруженное нападение на экспедицию. Об этом 3 сентября сообщили Морозов, Владимирцев, Сахаров и Бобылев в телеграмме председателю Уральского областного Совета А. Г. Белобородову. Под угрозой захвата белогвардейцами оказались баржи с хлебом, мануфактурой, порохом и другими товарами, предназначенными для товарообмена. По предписанию Белобородова 9 сентября из Чердыни на Печору выехал с небольшим отрядом военком Э. Аппога. Уральским областным Советом был прислан ему мандат, в котором говорилось, что Аппоге поручается обследовать состояние Печорской экспедиции в связи с нападением белогвардейцев.

Между тем печорские контрреволюционные силы, опираясь на поддержку английских интервентов и созданного в Архангельске белогвардейского правительства, активизировали свои действия.

16 сентября Э. Аппога телеграфировал из Троицко-Печорска в Пермь Белобородову, что в верхнепечорских деревнях и селах расклеен за подписью английского генерала Пуль и главы Северного белогвардейского правительства Чайковского приказ, в котором предписывалось распустить губернские, уездные, городские, сельские и деревенские Советы и арестовать их председателей и членов.

Белогвардейцы действовали все наглее. Неподалеку от Усть-Щугора они высадили крупный вооруженный десант. Поднявшись на четырех пароходах вверх по реке, они захватили телеграф в Щугоре и неожиданно ночью напали на пароход «Москва», где находился

Аппога с девятью красноармейцами. Несмотря на внезапность нападения, Эрнст не растерялся, открыл огонь и во время перестрелки ранил начальника белогвардейского отряда. Но силы были неравны, под обстрелом противника пароход «Москва» отступил, ему удалось уйти. Убит был лоцман Суслов, двое красноармейцев тяжело ранены. Пароходу нанесены большие повреждения.

По запросу Аппоги из Чердыни выехал другой отряд в количестве 70 человек под командованием Аппоги второго. На Печору выехали также Барабанов и Дубровский.

В это время для борьбы с печорской контрреволюцией прибыл еще один большой отряд из Котласа под командованием Мендельбаума. В Усть-Сысольской котласский отряд встретился с чердынским отрядом. Разместившись на нескольких пароходах, они начали преследование противника по реке и 25 сентября без сопротивления заняли Усть-Цильму. Белогвардейцы бежали, бросив часть оружия. Но беда заключалась в том, что не было единого командования советскими отрядами, и между братьями Аппогами, с одной стороны, и Мендельбаумом, с другой, начались крупные трения.

Мендельбаум, направленный на борьбу с верхнепечорской контрреволюцией командующим Котласским участком Северного фронта Геккертом, держался высокомерно, грубо и отказался признать полномочия Уральского областного Совета, выдавшего мандат Эрнсту Аппоге. Еще меньше доверия выразил он Фрицу Аппоге. Вследствие ложного донесения Мендельбаума Реввоенсовету 6-й армии Северного фронта в Чердынь было направлено телеграфное предписание арестовать братьев Аппог и Дубровского и доставить их в распоряжение командующего Котласским участком фронта

Геккерта. Но Мендельбаум еще до этого предписания успел арестовать Фрица Аппогу и агитатора Чердынского отдела управления коммуниста И. И. Сорокина. Одновременно с этим он разоружил часть чердынского отряда.

Телеграмма, полученная в Чердыни, вызвала большое волнение. Оставшийся в городе Рычков немедленно по телеграфу сообщил в Пермь Уральскому областному Совету о предписании арестовать Аппогу. «Тут явное недоразумение, — говорилось в телеграмме. — Срочно прошу указаний, разъяснений. Военком Рычков». Вскоре им была получена ответная телеграмма председателя Уралсовета Белобородова: «Командарм 3 сделал предложение командарму 6 освободить военрука Аппогу».

К этому времени Эрнст Аппога и Дубровский вернулись в Чердынь. На городском партийном собрании были заслушаны их доклады о событиях на Печоре и о конфликте, возникшем между ними и Мендельбаумом. Заслушав и обсудив их сообщения, собрание выразило им свое полное доверие. Вместе с тем собрание заявило категорический протест против ареста Фрица Аппоги и Ивана Сорокина, а также и против частичного разоружения чердынского отряда, потребовав немедленно освободить арестованных, возвратить отобранное оружие и строжайше расследовать действия Мендельбаума.

Я вела протокол этого собрания, председательствовал тогда Рычков. Собрание закончилось поздно вечером, а на следующее утро его решение было отправлено по телеграфу Уральскому областному комитету партии и Уралсовету. Для личного доклада по этому делу в Пермь выезжали Барабанов, Аппога первый, Дубровский и Трукшин. И только после переговоров Уральского областного Совета со штабом 3-й армии и личного вмешательства в это дело главного политиче-

ского комиссара 3-й армии Ф. И. Голощекина распоряжение Геккерта было отменено. Мендельбаума отозвали, ему предложили дать объяснение о причинах ареста Аппоги, а Котласская Чрезвычайная комиссия освободила из-под ареста Фрица Аппогу и агитатора Сорокина. На этом неприятный инцидент и закончился.

Остается сказать несколько слов о Морице Мендельбауме. Как свидетельствуют позднейшие исторические исследования, в тот период в Реввоенсовет 6-й армии неоднократно поступали сведения, характеризующие Мендельбаума с отрицательной стороны. Однако его поддерживал Геккерт, давая о нем самые лучшие отзывы. В дальнейшем Мендельбаум все же попал под суд военного трибунала уже на Западном фронте. Его судили за неблагоприятные поступки, в том числе за насилие и кулачные расправы, и приговорили к пяти годам тюремного заключения. Потом он попал под амнистию, и тюремное заключение применили к нему условно.

Одновременно с восстанием на Печоре началось восстание в соседнем Усольском (Соликамском) уезде. По запросу Усольской Чрезвычайной комиссии из Чердыни выехал отряд в сорок человек при двух пулеметах под командованием Трукшина и его заместителя Семенова. Отряд прибыл в село Пыскор, в пяти километрах от которого находилась крупная банда белых, у них имелся пулемет Льюиса. Из чердынского отряда выслали разведку, но разведчики попали под пулеметный огонь белогвардейцев, трое погибли, остальные были вынуждены отступить. В это время на помощь прибыл еще один отряд Пермской Чрезвычайной комиссии. Наступление повели силами трех отрядов — пермского, чердынского и усольского, при этом пришлось разрушить несколько баррикад из поваленных поперек дороги дере-

вьев и восстановить несколько разрушенных мостов. Белогвардейцы, побросав часть оружия, разбежались по окрестным лесам. С помощью местного населения главари восстания были пойманы, и через несколько дней чердынский отряд вернулся обратно.

Одновременно с этим началось контрреволюционное выступление в Тулпанской волости Чердынского уезда, а из Верх-Язьвинской волости поступили сведения, что шестеро неизвестных лиц грабят, жгут, терроризируют местное население. Для подавления мятежей в волостях выезжали из города отряды конных милиционеров.

Положение становилось критическим. В Чердыни не оставалось никаких вооруженных сил. Из города выехали почти все, кто проходил военное обучение и умел обращаться с винтовкой. Случись в это время местной белогвардейщине активно выступить, она могла бы без особого труда захватить город.

28 сентября состоялось экстренное городское партийное собрание. Собрались все оставшиеся в городе коммунисты. С докладом о тревожной обстановке в уезде выступил А. И. Рычков. Обсудив создавшееся положение, собрание пришло к решению ввести в городе временно военную диктатуру из трех лиц: военного комиссара Рычкова, а также Чудинова и Александрова, которых ввели временно в коллегия уездного военного комиссариата вместо братьев Аппог, уехавших на подавление Печорского восстания.

Николай Филиппович Чудинов, бывший кизеловский шахтер, участник первой русской революции, активный член партийной организации, заведовал тогда уездным отделом социального обеспечения.

Иосиф Александрович Александров, член укома партии, был политработником в уездном военном комиссариате.

Военное и осадное положение в 1918 году вводилось в Чердыни не один раз, хотя и на короткое время. Обстановка была настолько тревожной, что приходилось прибегать к чрезвычайным мерам для охраны города и уезда.

Контрреволюционные силы в городе готовились к активному выступлению. Николай Павлович Шерстнев, свидетель и участник тех событий, приводит в своих воспоминаниях интересные факты. Ему было тогда шестнадцать-семнадцать лет, мы звали его просто Колей, он работал в уездном исполкоме, печатал на пишущей машинке. Коля дружил с чекистами, часто заходил в уездную ЧК, не раз беседовал с Трукшиным. Он был близко знаком со своим сверстником, младшим сыном богатых купцов малых Алиных, Василием. Старший сын малых Алиных, Николай, был ярым белогвардейцем и дружил с царскими офицерами, вернувшимися с фронта. Коле было дано задание разузнать через Василия, к чему готовятся офицеры. Шерстнев пригласил к себе Василия Алину и, когда тот начал угощать его дорогими папиросами, спросил, откуда он сумел их достать. Василий таинственно сообщил, что несколько дней назад к ним ночью привезли много ящиков и спрятали в доме, вероятно, там был и табак и папиросы. Когда об этом было сообщено ЧК, в доме малых Алиных произвели тщательный обыск. Нашли упакованные в ящики винтовки, револьверы, гранаты, медикаменты.

В другой раз Коля узнал у Василия Алину, что его брат Николай и его друзья офицеры устраивают закрытый вечер в здании ремесленного училища и держат это в секрете. Шерстнев хорошо играл на гармошке, и в ЧК научили его, как надо действовать. В назначенный вечер с гармошкой в руках Коля пришел к зда-

нию ремесленного училища и, постучав в закрытые двери, предложил свои услуги. Его провели в зал, где уже собрались офицеры, гимназистки и несколько купцов. Шерстнев заиграл на гармошке, начались танцы. Через некоторое время он заметил, что мужчины ушли в соседнюю комнату и плотно закрыли двери. Тогда он сел на окно и начал громко играть. По этому заранее условленному сигналу в здание ворвался отряд красногвардейцев, распахнули двери комнаты, где засели офицеры. Раздался громкий голос Трукшина: «Бросай оружие! Руки вверх! Забрасаем гранатами!» Прогремо-ло несколько предупредительных выстрелов.

В зале раздались громкие вопли гимназисток, некоторые попадали в обморок. Окруженные офицеры сдались, они были в погонах, при шпорах, вооружены револьверами и шашками. Как выяснилось, в эту ночь готовилось белогвардейское выступление. Правда, рассказывает Шерстнев, он подал условный сигнал несколько преждевременно: Николай Алин и некоторые другие еще не успели прийти и, услышав выстрелы в здании, поспешно скрылись.

Вспоминая об этих далеких тревожных временах, Клавдия Петровна Аппога в одном из писем ко мне в 1958 году писала:

«Галя, а Вы не забыли, как нашу «коммуну» хотели взорвать эсеры? Одно время было очень опасное, даже часовой был поставлен (к воротам нашего дома). А наши редкие посещения театра? Когда возвращались домой через площадь, сколько раз свистели пули над нашими головами! Да, Галя, мы были молоды и здоровы, ничего не боялись — опасности смотрели в лицо. Помните осень 1918 года? В нескольких местах уезда восстания, в городе никого не осталось. Документы почему-то принесли в «коммуну», и мы с Вами вдвоем

остаемся дома. Эрнст говорил: «Клаша, живая в руки не давайся, вот тебе граната», — кладет под подушку гранату и дает маленький револьвер, с которым я много лет не могла расстаться».

Такой же маленький револьвер Смит Вессона был и мне подарен мужем. Он учил меня стрелять из него в цель, для чего мы уходили в глухой угол нашего двора и прикрепляли к стене бани нарисованную на бумаге мишень. Я почему-то волновалась, стреляла плохо, и, несмотря на все мои старания, снайпера из меня не получилось.

В это тревожное время, когда в уезде были часты кулацкие вылазки и контрреволюционные восстания, в деревне проводила политическую работу бывшая ученица нашей гимназии Аня Хомякова.

Анюта Хомякову я знала в школьные годы, она шла двумя классами моложе меня и внешне ничем не выделялась. Но все же чем-то неуловимым она привлекала к себе внимание. Может быть, серьезным выражением смуглого, чуть скуластого лица? Или пытливым взглядом черных, узко прорезанных глаз? Она выглядела типичной коми-пермячкой, но в нашей гимназии учились и другие представители этой народности, однако их я запомнила меньше. Одета в коричневую гимназическую форму, Аня выглядела всегда скромной и опрятной. Темные, почти черные волосы с прямым пробором посередине гладко причесаны и заплетены сзади в две небольшие косы. Роста среднего, или чуть ниже среднего, пропорционально сложенная, она выглядела крепкой, здоровой девушкой и у себя в деревне умела, вероятно, делать всю тяжелую крестьянскую работу.

И вот эта скромная, тихая девушка стала в 1918 году первой женщиной-агитатором в обширном Чердынско-Печорском крае. Как это случилось?

Родилась Анята в 1898 году в деревне Мокиной (ее называли также Бориной) Юкеевской волости Чердынского уезда (ныне Коми-Пермяцкий округ) в семье крестьянина-бедняка. Семья была большая, не выбивалась из нужды. Но отцу все же, хотя и с большим трудом, удалось дать образование любимой младшей дочери. Весной 1918 года Анята окончила семь классов Чердынской женской гимназии и готовилась стать деревенской учительницей. Но судьба ее сложилась по-другому.

В советских учреждениях, созданных в Чердыни, не хватало грамотных, сочувствующих Советской власти работников. Анята осталась в городе, поступила работать в уездную Чрезвычайную комиссию машинисткой. Пытливая, любознательная девушка, захваченная революционными событиями, внимательно присматривалась к начинавшейся новой жизни. На митингах и собраниях она с большим интересом слушала речи большевиков, следила за газетами, читала политические брошюры. Выйдя из глубин глухого в те времена Коми-Пермяцкого края, испытал всю тяжесть жизни деревенской бедноты, Анята горячо сочувствовала Советской власти.

Настроение Аняты, ее серьезное отношение к своему делу были скоро замечены. Ей поручили большую ответственную работу: Чердынский Совет направил ее в отдел управления, где не хватало агитаторов и организаторов для работы на местах. В деревнях и селах закамской части уезда жило большое число коми-пермяков. До революции это была одна из отсталых народностей, почти все коми-пермяки не знали грамоты, жили

бедно, болели трахомой и другими болезнями. Беднота находилась в полной кабале у деревенских богатеев. Когда организовались сельские Советы, в них проникло немало кулаков и подкулачников. Вести работу среди коми-пермяков было трудно, так как они почти не знали русского языка.

Анюте и поручили агитационную и организационную работу в коми-пермяцких деревнях. Среди агитаторов Чердынского уездного отдела управления Анюта была первой и единственной женщиной.

Совсем еще юная девушка, едва оставив школьную скамью, она прекрасно справилась с порученным ей делом и обнаружила при этом незаурядные агитаторские и организаторские способности. Те немногие документы, которые дошли до нас, свидетельствуют о глубоком понимании ею своих задач, зрелом и ответственном отношении к своей деятельности.

Анюте пришлось работать в волостях — Юксеевской, Гайнской, Косинской, Пятигорской, Аннинской, Больше-Кочинской, Чураковской, ныне эти волости вошли в состав Коми-Пермяцкого округа Пермской области. Ездил Анюта и в село Верх-Язьву, где также было немало коми-пермяков (ныне Красновишерский район). Она выступала на родном для местного населения языке с докладами и беседами, в которых разъясняла задачи Советской власти. Ей приходилось делать доклады и о программе большевистской партии. Она проводила перевыборы волостных и сельских Советов, в которые пролезли кулаки, создавала комитеты деревенской бедноты, организовывала деревенские партячейки.

Работать было нелегко. Далеко не всегда она встречала понимание и сочувствие среди местного населения, кулаки ее люто ненавидели. Особенно трудно приходилось бороться за хлеб, который кулаки припрятавали

от реквизиций, переводили на брагу и самогон. Не раз кулаки и их приспешники подстерегали Анюту на дороге, намеревались учинить жестокую расправу, опасность нападения поджидала ее на каждом шагу. В одном из докладов Чердынскому Совету она так описывает условия своей работы в Закамье:

«Я приехала в Больше-Кочинскую волость с целью агитации и организации бедноты. И что же оказалось? Бедняки приняли меня равнодушно, а кулаки враждебно. В этом краю кулачество еще дает себя чувствовать. Здесь налицо результат неорганизованности бедняцкого населения. Кулацкие банды всячески стараются посеять рознь между бедняками. Реквизиция хлеба здесь не производилась, несмотря на то, что бедняки умирали с голода, а кулаки имели полные амбары хлеба. Это, конечно, потому, что состав Совета был кулацкий. Все же мне удалось провести первые шаги в организации бедноты, открыв глаза населению. Был переизбран Больше-Кочинский волостной исполнительный комитет, кулачество оттуда убрано. После собрания, поздно вечером, когда я поехала домой, увидела на чистом поле продвигавшихся к лесу трех человек. При въезде в лес услышала выстрел из дробовика. После этого у меня лошадь помчалась бешено. Отъехав сажен двести от места первого выстрела, я услышала другой выстрел, заряд пролетел чуточку выше головы».

Кулацкие угрозы не испугали Анюту, она продолжала свое дело. Во многих деревнях бедняки, особенно женщины, радовались ее приезду, относились к ней с большим уважением.

Первую годовщину Октябрьской революции Анюта провела в селе Косе. Здесь она выступила на праздничном митинге с большой содержательной речью, рассказала о завоеваниях великой пролетарской револю-

Чердынский отряд Красной Армии. Ноябрь 1918 года.

ции, призывала бедноту к беспощадной борьбе с капиталом.

Здесь, в селе Косе, и оборвалась трагически жизнь Анюты. Она нечаянно тяжело ранила себя из револьвера, рана оказалась смертельной. Вокруг ее внезапной кончины много шло тогда разговоров. Были и слухи о том, что ее убили кулаки. Но слухи эти не подтвердились.

Тело Анюты привезли в Чердынь. В городе появилось отпечатанное в типографии объявление:

«Товарищи! Скончалась от нечаянного выстрела одна из лучших наших товарищей агитаторов-женщин А. Е. Хомякова, которая отдала всю свою жизнь на просвещение темных масс в наших глухих углах Чердынского уезда. О чем оповещаем и просим всех товарищей коммунистов, а также всех сочувствующих прибыть на похороны к трем часам дня 15 декабря к зданию отдела управления на Федеративной улице, дабы воздать последний долг бойцу за свободу».

В зимний морозный день ее торжественно под оружейный залп и звуки оркестра похоронили на площади в центре города. Так закончилась эта короткая, но яркая, наполненная борьбой жизнь.

Когда Чердынь заняли колчаковцы, они вытащили труп Хомяковой из могилы и долго над ним глумились.

Ныне прах этой юной отважной девушки покоится в братской могиле под скромным обелиском на южной окраине города. Здесь часто бывают туристические экскурсии. Экскурсоводы Чердынского музея рассказывают о жизни и подвиге Хомяковой, дети украшают могилу цветами.

Не сохранилось ни одной фотографии Анюты. Во время колчаковщины ее родные из-за преследований белогвардейцев уничтожили все фотокарточки, на кото-

рых она была снята. Немного осталось о ней и документов.

Местный краевед и энтузиаст этого дела И. А. Лунегов, в юности избач и селькор, более сорока лет возглавлял Чердынский музей и кропотливо, по крупицам собирал всюду, где только возможно, все, что связано с жизнью и деятельностью этой девушки. Некоторыми из собранных им и опубликованных в местных газетах документов я здесь воспользовалась, за что приношу ему искреннюю благодарность.

Перебирая как-то ворохи макулатуры, предназначенной к сдаче в утильсырье, Лунегов наткнулся неожиданно на два Аютиных письма, адресованных заведующему уездным отделом управления Дубровскому. Они были написаны химическим карандашом, многие строки от сырости расплылись и стерлись, бумага обветшала и побурела.

Чтобы прочитать текст писем, Лунегов обратился за помощью в Москву в микрофотолабораторию Государственного архивного управления МВД СССР. Там было сделано все возможное, и хотя некоторые слова уже были безвозвратно утрачены, все же в значительной части угасшие строчки писем удалось воскресить.

«Товарищ Дубровский, — писала Анюта. — Не послала до сих пор доклада, потому что сама не могла быстро выяснить настроение народа, состояние Совета на местах. Во всех волостях в моем участке удалось организовать партийные ячейки большевиков-коммунистов. Они энергично начали работать на основе программы... Комитеты деревенской бедноты везде организованы. На днях у меня назначен съезд комитетов бедноты Юкеевской волости для организации волостного комитета бедноты. В общем работа входит в свое русло и, думаю, удастся поставить дело на твердую ногу.

Препровождаю Вам протокол собрания граждан села Юксеево, который должен показать лучше всего отношение населения к власти».

Анюта пишет также Дубровскому, что приближаются холода и морозы, а у нее для зимних разъездов нет теплой одежды и просит помочь ей купить самые необходимые вещи — шубу, валенки и одеяло.

Но эти вещи ей уже не понадобились.

Она ушла из жизни, не раскрыв полностью всех заложенных в ней незаурядных способностей, но оставила о себе светлую память.

Имя этой девушки, первого советского агитатора среди коми-пермяков, теперь уже овеяно легендами. За годы Советской власти неузнаваемо изменились и расцвели ее родные края. Теперь там никто уже не называет ее ласковым уменьшительным именем «Анюта», как звали мы, современники и сверстники. Ее называют теперь уважительно «Анна» и «Анна Ефимовна», воздавая ей должную хвалу. Ее имя вошло в историю Коми-Пермяцкого края.

Художники пытаются по рассказам современников воссоздать ее портрет. Поэты слагают в ее честь стихи. Вот как воспевает ее коми-пермяцкий поэт Степан Караваяв в поэме «Анна Хомякова»:

Над пармой зажигаются огни,
Уходят вдаль сквозь горы и урманы.
В любую полночь светятся они
Глазами Анны.

Дома возводим, строим ли завод,
Полнеба приподняв стрелю крана,
На нивах жатва жаркая идет,
Они видны повсюду — руки Анны.

В каком бы я ни странствовал краю,
Какие бы ни защемило раны,
Люблю я землю, Родину свою
Сердцем Анны.

Эвакуация

В начале декабря 1918 года созданная на средства интервентов армия Колчака продвигалась в глубь Урала. Упорные затяжные бои шли на подступах к Перми.

Под угрозой захвата интервентами оказались также Усольский и Чердынский уезды. Со стороны Верхотурья колчаковские части наступали в направлении на Соликамск и Усолье. Местные малочисленные отряды красновардейцев не могли сдержать наступления белых и в бою за деревню Верх-Косьву, открывавшую дорогу на Соликамск, вынуждены были отступить. Соликамский военный комиссариат обратился за помощью в Чердынь. Чердынь также находилась под угрозой нападения с севера, со стороны Печоры, здесь снова активизировалась белоохранительница, рассчитывав-

шая на помощь захваченного английскими интервентами Архангельска. И все же из Чердыни на помощь Соликамску был выслан отряд под командованием Ф. Г. Боченкова. Этот отряд участвовал в боях за освобождение Верх-Косьвы.

8 декабря в газете «Известия Чердынско-Печорского края» было опубликовано постановление Чердынского уездного комитета партии об организации охраны уезда. В постановлении говорилось:

«1. Создать временно Штаб чрезвычайной охраны уезда: начальник штаба Рычков, помощник начальника штаба Аппога второй, начальник чрезвычайной охраны Трукшин, начальник гарнизона Аппога первый.

2. В срочном порядке через Штаб чрезвычайной охраны произвести учет коммунистов, которые находятся в Чердыни, также и в ближайших селениях, а равно произвести учет и сочувствующих партии коммунистов».

Все взятые на учет коммунисты, способные держать в руках оружие, должны были влиться в отряды Красной Армии.

В начале декабря из Перми в Чердынь для помощи местным организациям прибыли представители области: член Уральского областного Совета И. Я. Тунтул и представители Уральской областной и Пермской губернской Чрезвычайных комиссий — Г. Екенин и Д. Шленов.

11 декабря в разговоре по прямому проводу с председателем Уральского областного Совета А. Г. Белобородовым Тунтул и Аппога сообщили, что в Чердыни не хватает вооружения. Штаб 3-й армии и Пермский военкомат ставят Чердынь в безвыходное положение, отказывая в получении оружия. Белогвардейцы поднимают голову: на севере, в Тулпане, появились банды белых, они могут захватить грузы на Якше. В этом же разго-

воре Тунтул сообщил, что «человек, о котором довольно много беспокоится Пермь, несомненно главарь».

Отказ в вооружении Чердыни вполне понятен, отвегил Белобородов, ибо судьба фронта решается не в Чердыни, и оружие направляется туда, где оно необходимо. Тут же Белобородов спросил, «почему не арестовано то лицо, которое считается главарем».

Речь шла об инженерере Степане Покровском. Он прибыл в Чердынь летом 1918 года и работал заведующим уездным совнархозом. Несколько ранее приведенного выше разговора Барабановым и Трукшиным была получена телеграмма:

«За жизнь, доставление сохранности Покровского отвечает головой предчрезкома. Усилить конвой, если будет побег или попытки к побегу, конвой будет расстрелян до одного. Белобородов».

Покровский, однако, не был арестован. «Не арестовано известное лицо ввиду некоторых осложнений процессе ведения дела. Об этих осложнениях по аппарату говорить пока не можем», — так объяснил это Тунтул 11 декабря в разговоре по прямому проводу.

Какова была роль Покровского в Чердыни в 1918 году, был ли он тогда предателем, для меня осталось неясным. Но ему не доверяли. Изредка Покровский заходил в нашу «коммуну», но товарищи держались настороже, с ним никто не сближался. Особенно не любил его Рычков.

После отступления из Чердыни Покровский некоторое время воевал в 23-м Верхне-Камском полку, но, как свидетельствуют виденные мною много лет спустя в Свердловском партархиве документы, он и там был под подозрением, хотя против него и не было прямых улик. Позднее Покровский все-таки выявил свое предательское лицо. Как рассказывал мне в двадцатых

годах Эрнст Аппога, он перешел нелегально границу на одном из участков Западного фронта и стал белоэмигрантом.

Но в декабре 1918 года Покровский продолжал активно работать в Чердыни.

16 декабря здесь открылся уездный съезд Советов, в работе которого участвовало 110 делегатов, из них большевиков — 68, сочувствующих — 35. Съезд заслушал доклад Тунтула о текущем моменте, доклад Барабанова о работе уездного исполкома. Был сформирован уисполком, председателем которого снова выбрали М. М. Барабанова, его заместителями — Тунтула и Шленова. Военкомами вновь были утверждены Э. Ф. Аппога и А. И. Рычков, председателем уездной Чрезвычайной комиссии — Трукшин. Заведующим уездным отделом управления стал Солодовников, Дубровский был направлен в западную часть уезда для подготовки приближавшейся эвакуации.

Новому составу исполкома пришлось начинать работу в условиях надвигавшегося фронта. Все реальное становилось угрозой наступления регулярных частей колчаковской армии и необходимость нашего отступления. Местные силы контрреволюции тоже зашевелились, стремясь помочь колчаковцам свалить Советскую власть. В создавшейся обстановке при плохой связи с областным центром местным организациям приходилось самостоятельно принимать решения, давать отпор контрреволюции, организовывать эвакуацию людей и материальных ценностей. В Чердыни был создан уездный военно-революционный комитет под председательством военкома Э. Аппоги, в состав ревкома вошли: Тунтул, Шленов, Трукшин, Рычков, Боченков. Военно-революционные комитеты создаются также в Усолье, Соликамске, Кизеле.

15—16 декабря в Соликамске состоялось совещание представителей Чердынского, Усольского, Соликамского и Кизеловского ревкомов по вопросу объединения действий — выработки общего плана эвакуации и организации обороны Северного Урала. Из Чердыни на это совещание ездил А. И. Рычков.

Был создан краевой военно-революционный комитет Северного Приуралья, задачей которого было координировать действия ревкомов Чердыни, Усоля, Соликамска, Кизела. Создание Северо-Камского (Северо-Уральского) ревкома было вызвано тем, что северные уезды Пермской губернии с наступлением колчаковцев оказались почти отрезанными.

Председателем Северо-Камского военревкома стал А. И. Рычков, членами — Б. В. Дидковский и Белов.

Из Соликамска Рычков вернулся в Чердынь лишь на два-три дня, чтобы проинформировать товарищей о принятых решениях и посоветоваться о предстоящей эвакуации. Он был озабочен: обстановка осложнялась с каждым днем, эвакуацию предстояло проводить в трудных условиях, на лошадях, санной дорогой, при наступающих зимних морозах.

В этот свой приезд Александр Иванович много рассказывал мне о Б. В. Дидковском, с которым он познакомился на совещании в Соликамске и с которым ему предстояло совместно работать. Борис Владимирович Дидковский, по образованию геолог, активный участник Великой Октябрьской социалистической революции на Урале, был членом областного Совета. Когда колчаковская армия начала продвигаться в глубь Урала, он в октябре 1918 года по заданию областного комитета партии и Реввоенсовета 3-й армии выехал проверить положение в районе Верхотурья. Верхотурье уже заняли белые, и Дидковский остался в Нижнетуринском райо-

не. Здесь он по договоренности с командиром второй бригады 3-й армии сформировал отряд и занял Старую Лялю. Затем он со своим отрядом восстановил Советскую власть в Павде и Кытлыме и удерживал их несколько недель, сформировав здесь новые добровольческие отряды. Однако обстоятельства сложились так, что Павду под напором врага в начале декабря пришлось оставить и отступить. Отряд Дидковского попал в окружение. С частью отряда ему удалось пробиться, по бездорожью при наступивших холодах он вышел на советскую территорию около деревень Верх-Косьвы и Молчана. Ознакомившись с обстановкой, создавшейся в районе Соликамска, он возглавил здесь подготовку к обороне и стал начальником советских войск Северного Приуралья — отрядов из Усолья, Соликамска, Павды, Кизела и других мест. Хороший организатор, всегда спокойный, подтянутый и деловой, Дидковский очень нравился моему мужу, Александр с большой теплотой рассказывал мне об этом незаурядном человеке.

С тяжелым сердцем, как будто предчувствуя впереди недоброе, провожала я на этот раз Александра в Усолье, где была вначале резиденция Северо-Уральского ревкома.

Эвакуация Чердыни проводилась в конце декабря. Были эвакуированы все ценности, дела уездного комитета партии, военного комиссариата и других советских учреждений.

Вот как рассказывает И. Я. Тунтул об обстановке в Чердыни в конце 1918 года в одном из писем, хранящемся сейчас в Свердловском облпартархиве:

«Положение в Чердынском уезде в высшей степени пиковое, главным образом потому, что у нас нет оружия и боевого снаряжения для того, чтобы оказать сопротивление, а может быть, и потрепать лезущих во

все щели белых... Теперь положение таково, что завтра, очевидно, Усолье падет, и через несколько дней Чердынь будет окончательно отрезана... Приступили к эвакуации. Эвакуировано уже казначейство, пушнина, кожа, мануфактура и часть пороху. Сегодня эвакуированы ценные дела советских отделов, а затем и семейства ответственных работников и красноармейцев. Работники же все останутся на местах до самого последнего момента. Освободившиеся благодаря прикрытию отделов товарищи все становятся в ряды армии. Приняты меры к эвакуации печорских богатств... Если создастся положение абсолютно безвыходное, то все будет уничтожено. Пределы уезда не будут покинуты до самой последней возможности. Возможно только, что придется передвинуться в другое место, в западную часть уезда. План обороны разработан и, нужно сказать, что он весьма удовлетворителен и дал бы несомненные результаты, если бы было оружие у нас, а не только палки...»

С эшелонем семей коммунистов и красноармейцев выехали из Чердыни и мы с Клавдией Петровной Аппогей. Горько плакала моя мама, провожая меня в неизвестное будущее. Она принесла мне единственные в семье валенки и насильно заставила надеть.

Мы выехали на подводах санной дорогой на запад, в направлении к Вятской губернии. Другого пути отступления не было.

Наш эшелон состоял из женщин, детей и стариков. Нас сопровождало несколько вооруженных красноармейцев. Старшими по эшелону были: Михайлов — редактор чердынской газеты, Черницын — от уездного комитета партии и Матвеев — от уездного исполкома. Эшелон вез с собою продукты для питания в пути и немного спирта для лечения обмороженных. Сразу же после отъезда Матвеев напился пьяным и по распоря-

жению председателя ревкома Аппоги первого, которому сообщили об этом по телефону, был отстранен от руководства эшелонем. Вся организационную работу, связанную с продвижением эшелона, выполнял Михайлов.

Первая наша остановка была в селе Пянтеге. Здесь работала учительницей моя школьная подруга Кая Карнаухова, у которой мы и ночевали с Клавдией Петровной. Кая была коммунисткой, оставаться у белых ей было нельзя, и я звала ее поехать с нами. Она засмеялась и как-то беспечно махнула рукой. Кая не эвакуировалась, осталась в Пянтеге и дорого за это заплатилась. Колчаковцы ее арестовали, заключили в Чердынскую тюрьму и здесь пороли розгами. От дальнейшей расправы ее спасли старшие братья, оставшиеся у белых: они взяли ее на поруки. Когда Колчака погнали с Урала, братья насильно заставили Кая бежать вместе с ними в Сибирь. Там она и осталась, обзавелась семьей, навсегда порвав с партией. В Пянтеге я видела Кая в последний раз.

Эшелон эвакуированных медленно продвигался вперед. Стояла глубокая зима, ветер переметал дороги снегом, к тому же начались морозы. В эшелоне находились и старики, и маленькие дети. Жена Барабанова ехала с грудным ребенком и старой матерью. Многие были плохо одеты, не все имели валенки, достаточно теплую одежду. Помню одну молодую женщину, обутую в резиновые ботинки. Почти всю дорогу она бежала бегом рядом с подводой, чтобы не отморозить ноги.

Мы ехали целый день, с раннего утра до вечера. На почевки останавливались во встречных селах. Здесь нас размещали в крестьянских избах по пять — десять человек. Питались два раза в день, утром и вечером, варили мясные щи, кипятили чай. Спали на полу, вповалку, подстелив верхнюю одежду, и ею же укрывались.

В Чердыни в это время формировался новый отряд, чтобы создать заслон на пути колчаковцев. Для формирования отряда ревком отозвал из Соликамска Боченкова. Федор Георгиевич Боченков, сын крестьянина-бедняка, бывший офицер царской армии, всю русско-германскую войну провел на фронте, не раз был ранен, лечился в госпиталях. После победы Октябрьской социалистической революции был в войсках, которыми командовал Крыленко. Тяжело заболел, когда поправился, его отправили в тыл. Боченков приехал в Чердынь и работал здесь как военный специалист в уездном военном комиссариате.

Формирование отряда проходило с трудностями. Врачебная комиссия, возглавляемая антисоветски настроенным врачом Черниговским, очень многих признавала негодными к военной службе. Не хватало оружия. Но все же отряд был сформирован из числа добровольцев и мобилизованных и выехал на заранее намеченные позиции.

Тяжелая обстановка, создававшаяся в Чердыни в конце декабря 1918 года, осложнялась изменой и предательством. Еще в ноябре здесь оформился союз бывших моряков, проживавших в городе и ближайших селениях. К организации этого союза имел отношение и Покровский, который тоже в прошлом оказался моряком. Создано было бюро союза моряков, в которое вошли Кудрин, Федосеев и Боровских. Когда началась эвакуация, Кудрин сформировал из бывших моряков добровольческий отряд и предложил его в распоряжение ревкома. Отряд вооружили, снабдили дефицитными продуктами — мясом, колбасой, рыбой, консервами, белым хлебом — и направили в село Верхнее Мошево, чтобы создать там заслон против колчаковцев.

Через несколько дней отряд снова потребовал тех

же продуктов, а затем вышел из повиновения и отказался выполнять приказы ревкома. Кудрин оказался предателем, весь его отряд перешел на сторону белых. Когда из Чердыни уже выехали все обозы, а красноармейские отряды заняли свои позиции в западной части уезда, Чердынскому ревкому и оставшимся советским работникам пришлось прежде времени покинуть город, так как отряд Кудрина самовольно оставил порученный ему участок и оголил фронт, откуда ждали наступления регулярных колчаковских войск. К мятежникам присоединилась часть мобилизованных красноармейцев. Отряд Кудрина вернулся в Чердынь. Здесь Кудрин объявил себя начальником гарнизона и разослал во все волости телефолады с приказом разоружать и арестовывать коммунистов, препятствовать проведению эвакуации, не давать лошадей.

В селе Пянтеге оставалась телефонистка, сочувственно относившаяся к Советской власти. Из-за маленького ребенка она не смогла выехать с нашими эшелонами, но поддерживала с Чердынским ревкомом телефонную связь, сообщая ему обо всех событиях до самого прихода в Пянтег колчаковцев.

В Чердынь регулярные белогвардейские части вступили под колокольный звон. Командованию колчаковцев был устроен в земской управе торжественный обед. Началась расправа над теми, кто сочувствовал Советской власти, работал в советских учреждениях. Тюрьма была переполнена. Избиения, порки, расстрелы производились ежедневно.

Юрлинское кулацкое восстание

С эшелонам эвакуированных семей коммунистов и красноармейцев я доехала до села Юрлы. Это большое торговое село входило тогда в состав Чердынского уезда, хотя и отстоит от Чердыни более чем на триста километров. Теперь Юрла и прилегающий к ней район входит в состав Коми-Пермяцкого национального округа.

Отсюда было уже недалеко до Вятской губернии. Отдохнув день-два, эшелон двинулся дальше, а я, как об этом было решено еще в Чердыни, осталась в Юрле и работала здесь в Закамском штабе связи и охраны Юрлинского укрепленного района, начальником которого был Дубровский.

Почти все сотрудники штаба жили в самом штабе, который размещался в большом

кирпичном двухэтажном здании четырехклассного училища на краю села.

Я жила на другом конце села, далеко от штаба, занимала комнату в доме у молодого зажиточного крестьянина, которого звали Костя (фамилию его забыла). Рядом со мной в другой комнате поселилась моя школьная подруга Лида Ларионова со своим мужем Виктором Корозниковым, тоже приехавшие из Чердыни. Они оба, как и я, работали в штабе.

Домой мы приходили поздно вечером и уходили на работу рано утром, целый день проводили в штабе. Там же была столовая. Я не занимала в штабе определенной должности и не имела заработной платы, но вместе со всеми сотрудниками получала бесплатное питание в штабной столовой.

Моя работа состояла в том, что я вела списки сотрудников штаба и отрядов, выполняла отдельные поручения Дубровского, ездила с его заданиями в соседние села. Помню, например, как я ездила в село Кочевое к Барабанову, чтобы получить у него и привезти для нашего штаба крупную сумму денег. К Барабанову я ездила в сопровождении двух или трех вооруженных красноармейцев.

Во время этой поездки в одном селе (кажется, Юме, точно не помню) я встретилась со своими ровесниками, бывшими чердынскими реалистами, участниками нашего ученического кружка — Володей Дворниковым, Петей Мельниковым и другими, они были красноармейцами отряда, расположенного в этом селе. Вместе с ними и другой молодежью мы встретили по старому стилю Новый год. Вспоминали Чердынь, школьные годы, шутили, смеялись, пели любимые песни, было весело. Никто из нас не подозревал тогда, какие тяжкие испытания ждали нас в ближайшем будущем.

При Юрлинском штабе был небольшой вооруженный отряд красноармейцев, красноармейские отряды стояли и в соседних селах: Усть-Зуле, Юме, Большой Кочс, Кочеве и других.

Юрлинский отряд размещался неподалеку от штаба в деревянном здании старой школы. В этом отряде были и девушки. В моей памяти, как на старинной хорошо выполненной фотографии, запечатлелась такая картина.

Морозное зимнее утро. Я иду на работу в штаб и неподалеку от него вижу рослую девушку в брюках и валенках, в солдатской шинели, подпоясанной ремнем, в теплой шапке-ушанке. Совсем еще юная, с румяным смеющимся лицом она только что выскочила из здания, где размещался отряд, на улицу. Схватила, нагнувшись, ком снега, мнет его в руках и весело хохочет. Чему? Неизвестно. Я остановилась от неожиданности, посмотрела на нее и тоже засмеялась.

Это была Женя Ласточкина, доброволец Красной Армии, любимица отряда. Ей было тогда пятнадцать лет, но она была метким стрелком, прекрасно ездил верхом, отлично ходила на лыжах.

В Юрле наша встреча была мимолетней, я знала там Женю лишь издали. Она вышла замуж за уроженца местного села Георгия Дмитриевича Конины, который был тогда в Юрле командиром сводного коммунистического отряда. Он тоже был еще очень молод, мы звали его запросто Жоржиком. С Евгенией Васильевной Кониной я встретилась впоследствии в Свердловске, когда ее мужа уже не было в живых. Мы часто вспоминали с Женей Юрлу и все события тех дней.

В Юрле же я познакомилась с женой Б. В. Дидковского Еленой Александровной и их дочкой Тэмой. Они тоже были эвакуированы в Юрлу. Елена Александров-

на привлекала внимание своей несколько необычной внешностью. Высокая худощавая брюнетка с пышными волосами и немного крупными правильными чертами смуглого лица. Огненно сверкали ее черные блестящие глаза, всем своим обликом она напоминала испанку, сошедшую со старинной гравюры. По национальности украинка, Елена Александровна была очень культурным, обаятельным человеком. Несмотря на значительную разницу лет, я с ней быстро подружилась. Она относилась ко мне как-то по-матерински ласково и любовно, ей рассказывал обо мне мой муж, с которым она незадолго до нашей встречи познакомилась в Усолье.

В Юрле и ближайших селах было немало торговцев, кулаков и подкулачников, враждебно относившихся к Советской власти. Они ожидали только подходящего момента, чтобы выступить на помощь колчаковцам и ударить в спину Красной Армии. После захвата белыми Перми активность внутренних контрреволюционных сил значительно возросла.

Работая в штабе, я приходила домой только ночевать. Своим хозяевам и никому из местного населения я никогда не рассказывала о работе в штабе, не называла своей фамилии, не говорила, где работает мой муж. Никто не учил меня этой конспирации, но я чувствовала, что мы находимся во враждебном окружении, и понимала, что нужна осторожность.

Александр Иванович приезжал ко мне в Юрлу только один раз, когда он ездил с каким-то важным заданием Северо-Уральского ревкома в Глазов.

Приехав в конце дня, он ранним утром уехал дальше. Я проводила его за околицу села, не подозревая, что это последняя наша встреча.

В. И. Дубровский. 1920 год.

В ночь на 20 января в Юрле началось кулацкое восстание. Накануне был церковный праздник — крещение, под предлогом которого в село съехалось много кулаков и подкулачников из окрестных сел и деревень. Организовали восстание бывшие царские офицеры — юрлинский волостной военный комиссар Чеклецов и учитель Евгений Верещагин.

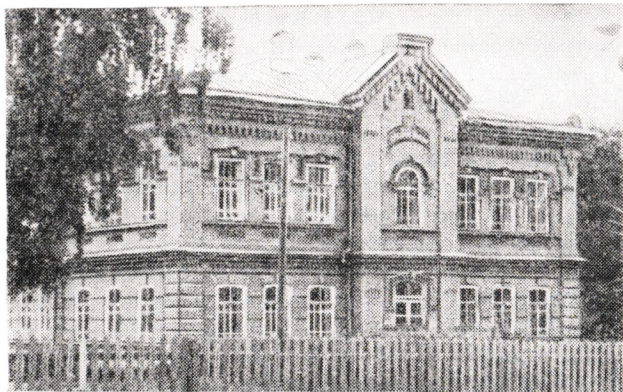
Повстанцы пытались захватить штаб, но это им не удалось. Они ворвались в здание штаба и хотели арестовать Дубровского, однако последний не растерялся и проявил исключительную смелость и находчивость. Ручными гранатами, револьверными выстрелами Дубровский с помощью других сотрудников штаба выбил белогвардейцев из здания. Находившиеся в штабе сотрудники и красноармейцы под руководством Дубровского забаррикадировались в каменном помещении школы и, расставив у всех окон посты, отстреливались, не подпуская близко белогвардейцев. Жоржик Конин с частью своего отряда успел перебежать в штаб и принял активное участие в его обороне. При этой перебежке была ранена в ногу Женя Ласточкина.

В штабе имелось много оружия, патронов, гранат, продуктов. Не было только запасов воды. С большим трудом доставали с карнизов окон немного снега. Осажденных мучила жажда.

Дубровский, раненный в руку в самом начале восстания, с большим хладнокровием и мужеством руководил обороной. В течение трех суток он не смыкал глаз, проверяя посты, появляясь на самых опасных участках.

В штабе было холодно, как на улице. В разбитые окна врвался ледяной ветер. На полу лежали раненые и убитые. Раненых перевязывали, как умели.

За два-три часа до начала восстания в Юрлинский штаб приехал Фриц Липога. Он был тяжело ранен в

Здание Юрлишской средней школы. В январе 1919 года здесь находился Закамский штаб связи и охраны.

голову. В бреду, без сознания, он стонал на полу рядом с другими ранеными.

Несмотря на то что силы были неравны, небольшая группа большевиков, красноармейцев в штабе не сдавалась и героически оборонялась в течение трех дней.

Все старания белогвардейцев захватить штаб оказывались безрезультатными. Меткая пуля укладывала на землю каждого, кто пытался приблизиться к зданию школы. Пулеметов у белогвардейцев не было.

Пытаясь поджечь штаб, кулаки зажгли ночью находившийся неподалеку стог сена. Сено вспыхнуло и сгорело, не причинив вреда толстым каменным стенам здания.

На третью ночь осажденным удалось организовать

вылазку. Они отвлекли внимание белогвардейцев, начав усиленную стрельбу из окон, обращенных к селу, а в это время с другой стороны из окна, выходявшего к полю, вылез один из участников обороны, одетый в белый маскировочный халат, сделанный из простыней. Ему удалось добраться до одного из селений, где находились наши отряды, и сообщить, что Юрлинский штаб, окруженный белыми, все еще держится.

Между тем в штабе подходили к концу патроны, и все было подготовлено к тому, чтобы взорвать здание и всем погибнуть. В печи заложен динамит, протянут бикфордов шнур, который оставалось только зажечь. Когда осажденным уже казалось, что надежды на спасение нет, вдали послышалась частая стрельба, она становилась все ближе. Это бойцы из чердынского отряда Трукшина и павдинского отряда Соловьева наступали на село со стороны уже освобожденного Юма. Стремительным налетом, строча из пулеметов, красноармейцы ворвались в Юрлу. Перепуганные белогвардейцы, в том числе и главари восстания, в панике разбежались, и горстка наших товарищей, выдержавших осаду, была спасена. Это произошло днем 22 января 1919 года.

О том, как мужественно оборонялся штаб, я узнала из рассказов участников этих событий уже после ликвидации восстания.

Со мной же в эти дни происходило следующее.

20 января на рассвете в дом, где жили я и Корозниковы, явилось несколько вооруженных белогвардейцев. Виктора Корозникова они арестовали и увели с собой, а на меня и Лиду наложили домашний арест, строго наказав хозяевам не спускать с нас глаз, чтобы мы не убежали, иначе они будут отвечать своей головой. Это приказание наши хозяева неукоснительно выполняли.

Я уже говорила, мы жили далеко от штаба, на дру-

гом краю села, и сначала не знали, что штаб держится, не сдается.

Но на улице со стороны штаба часто слышалась стрельба.

Наш хозяин Костя, до этого скромный и молчаливый, теперь совершенно преобразился. В большом возбуждении он часто куда-то убегал, а возвратившись, шептался о чем-то с женой. Однако, уверенный, что Советской власти пришел конец, он скоро перестал секретничать.

Хозяин начал допытываться, как моя фамилия. Испытующе глядя на меня, он сообщил, что в Юрлинском парке расстреляли чердынского военного комиссара Рычкова. Он сказал также, что видел расстрелянного и узнал в нем того, который недавно приезжал в Юрлу и останавливался у меня.

Все потускнело вокруг меня, тяжелым камнем сдавило сердце. Слез не было. Я ни о чем не расспрашивала хозяина, да и о чем было спрашивать? Со дня на день я ждала возвращения Александра обратно, хотя и не знала, когда он вернется. И вот в день восстания он вернулся и попал в лапы белогвардейцев! Все было кончено. И долго еще мне казалось, что вокруг меня образовалась какая-то пустота, и вся жизнь проходит где-то далеко, в стороне от меня.

Летом 1919 года, когда мы вернулись из эвакуации в Пермь, я написала в деревню Андрюкову его отцу Ивану Васильевичу о том, как Александр попал в плен. Я писала в этом письме:

«Когда он поехал в Глазов, я спокойно осталась ждать его в Юрле, зная, что он уезжает в глубокий тыл, где ему не может грозить никакая опасность. И вот в ночь на 20 января в Юрле и двух соседних волостях вспыхнуло восстание, подготовленное местны-

ми учителями и офицерами, которые скрывались раньше под маской коммунистов и сочувствующих Советской власти. В этот день Шура возвращался из Глазова обратно, ничего не подозревая о близкой гибели. Верстах в двадцати от Юрлы его схватили на дороге. Как это случилось — не знаю. Рассказывали, что его окружили несколько конных белогвардейцев. Он защищался, выстрелил несколько раз, несколько человек было убито или ранено. Привезли его в Юрлу связанного и, должно быть, раненого, на лбу была кровь. Допрашивали, хотели заковать в кандалы. Он знал, что его ждет один конец — расстрел, и отказался дать какие-либо объяснения. В Чердынском уезде да и во всем нашем крае военный комиссар Рычков был лицом слишком известным. Многие из арестованных коммунистов видели его и передавали мне потом, что он сумел умереть таким же твердым и мужественным, каким был всегда в жизни».

После смерти Ивана Васильевича это мое письмо вместе с письмами моего мужа к отцу из Лысьвы мне передала его мать Августа Ивановна Рычкова.

В Юрле среди эвакуированных находилась бывшая чердынская гимназистка Саня Верещагина, сестра главаря кулацкого восстания Евгения Верещагина. До восстания мы встречались с ней в штабе у Дубровского, заходила она к нам с Лидой и на квартиру по вечерам. Накануне восстания 19 января, когда мы уже вернулись домой из штаба, к нам приходили наши чердынские товарищи — Максим Михайлович Барабанов и молодой человек, работавший до эвакуации в уездном отделе снабжения, по фамилии Кардаш. В это же время к нам пришла и Саня Верещагина. Мы посидели, поговорили. Все чувствовали, что обстановка в Юрле тревожная, что среди местного населения притаилось не-

мало врагом Советской власти. Когда я сказала, что мы скоро уедем отсюда в Вятку, Саня бросила реплику: «Никуда вы отсюда не уедете!» Я не придавала тогда значения ее словам.

Теперь, когда восстание началось и мы уже знали, что белогвардейцев возглавляет Евгений Верещагин, все поведение Сани встало в новом свете. Потом ее расстреляли как шпионку.

В дни восстания в Юрле погибло много коммунистов и советских работников. Скоро мы с Лидой узнали, что восставшие кулаки схватили и расстреляли Барабанова и других наших чердынских товарищей. Разъезжая по окрестным деревням, кулаки хватали по дороге и в селениях коммунистов и красноармейцев, расстреливая всех, кто попадал в их руки. Расстрелян был и Виктор Корозников.

Узнали мы и о том, что наши товарищи держатся в штабе, и белогвардейцы не в силах их взять.

Обо всем этом нам сообщали не столько хозяин и заходившие к нему мужики, сколько большой наш приятель двенадцатилетний мальчик Федя Харитонов. Он приехал в Юрлу из Чердыни, родителей у него не было, его воспитывал старший брат, тоже еще совсем юноша. При отступлении из Чердыни его брат вступил добровольцем в Красную Армию и находился теперь в одном из наших отрядов где-то недалеко от Юрлы.

Белогвардейцы не обращали на Федю внимания, мальчик свободно расхаживал по селу, наблюдая за всем, что происходит. Он сообщал нам с Лидой все, что видел.

Я с минуты на минуту ожидала уже не домашнего, а настоящего ареста. Хозяин теперь уже знал, что я жена военного комиссара Рычкова, скоро станет известно, что я коммунистка, работала в Чердынском коми-

тете большесвиков, и ждать пощады мне было нечего.

Смерти я не боялась и ни одной минуты не сомневалась в том, что победа будет на нашей стороне. Да и жизнь была мне теперь не дорога. Пусть мы погибнем, думала я, но мы погибнем не напрасно. Советская власть все равно победит.

К нашему хозяину в дни восстания заходило немало местных мужиков, принимавших участие в восстании. Среди них были и сагитированные кулаками середняки, по разговорам с которыми я поняла, что они не так уж враждебно относятся к Советской власти. Я беседовала с ними, убеждала их, что они зря послушались кулаков и ввязались в это восстание, что Советская власть — это власть трудящихся и победа будет на ее стороне. Мужики сердито хмурились, крутили из газетной бумаги толстые сигарки, дымили горьким самосадам. Я разговаривала с ними в отсутствие хозяина, который грубо гнал нас с Лидой из кухни, когда туда кто-нибудь приходил. Зато хозяйка, совсем неграмотная и отсталая, была более покладистой. Когда стрельба на улицах усиливалась, она с грудным ребенком на руках пряталась в голбец, но не забывала зорко следить за тем, чтобы мы не вздумали выйти за порог. На наши разговоры с мужиками она, занятая хлопотами по хозяйству, не обращала никакого внимания.

Беседы ли с заходившими в дом мужиками, доносили ли хозяина или другая причина, но в белогвардейском штабе узнали, что я коммунистка.

За мной пришли рано утром на третий день восстания трое белогвардейцев во главе с учителем Мусихиным, которого я хорошо знала: он приезжал к нам в Чердынь делегатом от Юрлы на уездную партийную конференцию.

Избегая смотреть мне в глаза, этот предатель про-

извел обыск в комнате, где я жила, и ничего, конечно, не нашел. Он объявил мне, что все имущество комиссара Рычкова и его жены-коммунистки конфискуется. И тут же не постеснялся забрать себе это «имущество» — небольшую плетеную корзину, в которую были сложены наши вещи. Забрал он и мамины валенки, оставив меня в тонких ботинках.

Я попрощалась с Лидой, уверенная в том, что вижу ее в последний раз.

Готовясь к аресту, я заранее спрятала свой партийный билет, чтобы он не попал в руки бандитов. Я спустила его в узкую щель, образовавшуюся между обоями и стеной. Потом, когда восстание было ликвидировано, я благополучно извлекла его оттуда.

Мусихин не повел меня на допрос в белогвардейский штаб, а привел на площадь, где в небольшом деревянном амбаре сидели арестованные. Часовой открыл замок, откинул железный засов и, приоткрыв немного дверь, втолкнул меня в помещение.

Амбар был битком набит людьми, но в темноте я сначала никого не разглядела. Сидевшие в амбаре товарищи провели меня дальше, к единственному маленькому зарешеченному оконцу. Тут было светлее, и я могла разглядеть своих ближайших соседей. Прежде всего я увидела Елену Александровну Дидковскую, она сидела здесь вместе с маленькой дочерью. Их лица, как и лица других, были бледны, черты заострились. С большим сочувствием смотрели все на меня и сообщали, что отсюда несколько раз в день уводят на расстрел, в первую очередь коммунистов и красноармейцев.

Я сидела в амбаре недолго. Скоро мы услышали сильную стрельбу. По железной крыше амбара застучали пули. Строчил пулемет.

Мы знали, что у белогвардейцев пулеметов нет, и поняли, что наступают наши.

Сквозь стекла окошечка было видно, как по площади побежали люди, потом понеслись, обгоняя одна другую, подводы.

«Отойдите от окна! — крикнул кто-то из арестованных. — Ложитесь на пол! Беяки могут бросить в окно гранату!»

Стрельба все усиливалась. Потом мы услышали громкие крики: «ура!». Это кричали на площади красноармейцы, освободившие Юрлу.

Арестованные столпились у выхода и начали кулаками барабанить в дверь. Скоро послышались громкие удары, сбивавшие снаружи замок и тяжелый засов. Дверь широко распахнулась, и дневной свет ударил в глаза.

Заключенные, торопясь, волнуясь, гурьбой высыпали на улицу. Все обнимали и целовали красноармейцев, своих спасителей.

Я вышла из амбара последней. На душе было тяжело, слишком велика была моя личная утрата, чтобы радоваться в этот миг своему спасению.

Недалеко от амбара я увидела Трукшина. Он сидел верхом на лошади и наблюдал за освобождением арестованных. Лицо его было мрачно, брови сурово нахмурены.

Я подошла к нему и сказала о гибели Рычкова. «Я уже знаю все, — ответил он. И, желая, видимо, утешить меня, добавил: — Мы отомстим за наших товарищей!»

Перед арестом я отдала Лиде фотографии и письма мужа, чтобы она передала их потом моей матери. Когда меня увели, Лида все сожгла, потому что Мусихин, уходя, сказал, что он еще вернется за ней и ее судьба будет зависеть от нее самой. Федя, который при-

бежал в это время, испугался, что Лиду тоже расстреляют, и он останется совсем один среди беляков. Он стал уговаривать Лиду бежать вместе с ним и откопал спрятанный им где-то в снегу револьвер. В это время застрочил пулемет, наступали наши отряды. Хозяин убежал, хозяйка спряталась в голбец, а Лида с Федей выскочили в мороз на улицу, не надев даже верхней одежды. Они бежали посредине улицы навстречу нашим отрядам, не отдавая себе отчета в том, что их каждую минуту могут убить. Над их головами свистели пули, но ни одна, по счастью, их не задела.

Красноармейцы отрядов, освободивших Юрлу, прочесали все село в поисках главарей восстания, но они уже успели скрыться. Вместе с ними бежали кулаки и другие активные участники контрреволюционного мятежа.

Наши потери были велики. Погибли лучшие товарищи из актива Чердынской партийной организации. Расстреляны А. И. Рычков, М. М. Барабанов, Н. Ф. Чудинов, Кардаш и многие другие. В день освобождения Юрлы скончался от раны Фриц Аппога.

В штабе во время осады были убиты и умерли от ран: сестра Дубровского — молодая девушка Эльза Эйхвальд, работавшая машинисткой, красноармейцы — Алеша Добрынин, Жан Фихтенберг, В. В. Козловский, имена других не сохранились в памяти.

Рычков погиб в первый же день восстания. Его захватили около деревни Мыс и привезли в Юрлу, в белогвардейский штаб, там находились в это время и другие арестованные. Допрос проводил главарь восстания Евгений Верещагин в присутствии членов белогвардейского штаба Чеклецова и Конины, которых Рычков хорошо знал: оба они приезжали из Юрлы в Чердынь на уездный съезд военных комиссаров. На допросе

Рычков держался гордо, и на все вопросы сказал только: «Мы вас расстреливали, бандитов, расстреливайте и вы!» Не добившись от него ничего, его повели на расстрел. Уходя, он повернулся к арестованным и сказал им: «Прощайте, товарищи! Не падайте духом! Советская власть победит! Мне осталось жизни пять минут, но вы, кто останетесь в живых, отомстите врагам за все!»

Его расстреляли в парке. О последних минутах его жизни мне рассказала Александра Ивановна Чудинова (Копытова), жена убитого кулаками Николая Чудинова. Ее тоже арестовали и привели на допрос в белогвардейский штаб. Увидев Рычкова, она подошла к нему и платком вытерла ему на лице льющуюся кровь. Ее грубо оттолкнули, ударив плетью, но все же им удалось перекинуться несколькими словами. Он спросил: «Где Галя?» Она ничего не знала. Она передала мне потом от него последний привет...

Одновременно с Юрлой кулацким мятежом были охвачены села — Юм, Усть-Зула, Коса, где также погибло много наших товарищей. В Усть-Зуле был убит бывший чердынский реалист Витя Колмогоров — доброволец Красной Армии. Убит был в Юрле и Иван Андреевич Пономарев, бывший командир рабочей дружины в Чердыни в конце 1917 года. Недалеко от Юрлы кулаки расстреляли Ивана Ильича Сорокина, коммуниста, работавшего в Чердыни агитатором в уездном отделе управления.

Барабанова схватили в селе Юм и привезли в Юрлу. Перед расстрелом его страшно мучили. Труп его с трудом опознали, он был сильно обезображен, нос и уши отрезаны.

Кулаки зверски расправлялись со всеми коммунистами, красноармейцами, советскими работниками, они

придумывали для них самые страшные мучения. Наш чердынский красноармеец коммунист татарин Гамаюнов был заживо разорван пополам: его привязали за ноги к двум верховым лошадям, которых всадники погнали в разные стороны. Все эти мучения и зверства применялись в расчете запугать крестьян, заставить их угрозами встать на сторону контрреволюции. Но белогвардейцы достигли обратного: когда наши отряды освободили Юрлу, многие местные жители, русские и коми-пермяки, в первую очередь бедняки, вступали добровольцами в Красную Армию.

Меня в эти дни товарищи окружили трогательной заботой. Заместитель Трукшина по Чердынской Чрезвычайной комиссии Семенов в день освобождения Юрлы всюду сопровождал меня. Когда привезли трупы расстрелянных и убитых, я стояла молча, не плакала, а он все пытался меня утешать и повторял: «Его убили, но осталась партия! Осталось дело. Будешь продолжать работу в партии».

Чердынские товарищи, увидев, что я осталась в тонких ботинках, достали мне новые валенки, а когда мы уезжали из Юрлы, мне одолжили теплый совик с капюшоном, сшитый из оленьего меха, надевавшийся через голову. В нем я и доехала благополучно до города Слободского.

...Через несколько дней после ликвидации восстания хоронили погибших. Я не хотела хоронить Рычкова в Юрле и вначале предполагала увезти его тело в Вятку и там захоронить. Но обстановка была тревожной, недалеко шли бои, фронт приближался. Мы похоронили его в двенадцати километрах от Юрлы на маленьком кладбище в деревне Сулай. Если сюда придут белые, думала я, то могилу на кладбище не станут разрывать. Так это и было.

Рычков похоронен в одной могиле с двумя убитыми красноармейцами из отряда Трукшина. Их имена я забыла, но впоследствии один из бойцов этого отряда Степан Алексеевич Лямзин сообщил Чердынскому музею, что вместе с Рычковым в Сулае похоронены Филипп Чабин из деревни Большое Поле и Иванов из села Юксево.

...Был сумрачный зимний день. С высокого косогора, где находилось кладбище, открывался широкий вид на заснеженные поля и перелески. У открытой могилы выстроился отряд вооруженных бойцов. После короткой речи Трукшин дал команду, раздался ружейный залп, и застывшее тело Рыčkова, накрытое красным полотнищем, медленно опустили в могилу.

Тела Фрица Аппоги и сестры Дубровского Эльзы Эйхвальд везли в Вятку в другом эшелоне, но тоже не довели и похоронили на площади в селе Афанасьевском Вятской губернии. Барабанов, Чудинов, Кардаш и остальные товарищи, погибшие во время восстания, похоронены в братской могиле на площади в Юрле.

После освобождения Юрлы отряд Трукшина участвовал в очищении ближайших селений от белых банд, а потом влился в 23-й Верхне-Камский полк, сформированный из всех находившихся в этом районе красноармейских отрядов.

Сам Трукшин, дважды раненный в боях под Юрлой, и два бойца из его отряда — Александр Брикнер и Петр Меренюк — поехали в Москву и были на приеме у председателя ВЦИК Я. М. Свердлова. Они доложили ему обо всех событиях в Чердынско-Печорском крае, о восстании в Юрле и обратились с просьбой направить их на Прибалтийский фронт. Но Свердлов предложил им сначала поучиться военному делу, а потом уже ехать воевать. Он направил их учиться, написав коман-

18 февраля 1919 г.

Российская Федеративная Советская Республика
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета

Коллежскому Регистратору
Курсов в Кремле

№ 21992

Ввиду того что курсы пулеметных курсов в Кремле на время переезда в Ураховский дворик, в м. Стрелецкая, Бульваре и Мережкоха не указывается Комитетом

Председ. Комитет
Я. М. Свердлов

Письмо Я. М. Свердлова начальнику пулеметных курсов в Кремле. 18 февраля 1919 года.

диру пулеметных курсов, расположенных в Кремле, такое отношение:

«Прошу принять все меры к принятию на курсы трех боевых товарищей с Уральского фронта, тт. Трукшина, Брикнера и Меренюка. Все указанные товарищи — коммунисты. Председатель ВЦИК Я. Свердлов».

Это собственноручное письмо Я. М. Свердлова, датированное 18 февраля 1919 года, Трукшин бережно хранил в течение многих лет. Потом, по моей просьбе, он передал его Государственному музею Я. М. Свердлова в Свердловске, где оно и находится в настоящее время.

О дальнейшей судьбе Дубровского я долго ничего не знала. Потом мне удалось узнать, что в Свердловске живет его жена, тоже бывшая чердынская гимназистка Катя Колмогорова, сестра убитого в Усть-Зуле Виктора Колмогорова. Я разыскала ее, и она мне рассказала, что всю гражданскую войну Дубровский провел на фронте, потом вернулся на Урал и работал в Екатеринбургe сначала военкомом, затем начальником командно-инструкторских курсов всеобуча. Вместе со своими курсантами участвовал в подавлении крупного белогвардейского восстания в Шадринском и Ишимских уездах, за что был награжден серебряной шашкой и золотыми часами. Ранения, полученные во время юрлинского восстания и на фронте, расстроили его здоровье. Как бывшего агронома его назначили начальником военного совхоза в село Тюш Кунгурского района. Но здоровье его становилось все хуже, и в конце 1921 года в состоянии тяжелой депрессии он застрелился.

С Еленой Александровной Дидковской я надолго распрощалась в Юрле. В начале тридцатых годов мы встретились с ней в Свердловске. Ее судьба после юрлинских событий сложилась несчастливо: семья распа-

лась, Елена Александровна тяжело переживала одиночество, болела. Она умерла от рака. Предчувствуя свой близкий конец, она пришла ко мне незадолго до операции проститься.

Аполлон Тимофеевич Михайлов благополучно доставил до города Слободского Вятской губернии эшелон эвакуированных семей коммунистов, с которым я выехала из Чердыни. После освобождения Урала от Колчака он вернулся на некоторое время в Чердынь, потом работал в редакциях газет среднеазиатских республик. Умер в 1933 году в Саратове.

Шло время... Давно отгремели бои гражданской войны. Разгромлена гитлеровская Германия. Советский народ под руководством ленинской партии залечил нанесенные фашизмом раны и с утроенной силой строит коммунизм.

Летом 1958 года я с сестрой Ниной ездила в Чердынь (об этом я расскажу дальше). Оттуда мы поехали в деревню Сулай Юрлинского района.

...Солнечный летний день. Мы с сестрой на тихом деревенском кладбище стоим у братской могилы. Здесь под скромным обелиском покоится прах дорогого мне человека.

Не видно кругом, как это было сорок лет назад, ни полей, ни перелесков. Зеленые мохнатые ели густой стеною окружили кладбище. Между ветвей изредка мелькает пушистый хвост белки. Громко щебечут лесные птахи.

У самой могилы качают верхушками и шелестят кудрявой листвою две высокие белоствольные березы. Кто и когда их посадил?

Мы прожили с сестрой в деревне Сулай две недели.

Жили у родственников Ф. Г. Копытова, уроженца этой деревни, участника подавления юрлинского восстания. Это его отец, его родные сохранили братскую могилу погибших.

Каждый день мы с сестрой в сопровождении гурьбы деревенских ребятишек ходим на кладбище и кладем к подножию деревянного обелиска полевые цветы.

Комсомольцы, пионеры и все местные жители не забывают могилы. Нас встретили в деревне приветливо, с большим сочувствием расспрашивали о событиях сорокалетней давности.

К пятидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции в городе Кудымкаре, центре Коми-Пермяцкого края, поставили пьесу «Смерти в лицо», написанную артисткой местного театра Ольгой Сергеевной Владской. Главный герой пьесы — председатель ревкома Александр Иванович Ярков, под именем которого выведен А. И. Рычков. Главарь юрлинского восстания Верещагин фигурирует в пьесе под своим именем.

Вот что писала об этом произведении в марте 1967 года пермская областная газета «Звезда»:

«Спектакль как бы воссоздает героическую атмосферу гражданской войны, показывает, как зарождалась и крепла Советская власть в Коми-Пермяцком крае. Осада кулаками и белогвардейцами ревкома в Юрле, мужество и героизм его защитников, их беззаветная преданность делу революции — все это подкупает своей исторической подлинностью и почти документальной правдивостью.

Но достоинство пьесы не только в этом. Спектакль захватывает зрителя остротой конфликта, стремительностью действия, яркостью и самобытностью характеров. Ключевой сценой спектакля является... допрос комму-

ниста. Перед нами не просто два врага: председатель ревкома Ярков и белый офицер — колчаковец Верещагин. Это поединок двух непримиримых идеологий, одна из которых крепнет и набирает силу, а другая разлагается и гибнет, хотя и ожесточенно сопротивляется гибели. Не случайно так свирепеет от собственного бессилия белогвардеец Верещагин, а председатель ревкома Ярков мужественно смотрит в лицо смерти. Белогвардейцы могут убить его, но они бессильны остановить дело, ради которого он отдает самое дорогое — свою жизнь».

Этими словами выражено значение не только пьесы, но и тех исторических фактов, на основе которых она была написана. Юрлинские события — одна из ярких, незабываемых страниц героизма и мужества советских людей в истории гражданской войны на территории Коми-Пермяцкого края.

В Вятке

В феврале 1919 года я приехала в Вятку. Город был переполнен эвакуированными. Близость фронта чувствовалась во всем. В Вятке разместилось много военных учреждений и военных частей. На улицах — масса вооруженных людей. В связи с тревожным положением на фронте в городе был создан и действовал губернский военно-революционный комитет.

В Вятку меня привез член губвоенревкома П. И. Малков, работавший там председателем губернской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Я познакомилась с ним случайно в уездном городе Слободском, где остановилась после возвращения из Юрлы. В Слободском меня приютили мои старые школьные подруги Фаня Огнева и Фрася Карнаухова, прибывшие сюда раньше меня из Бондюга. Малков

приезжал в Слободское в командировку и принял большое участие в устройстве моей дальнейшей судьбы: ему уже было известно об юрлинском кулацком восстании и расстреле белогвардейцами моего мужа, которого он хорошо знал.

Мы приехали на лошадях морозной зимней ночью и подъехали прямо к гостинице.

Тут жили многие эвакуированные уральцы. Малков решил устроить меня здесь в близкой и для него, и для меня семье Лепсис. Жена Роберта Лепсис — Шура Могильникова — была моей школьной подругой по Чердынской гимназии. Шел уже четвертый час ночи, все крепко спали. Нам пришлось долго стучать в один из номеров, пока мы разбудили его хозяев. Оказалось, в ту ночь в городе ждали белогвардейского восстания, муж и жена Лепсис, работавшие в губчека, только что заснули после пережитой тревоги. Наш приезд вызвал переполох. Начались объятия, поцелуи, расспросы.

Скоро все успокоилось. Малков уехал к себе на квартиру, Роберт Лепсис ушел ночевать в другой номер к своим товарищам — чекистам, мы с Шурой, его женой, взволнованные встречей, тоже улеглись.

Так началась моя жизнь в новой «коммуне». На этот раз я попала в дружную семью уральских чекистов, работавших во время эвакуации в Вятской губчека.

В нашу «коммуну», кроме меня и супругов Лепсис, вошла и Лида Корозникова. Весь путь от Юрлы до Вятки вместе с Лидой проделал и Федя Харитонов, он привязался к ней, как к старшей сестре.

Всех нас приютили и обогрели Шура и Роберт Лепсис. Только недавно поженившись, они, не задумываясь, поделили с нами свою комнатку в гостинице, нимало не смущаясь теми неудобствами и лишениями, которые были вызваны нашим приездом.

Малков помог нам устроиться на работу. Лида стала машинисткой в губчека, а я делопроизводителем в Вятском горкоме РКП (б).

Никогда не забыть мне той ласки, теплоты и участия, которыми окружили меня товарищи в то первое тяжелое для меня время после юрлинской трагедии, когда мне казалось, что лично для меня уже все потеряно и впереди нечего ждать. Шура и Лида старались не оставлять меня одну, веселыми шутками и разговорами разгоняли мое угнетенное настроение. Работа в партийном комитете и участие друзей помогли мне пережить душевное потрясение и постепенно войти в нормальную жизненную колею.

Обстановку небольшого гостиничного номера, в котором все мы жили, составляли стол, несколько стульев и узенькая железная кровать. Эту кровать товарищи предоставили мне, а сами спали на полу, подстилая верхнюю одежду и ею же укрывались. Роберт и Федя ночевали в соседней, темной и холодной, кладовушке. Все, что имели, делили по-братски на всех. Впрочем, у меня лично ничего не было, я была, по старой русской пословице, «гол как сокол».

По вечерам мы собирались вместе. Скучный обед, принесенный в солдатских котелках из чекистской столовой, уничтожался сообща. Почти ежедневно, поздно вечером, приходил Малков и проводил с нами часа два-полтора. Частенько заходили «на огонек» и другие уральцы-чекисты. Все дружно усаживались вокруг большого кипящего самовара. Нас не смущало ни отсутствие сахара, ни недостаток хлеба. Изредка получали в счет пайка немного постного масла. Это было большим лакомством. Масло выливали на блюдечко и по очереди обмакивали в него кусочки грубого ржаного или овсяного хлеба.

Беседы за чайным столом продолжались часто далеко за полночь. Вспоминали родной Урал, тяжелые дни отступления, обсуждали положение на фронтах, мечтали о будущем.

Различна была судьба каждого из нас.

Павлу Ивановичу Малкову было тогда около тридцати лет. Всегда подтянутый, аккуратный, в кожаной куртке, кожаных брюках и высоких сапогах, он держался спокойно, уверенно и просто. Малков был старым партийцем-подпольщиком, он вступил в ряды большевистской партии еще в 1912 году. Февральская революция застала его на Мотовилихинском заводе, где он работал столяром в модельном цехе. Его избрали в состав Пермского комитета большевиков. Малков был одним из создателей Красной гвардии в Мотовилихе и принимал активное участие в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. В 1918 году Павел Иванович — один из организаторов Пермской губернской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем, сначала член коллегии губчека, затем ее председатель. Он не раз встречался с Ф. Э. Дзержинским, беседовал с ним и сумел многому от него научиться. Малков отличался большой смелостью, находчивостью, самообладанием. Случалось, что смерть стояла с ним рядом, но он никогда не терялся и находил выход из самого опасного положения. В 1919 году он руководил операциями по подавлению белогвардейских банд в уездах Вятской губернии. Во второй половине 1919 года, когда он снова работал в Пермской губчека, возглавлял на Вычегодско-Кай-Чердынском участке фронта боевые действия, связанные с ликвидацией крупных белых банд, оставленных Колчаком. Про Малкова говорили, что у него есть какое-то особенное чутье — умение разбираться в людях, выявлять их спо-

способности и привлекать к работе наиболее энергичных и сведущих. Он много лет был на руководящих постах в органах ЧК — ГПУ, потом его направили в Наркомвнешторг. Длительное время Павел Иванович работал за границей, последние годы жизни — снова в Москве. Умер в 1956 году.

Роберт Кришьянович Лепсис вступил в Коммунистическую партию на фронте в октябре 1917 года. Он родился в Латвии в семье батрака. Его родные переселились в Сибирь, в город Омск. Во время колчаковщины отца Роберта расстреляли белогвардейцы за участие в партизанском движении, брат был заколот вилами, а мать умерла от побоев. Роберт Лепсис в 1918 году работал секретарем Пермской губчека. В Вятке он вначале также работал в губчека, а потом был выдвинут на пост председателя ревтрибунала. В дальнейшем продолжал трудиться на руководящих постах в ревтрибунале и органах ЧК — ГПУ. Длительное время работал в Москве в ВЧК вместе с Ф. Э. Дзержинским. Я близко знала Лепсиса, часто с ним встречалась после Вятки и глубоко его уважала. Его давно уже нет в живых, в моей памяти он сохранился как человек кристальной честности, неподкупной принципиальности и глубокой преданности делу Коммунистической партии.

Его жена Шура, Александра Ивановна Лепсис, дружбу с которой мы пронесли через всю жизнь, вступила в партию в 1919 году в Вятке. Работая в горкоме РКП (б), я оформляла для нее партийные документы, и партбилет она получила из моих рук. Всегда деятельная, живая, отличный организатор, Шура в любое порученное ей дело вкладывала всю душу. У нее было доброе, отзывчивое сердце, она всегда помогала товарищам всем, чем могла, нередко делилась последним. Для меня лично она сделала в жизни много доброго. Про-

работав несколько лет в органах ЧК, Александра Ивановна получила потом высшее медицинское образование и стала врачом.

Лидия Ивановна Корозникова, теперь Эсаулова, также вступила в партию весной 1919 года. После освобождения Урала от Колчака она всю жизнь работала в Перми — в органах ЧК, суда и прокуратуры. Веселая, жизнерадостная, она даже в самые тяжелые моменты умела сохранять бодрость и энергию, заражая всех своим неизменно хорошим настроением.

Припоминается одна неожиданная встреча в конце двадцатых годов. Я вела тогда пропагандистский кружок рабочих в Перми на заводе «Уралсепаратор». В тот день в заводском клубе шел показательный судебный процесс. Закончив занятия, я и мои слушатели отправились в клуб. Каково же было мое удивление, когда я увидела судью. Между двумя народными заседателями сидела моя школьная подруга Лида! Спокойно, уверенно, с большим достоинством вела она судебный процесс, допрашивала обвиняемого, свидетелей. Трудно было поверить, что эта серьезная, строгая женщина — та самая Лида, которая любила побалагурить и всех посмешить в тесном кругу близких друзей.

Самый младший из членов нашей «коммуны» Федя Харитонов скоро уехал из Вятки, и мы потеряли его из виду. Много лет спустя мне рассказывали, что он работает в Министерстве иностранных дел, но я не уверена: тот ли это Федя, славный, вихрастый мальчуган, которого судьба столкнула и сблизила с нами в один из самых тяжелых периодов нашей жизни.

Жизнь в вятской «коммуне» продолжалась недолго. Гостиницу понадобилось освободить для какой-то военной организации, и мы разъехались. Но наши встречи и душевные беседы продолжались и в дальнейшем.

После «коммуны» я жила некоторое время со своими землячками — А. И. Чудиновой-Копытовой и Е. И. Окуловой. Шура Чудинова также была для меня хорошим другом: нас сблизили общие переживания, связанные с юрлинским восстанием, где погиб ее первый муж — Николай Филиппович Чудинов.

Работая в горкоме, я всегда находилась в гуще партийной жизни. Горксом и губком партии занимали обширное здание — бывший архиерейский дом на высоком берегу реки Вятки. Здесь постоянно толпился народ: часто приходили коммунисты, работавшие в железнодорожных мастерских и на кустарных предприятиях города, а также советские работники, военные. Они информировали о настроении масс, отчитывались перед горкомом в выполнении различных партийных поручений, приходили за советом при затруднениях. Часто в горком заходили товарищи, прибывшие с фронта, и делились фронтовыми новостями.

Много было тогда разговоров о недавнем приезде в Вятку комиссии Центрального Комитета партии в составе товарищей Ф. Э. Дзержинского и И. В. Сталина. В эту комиссию вызывали многих партийных и военных работников для выяснения причин наших неудач на фронте и неожиданной сдачи Перми.

В Вятском горкоме мне впервые пришлось встретиться со многими видными уральскими большевиками, занимавшими тогда различные посты в Вятке. Здесь я познакомилась с С. А. Новоселовым, И. С. Семериковым, С. В. Борисовым-Даниленко, В. Н. Андрониковым, А. А. Калашниковым, видела Р. Я. Юровскую и других. Помню, как я наблюдала за Юровской, любясь издали этой стройной цветущей девушкой, одетой в черную кожаную куртку, с ярким платком на темных волосах. Она вечно куда-то торопилась, входила стрес-

мительной походкой, кратко и точно излагала вопрос, с которым пришла, и энергично отстаивала свое мнение. Римма Юровская была одним из первых организаторов уральского комсомола. В Вятке она также занималась комсомольской работой.

Мне постоянно приходилось общаться с приходившими в горком партийцами: я обычно занималась опросом членов партии при составлении различных списков, приводила в порядок заполненные анкеты, оформляла выдачу партийных билетов, а также различные командировки и направления на работу. Особенно много дел было в связи с проводившейся тогда, по постановлению VIII съезда партии, перерегистрацией всех коммунистов. Одними из первых эту перерегистрацию проходили мы, работники партийного аппарата. Помню, как на заполненной мною анкете председатель горкома партии и городской комиссии по перерегистрации Петр Капустин написал: «Считать проверенной, как лично известную членам горкома».

В Вятке я встретила с Эрнстом Аппогой. Он работал там недолгое время комиссаром штаба Уральского военного округа. Скоро он уехал в действующую армию на Южный фронт, занимал там ответственные военные посты. Потом работал в Москве, учился в Военной академии имени Фрунзе. Последняя его должность — начальник военных сообщений РККА, член Военного Совета Республики. Эрнст был награжден орденом Красного Знамени и орденом Красной Звезды, а также двумя золотыми часами и двумя портсигарами от ВЦИК. Впоследствии я несколько раз встречалась с ним в Москве.

В марте 1919 года началось новое наступление колчаковцев. На Восточный фронт Колчак бросил большие силы, поставив задачу прорваться к Москве. Под напо-

ром превосходящих сил противника советские войска отступали. На фронте шли непрерывные упорные бои. Положение сложилось очень тяжелое. В начале июня на короткое время белогвардейцам удалось захватить Глазов, создалась угроза падения Вятки. Из города эвакуировались многие учреждения и организации. У нас, в партийном комитете, все было готово к отъезду: дела упакованы в ящики, мы сидели на них в верхней одежде, с минуты на минуту ожидая приказа о выезде. Однако обстановка скоро изменилась, Глазов был освобожден, мы распаковали наши дела и принялись за очередную работу.

Красная Армия перешла в решительное наступление. Перелом на Восточном фронте и разгром колчаковцев начался в результате проведения Центральным Комитетом партии целой системы мероприятий, программа которых была изложена в известных «Тезисах ЦК РКП (б) в связи с положением на Восточном фронте», написанных Владимиром Ильичем Лениным и опубликованных в «Правде» 12 апреля 1919 года.

Твердая уверенность в победе не покидала советских людей в самые тяжелые моменты блокады, организованной международными империалистами в годы гражданской войны. Окруженный кольцом белогвардейских армий, советский народ испытывал невероятные трудности, нужду, голод и холод. Но вера в правильность того пути, по которому вела Коммунистическая партия, помогала переносить все лишения и невзгоды.

Наступление Красной Армии и начавшееся освобождение Урала вызвали огромный революционный подъем. Мы с нетерпением ждали того дня, когда можно будет возвращаться в родные места. И этот день скоро наступил.

9 июня была освобождена Уфа, в ночь на 1 июля

Красная Армия заняла Пермь и Кунгур, 15 июля был взят Екатеринбург.

Мы готовились к отъезду.

В середине июля я выехала из Вятки в Пермь с первым эшелоном. Вместе со мной возвращались на Урал из эвакуации мои школьные подруги — Фаня Огнева и Маруся Бражкина (Ванькова). Наш поезд шел очень медленно, мы ехали до Перми больше недели. Железнодорожные пути были разрушены, мосты взорваны, из товарных вагонов, в которых мы ехали, было видно много развалин и сожженных зданий. Всюду встречали нас следы тяжелых разрушений, оставленных колчаковцами при отступлении. Поезд подолгу стоял на полустанках в ожидании, пока впереди будет исправлен путь. Так, на станции Чепца мы простояли более трех суток, пока был устроен временный мост через реку Чепцу. Ехавший с нами Степан Андреевич Новоселов и кто-то из сопровождавших его товарищей отправились отсюда вперед на лошадях, они торопились попасть на Урал, где ждала неотложная работа. После возвращения из эвакуации Новоселов работал председателем Екатеринбургского губвоенревкома.

Не доезжая до Перми, наш поезд остановился в лесу, неподалеку от Нижней Курьи. Дальше ехать было невозможно: весь путь был разрушен, взорвана была и часть железнодорожного моста через Каму. Мы пошли пешком через лес и, выйдя на правый берег Камы, на лодках перебрались в город.

Возвращение на Урал

И вот я снова на Урале, в Перми!

Снова в родных местах, где ждет новая работа, новые встречи, новые товарищи. Осталась позади тяжелая полоса жизни, связанная с отступлением, эвакуацией, с незаменимыми утратами.

После многолюдной, перенаселенной Вятки в Перми, особенно в центральной части города, в первое время казалось пусто. Почти вся местная интеллигенция, напуганная вымыслами колчаковцев о зверствах большевиков, бежала с белыми, не говоря уже о буржуазии и состоятельных людях. Как нам рассказывали, в последние дни отступления белогвардейцев в городе началась паника: поездов для бегущих не хватало, многие уезжали по Сибирскому тракту

на лошадях, за огромные деньги нанимали извозчиков, а иногда просто складывали вещи в тележки и уходили из города пешком. Большинство этих беглецов скоро вернулись обратно, оказавшись в тылу стремительно наступавшей Красной Армии.

Перепуганные обыватели, оставшиеся в городе, прятались по домам.

Отступление колчаковцев было настолько скоропалительным, что местная буржуазия побросала без всякого надзора свои дома вместе с находившимся в них имуществом. Созданный в городе после его освобождения военревком взял на учет свыше семисот таких домов. В них размещались вернувшиеся из эвакуации товарищи, а также партийные и советские учреждения.

В одном из этих, так называемых архиерейских, домов, на Набережной улице, возле кафедрального собора, поселилась и я. Хозяева квартиры, в которую мне дали ордер, бежали столь поспешно, что на столе остались неубранными самовар и чайная посуда, по комнатам в беспорядке валялись вещи.

В одной квартире со мною поселились старые коммунисты А. А. Ляк и П. М. Лаиус с семьями, также вернувшиеся из эвакуации.

Александр Аркадьевич Ляк, член партии с 1899 года. Небольшого роста, крепкий, коренастый, к тому времени уже не молодой. Его движения медлительны, лицо всегда спокойно, из-под нахмуренных бровей светятся умные, пытливые глаза. Он был перегружен большой партийной работой и редко бывал дома.

Петр Михайлович Лаиус, член партии с 1909 года, по национальности эстонец, по профессии — рабочий, столяр. Я работала с ним вместе в Вятке, он был там заместителем председателя горкома партии. Необычайно высокого роста, худой, с крупными неправильными

чертами лица, он казался суровым и неприступным. Он действительно был таким по отношению к классовым врагам, но о товарищах по партии очень заботился и, если требовалось, всегда приходил на помощь.

Вместе со мной в двух маленьких комнатках, с чудесным видом на Каму, поселились мои ровесницы — Фаня Огнева и Маруся Бражкина (Ванькова). Фаня работала в военном госпитале, Маруся — в военном трибунале. Нас, молодых коммунисток, связывала большая дружба: и радость и горе переживали вместе, делились друг с другом, как сестры, теми немногими материальными благами, которыми тогда располагали.

По возвращении на Урал пришлось услышать много рассказов о бесчинствах и зверствах, творившихся во время колчаковщины. Избиения, порки, насилия над женщинами, расстрелы и виселицы были массовым явлением. В первую очередь репрессии направлялись против рабочих и всех тех, кто был заподозрен в сочувствии к Советской власти. Трупы замученных зимой часто сбрасывали под лед в камские проруби. Много народу погибло в Кизеле: там избитых, истерзанных людей заживо сталкивали в глубокие шахты, забрасывая сверху тяжелыми камнями, обломками железа и чугуна. Мы узнали, что в кизеловских шахтах погибли привезенные из Чердыни учитель Д. К. Решетов, работавший в 1918 году заведующим уездным отделом народного образования, а также бывший секретарь уездного исполкома наш сверстник Вася Горохов и много других товарищей, попавших в руки колчаковских палачей.

Все эти массовые репрессии имели целью запугать трудящихся, заставить их согнуться под гнетом иностранной интервенции. Но они вызывали лишь гнев и ненависть и привели к тому, что не только рабочие, но и

подавляющая масса крестьян встретили с огромным подъемом приход Красной Армии и освобождение Урала. Ряды советских войск быстро пополнились добровольцами, помогавшими гнать дальше и громить колчаковские войска.

По приезде в Пермь я, как и другие вернувшиеся из эвакуации коммунисты, направилась на Сибирскую улицу (ныне улица Карла Маркса) в здание бывшей земской управы, где находился губернский военно-революционный комитет. Меня принял председатель губвоенревкома; он же председатель губернского организационного бюро РКП(б), Владимир Федорович Сивков. Это был среднего роста худощавый человек лет тридцати с упрямой складкой у твердо сжатых губ, быстрыми, решительными движениями. Рабочий-слесарь, он вступил в Коммунистическую партию в 1908 году и активно участвовал в подпольной деятельности уральских большевистских организаций. В годы Советской власти он занимал различные руководящие партийные и советские посты.

Расспросив, где я работала раньше, Сивков направил меня в губернское организационное бюро РКП(б) — губоргбюро, созданное 2 июля 1919 года в составе В. Ф. Сивкова, П. И. Малкова и И. В. Башкирова. Оно находилось в центре города, на углу Сибирской и Покровской (ныне угол улиц Карла Маркса и Ленина), на втором этаже большого каменного здания, принадлежавшего прежде колбаснику Ковальскому. Здесь немного позднее разместились губернский и городской комитеты партии.

Просторные комнаты этого помещения были еще пусты: я была первой, назначенной в партийный аппарат. Вначале мне пришлось одной выполнять все технические функции, связанные с развертыванием партийной

работы. Вскоре пришел работать Илья Александрович Дудин, член партии с 1917 года, бывший чертежник, выдвинутый на пост секретаря губоргбюро. Он научил меня правильно поставленному делопроизводству, с которым я была еще недостаточно знакома, хотя и имела уже некоторый опыт работы в партийном аппарате. Пришлось мне сесть и за пишущую машинку. Я не имела понятия, как с ней обращаться, учиться было не у кого, и в первый же день я разбила себе пальцы: сижу, печатаю, из глаз брызжут слезы, а из-под ногтей — кровь.

Скоро дело пошло лучше. Нашли, хотя и не очень опытную, машинистку. Это была Аня Манцирина, тогда еще очень юная, тихая девушка. Она скоро вступила в партию, и вот тогда-то расцвели ее способности. Она оказалась хорошим массовиком и женработником. С Анной Николаевной Кругловой (Манцириной) я встречалась часто и позднее и с трудом узнавала в этой живой, энергичной и деятельной коммунистке прежнюю тихую, молчаливую машинистку, работавшую со мной в Пермском губкоме.

В партийный аппарат были привлечены и другие товарищи. Начали создаваться отделы: секретариат, организационно-инструкторский отдел, отдел по работе среди женщин. Я стала работать помощником секретаря.

В губоргбюро ежедневно приходили десятки коммунистов, возвращавшихся из эвакуации. Беседовал с ними обычно Сивков, иногда Башкиров. Каждый прибывший товарищ получал назначение на работу.

В первое время партийных сил было мало, особенно не хватало людей с организационным опытом. Для укрепления Пермской партийной организации часть сил выделила армия, часть прислал Центральный Комитет

партии. По путевке ЦК в разное время приехали для работы в Перми — В. Н. Лобова, Е. М. Ярославский, К. И. Кирсанова, А. Е. Минкин, П. И. Галанин.

Большим событием для всех нас стало пребывание в Перми агитационно-инструкторского парохода ВЦИК «Красная звезда». На этом пароходе в Пермь приехала Надежда Константиновна Крупская. Пароход должен был оказать помощь районам, освобожденным от гнета иностранной интервенции и белогвардейщины. Его сопровождали ответственные сотрудники всех наркоматов, а также группа опытных агитаторов и лекторов. Пароход был прекрасно оборудован: здесь имелись бюро жалоб, кинематограф, сельскохозяйственная выставка, книжный магазин и склад литературы. До Перми пароход посетил уже многие города и селения Прикамья, на всех остановках организовывались митинги, расклеивались плакаты, воззвания, распространялись листовки, продавалась и раздавалась бесплатно политическая литература, принимались от населения жалобы, часть которых разрешалась тут же, на месте.

Пароход прибыл в Пермь 12 августа, это вызвало в городе большое праздничное оживление. Все спешили на берег Камы. Особенно много народу собиралось по вечерам: густая толпа рабочих, красноармейцев, вездесущих ребятишек до поздней ночи осматривала сиявший в темноте многочисленными огнями пароход и прибывшую с ним ярко иллюминированную баржу. Тут же работал кинематограф.

В оперном театре был проведен массовый митинг. Представители политотдела парохода выступили перед трудящимися города с речами на тему «Что дала нам победа Красной Армии и куда привело бы ее поражение». В течение двух дней митинги проводились во всех районах города.

Пароход стоял в Иерми три дня. В день отъезда проведено было объединенное заседание политотдела парохода с губвоенревкомом, на котором наши руководители получили от прибывших из центра товарищей ряд практических указаний и советов.

Вечером 14 августа перед отплытием парохода на берегу состоялись прощальный митинг и последний киносеанс.

Вскоре началась подготовка к губернской партийной конференции. Вся хозяйственная сторона — обеспечение делегатов общежитием, продуктами питания — была выполнена нашим секретариатом.

Губернская партийная конференция открылась 20 сентября 1919 года в помещении оперного театра. С докладом о текущем моменте выступил редактор пермской газеты «Красный Урал» М. И. Целищев, затем был заслушан доклад В. Ф. Сивкова о работе оргбюро. Конференция обсудила также доклад о работе в деревне и организационный вопрос.

Настроение на конференции царило боевое. С большим подъемом делегаты с мест рассказывали о том, что рабочие, крестьяне с огромной радостью встречали приход Красной Армии. Средняцкая часть крестьянства, проявившая колебания в первый период после Октябрьской революции, теперь решительно встала на сторону Советской власти. Во время колчаковщины середняки поняли, что только Советы — истинная власть народа, они до конца защищают интересы трудящихся.

Вновь создан был губернский комитет партии, на конференции в его состав избрали семь человек, остальные восемь были введены после конференции от Кунгура, Усоля, Чердыни, Оханска, Осы, Лысьвы, Чусовой, Кизела.

На первом организационном заседании губкома обя-

занности распределили таким образом. Председателем губкома стал В. Ф. Сивков (несколько позднее его сменил Е. М. Ярославский), товарищем председателя — К. П. Наумов, секретарем и заведующим отделом по работе среди женщин — В. Н. Лобова, заведующим агитационно-пропагандистским отделом — А. А. Ляк, заведующим инструкторским отделом — Я. С. Москов.

Яков Софронович Москов-Яремчук был старый член партии. Худощавый, подтянутый, с суровым лицом, он всегда держался сдержанно. У нас в губкоме он работал недолго и скоро уехал из Перми по вызову ЦК партии. Я мало его знала, но прошли годы, и мне пришлось изучать революционную деятельность этого человека. Он был одним из руководителей Лысьвенской большевистской организации в 1917 году и принимал самое активное участие в борьбе за победу Октябрьской революции на Урале. К сожалению, его судьба после отъезда из Перми в 1919 году осталось для меня неизвестной.

После Москова заведующим организационно-инструкторско-информационным отделом (так назывался тогда этот отдел губкома) был назначен Виктор Иванович Тодорский, совсем еще молодой, но очень серьезный человек. Скоро его перевели от нас на хозяйственную работу.

Известна книжечка, написанная Александром Ивановичем Тодорским, «Год с винтовкой и плугом», изданная в городе Весьегонске Тверской губернии к первой годовщине Октябрьской революции. Эта книжечка получила высокую оценку Владимира Ильича Ленина. Он назвал замечательным вывод, сделанный в этой работе А. И. Тодорским, что «мало буржуазию победить, доконать, надо ее заставить на нас работать».

«Вот это — замечательные слова, — говорил Ленин.—

Замечательные слова, показывающие, что даже в городе Весъегонске, даже в 1918 году, было правильное понимание отношений между победившим пролетариатом и побежденной буржуазией»¹.

В то время, когда я работала в Пермском губкоме, эти слова Ленина еще не были сказаны. Но когда в 1922 году я прочитала политический отчет Центрального Комитета РКП(б), сделанный В. И. Лениным XI съезду партии, я сразу же вспомнила Виктора Ивановича Тодорского. Он был братом Александра Ивановича Тодорского, автора книги «Год с винтовкой и плугом».

В сентябре 1919 года в Перми после губернской партийной конференции был проведен губернский съезд Советов. Съезд сформировал губисполком, в который вошли Сивков, Дудин, Обросов, Семченко, Седых, Анишев, Малков, Смородин и другие.

Одновременно с организацией партийного и советского аппарата и налаживанием партийной работы в Перми и в уездах губкому приходилось решать много других неотложных дел. Одним из главных и самых трудных вопросов была борьба с разрухой, оставленной в наследие колчаковщиной. Отступая, белогвардейцы стремились уничтожить и разрушить все, что было возможно. Неподалеку от Перми у пристани Левшино им удалось сжечь значительную часть Камского речного флота. Выпустив в реку из находившихся на берегу баков несколько тысяч пудов нефти и керосина, они подожгли пловущую по воде горючую массу. В этой огненной реке сгорели пригнанные сюда речные суда. Их искалеченные, почерневшие остовы печально торчали из воды. По сообщениям газет, было сожжено свыше пятидесяти пароходов, столько же барж и много другого

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 97.

речного имущества. На берегу, у пристани Левшино, при пожаре хлебных складов погибло около трехсот тысяч пудов зерна, сгорело много вагонов. Все это варварское уничтожение материальных ценностей сопровождалось гибелью многих безвинных людей.

Взорванные белыми мосты, разрушенные железнодорожные пути, изуродованные вагоны создавали величайшие трудности в работе транспорта и установлении регулярных связей с центром и другими районами страны.

Заводы почти не работали.

Из Мотовилихинского завода белые вывезли многие станки и важнейшие части машин. Однако полностью вывести завод из строя им не удалось благодаря сопротивлению, оказанному рабочими.

Партийным и советским организациям после изгнания колчаковцев пришлось положить много сил, чтобы преодолеть вставшие перед ними трудности.

На помощь пришли рабочие массы. Еще весной 1919 года, при подготовке Центральным Комитетом партии наступления на Восточном фронте, Владимир Ильич Ленин бросил клич — «работать по-революционному». Этот ленинский лозунг был подхвачен рабочими: московские железнодорожники организовали первый в стране коммунистический субботник. «Великий почин», как назвал его Ленин, распространился по всей стране.

Широко проводились субботники и на Урале: здесь разруха была особенно острой, инициатива снизу и помощь рабочих масс были особенно необходимы.

Первыми субботники в Перми начали проводить мотовилихинские рабочие. Их примеру последовали рабочие других предприятий.

На субботники выходили организованно, с пением революционных песен. Трудились по субботам два

часа после рабочего дня на предприятиях и в учреждениях. Мы, сотрудники партийного аппарата, ходили на берег Камы, на станцию Пермь I. Здесь мы вместе с другими таскали бревна, пилили дрова, разгружали вагоны. Тяжелая работа скрашивалась шутками и смехом. Идешь, бывало, после такого субботника домой, спина и руки болят, а на душе легко от сознания, что и ты внес какую-то крупицу в общее дело.

Центральным вопросом в работе губкома и всей губернской партийной организации по-прежнему оставался вопрос военный. Урал был освобожден, но гражданская война продолжалась. Международные империалисты, которым не удалось уничтожить Советы с помощью Колчака, осенью 1919 года предприняли еще один поход на Республику. В этот раз на первый план они выдвинули армию Деникина, наступавшую с юга. Советские люди напрягали все силы, чтобы отразить этот новый натиск контрреволюции.

Уральцы тоже участвовали в борьбе с Деникиным. Почти на каждом заседании губкома стояли вопросы об оказании помощи фронту. В Перми и других городах Урала создавались кавалерийские отряды, направляемые на юг. Из добровольцев формировалась Уральская Красная дивизия. С 10 по 17 сентября проведена была Неделя сбора оружия, с 1 по 7 ноября — Неделя победы. Выпускалась масса листовок под названием: «Записывайтесь добровольцами в Красную Армию!», «Сдавайте оружие!», «Как могут рабочие и крестьяне помочь победе» и много других.

С большим подъемом проходила организованная по постановлению ЦК партии тридцатипроцентная партийная мобилизация на Южный фронт. Число добровольцев намного превысило установленную норму.

Осенью и в первой половине зимы 1919/20 года

опять сложилось тяжелое положение в северном Прикамье, в районе Чердынского уезда. Белогвардейские отряды, по указке международных империалистов, начали новое наступление со стороны Печоры и, не встретив на первых порах серьезного сопротивления, быстро продвигались в сторону Чердыни. Создалась серьезная опасность накопления и укрепления сил интервентов и белогвардейцев в глубоком тылу.

Я внимательно следила за положением в Чердынском уезде. Мне были близки и дороги места, где еще так недавно я жила. Работа в Пермском губкоме давала мне возможность быть в курсе событий, которые разворачивались в этом уезде.

Пермский губком совместно с губчека и военными организациями срочно предпринял ряд мер военного характера для обороны губернии и ликвидации Чердынского фронта. Регулярно на заседаниях губкома заслушивались доклады П. И. Малкова о положении на севере, обсуждались меры по оказанию помощи Чердыни. Из Перми на север срочно были направлены отряды, доставлено оружие, теплая одежда для бойцов. Для укрепления Чердынской партийной организации и для политической работы в военных частях на Северный Урал были командированы значительные силы партийных работников во главе с уполномоченным губкома А. А. Ляк.

Вот что говорилось в одном из докладов Пермского губкома РКП(б) о работе, проведенной в связи с борьбой против белогвардейцев на Северном Урале:

«Нужно было не только отогнать белогвардейские банды, но и совершенно их уничтожить. Необходимо было усилить политическую работу в заброшенных селах и деревнях, разбросанных на сотни верст по Чердынскому краю, поставить на должную высоту в Чердыни и на местах партийную и советскую работу».

Это требовало нового напряжения сил. Губкомом были влиты в формирующиеся пополнения чердынской группе 60 молодых бойцов из членов союза молодежи, обучавшихся в милиционно-территориальном полку. В распоряжение нашего уполномоченного при штабе чердынской группы войск товарища Ляк (члена губкома) были посланы более 20 товарищей для политической работы на фронте и в деревне. Большинство их было взято из районов Перми, остальные из числа мобилизованных, находившихся в распоряжении губкома. Кроме того, был послан туда отряд коммунистов (из районов Перми), в том числе 40 человек для сопровождения ценных грузов и вооружения, который целиком временно был задержан товарищем Ляк, и все товарищи использованы по проведению «недели добровольной явки дезертиров и помощи семьям красноармейцев».

В глухих деревушках и селах Чердынского уезда проводились митинги, доклады, беседы. В тысячах листовок разъяснялась опасность, создававшаяся в связи с продвижением белогвардейцев к Чердыни. Для населения северных волостей выпустили воззвание на языке народа коми; для политической работы туда был направлен коммунист, знающий родной язык местного населения.

В последних числах ноября губком телеграфировал о положении в Чердыни:

«Вятка Губком Неволину. Москва Совобороны.

Копия: Востфронта Реввоенсовет.

Борьба местными военными силами против численно и технически превосходящего противника фронта Чердыни угрожает сдачей белогвардейцам значительной территории, что усилит неустойчивое настроение северных уездов. Это создает в будущем угрозу, которую надо ликвидировать немедленно. Необходимо сразу двинуть

более значительную силу целью полной ликвидации действующих севере отрядов, вооруженных пушками, бомбометами, имеющих отряды лыжников. Также необходимо объединить командование одних руках.

Предгубчека Малков. Предгубкома Ярославский. Предгубисполкома Обросов».

Были приняты срочные меры, и скоро наши отряды перешли в решительное наступление. Разбитые белогвардейские банды бежали, Чердынский фронт был ликвидирован.

В октябре 1919 года, в один из самых тяжелых моментов гражданской войны, когда наступавшие войска интервентов и белогвардейцев угрожали жизненным центрам страны, проводилась партийная неделя. Коммунистическая партия обратилась к рабочим и трудящимся крестьянам с призывом вступать в ее ряды. В эту неделю партийные организации интенсивно принимали в свои ряды трудящихся: не требовалось никаких формальностей, не нужно было представлять рекомендаций поручителей, достаточно подать заявление или подписаться под коллективным заявлением. Все заявления рассматривались комитетами партии, решения которых считались окончательными.

Призыв Коммунистической партии встретил горячий отклик и поддержку народных масс. За короткий срок партия почти удвоила свои ряды. Успех партийной недели ярко показал, насколько тесно связана Коммунистическая партия с массами трудящихся.

В Перми партийная неделя прошла с большим успехом. Были мобилизованы все коммунисты, способные вести организационную и пропагандистскую работу. Каждый член партии обязан был агитировать честных товарищей из числа беспартийных, в первую очередь рабочих и красноармейцев, за вступление в Коммунистиче-

скую партию. Многочисленные митинги и беседы собрали свыше ста тысяч человек. Распространялось большое количество листовок, воззваний, брошюр с Программой Коммунистической партии. Газета «Красный Урал» печатала статьи, в которых разъясняла, почему рабочие, крестьяне, красноармейцы должны стать членами Коммунистической партии.

В Перми было подано в партию свыше четырех тысяч заявлений, городская партийная организация увеличилась более чем в три раза. Успешно прошла эта работа и во всей Пермской губернии.

Во время партийной недели у нас в губкоме толпилась масса народу. Особенно много посетителей набивалось в большую приемную комнату, где находился мой рабочий стол. Это были представители райкомов, некоторые приходили непосредственно с заводов, предприятий, из воинских частей. Они хотели встретиться с руководителями губкома, информировать их о том, как идет прием в партию, посоветоваться, разрешить возникшие вопросы. Заходили и рабочие, красноармейцы, служащие, желавшие сами вступить в партию. В комнате постоянно было многолюдно и шумно. Мне приходилось устанавливать порядок, направлять всех посетителей к руководителям губернской партийной организации.

После окончания партийной недели встала задача как можно лучше организовать воспитание принятых в партию товарищей. Это была еще сырая, рыхлая масса, которую необходимо было, как писал тогда председатель Пермского губкома РКП(б) Е. М. Ярославский в газете «Красный Урал», «пропитать коммунистическим сознанием, связать крепким цементом партийной дисциплины, закалить в горне практической работы».

2 ноября в Перми состоялось объединенное заседа-

ние губернского, городского и районных комитетов партии. Оно подвело итоги партийной недели по городу и разработало план работы с вновь принятыми членами партии.

Решено было проводить еженедельно во всех городских районах общие партийные собрания, на которых ставить не только практические, но и теоретические вопросы, систематически организовывать лекции, доклады, рефераты. Все ответственные партийные работники прикреплялись к райкомам для помощи в политическом воспитании членов партии. Вновь принятых товарищей необходимо было вовлечь в практическую общественную работу.

Партийная неделя прибавила сил партийной организации. Многие коммунисты, вступив в партию, скоро ушли добровольцами на фронт защищать молодую Республику Советов. Другие укрепляли ее самоотверженным трудом в тылу.

В аппарате Пермского губкома РКП (б) я ближе всех была связана с секретарем губкома Валентиной Николаевной Лобовой, которую часто называли старым партийным именем Бина. Эта худощавая молодая женщина (ей было тогда лет тридцать) с бледным лицом и тихим голосом имела за плечами большой опыт. Член партии с 1905 года, профессиональный революционер, она в годы первой русской революции работала на Урале вместе с Я. М. Свердловым. В 1906—1908 годах была членом Уральского областного комитета партии. В 1911 году входила в состав Московского комитета, в 1913 году работала секретарем Русского бюро ЦК и секретарем большевистской фракции IV Государственной думы. В годы царизма не раз отбывала тюремное заключение и ссылку.

За годы нелегальной революционной деятельности

Валентина Николаевна приобрела прекрасные качества профессионального партийного работника: принципиальность, твердость, способность разбираться в сложной обстановке, выделять главные вопросы, требующие немедленного решения. Образованная марксистка, она умела применить свои знания к практической жизни, всегда вкладывая в порученное ей дело всю страсть горячего сердца. Скромная, простая, Бина пользовалась уважением в партийной среде. Но ее здоровье было подорвано царской тюрьмой, ссылкой, лишениями. В 1924 году она умерла в Сухуми от горловой чахотки.

Валентина Николаевна нередко отлучалась в рабочие районы города по разным партийным делам. В какой-то степени мне приходилось ее заменять. Иногда она поручала мне самостоятельно писать ответы на запросы Центрального Комитета партии. Однако никогда не забывала их проверить и, если требовалось, вносила поправки, обязательно объясняя мне, почему она это делает. В общении с сотрудниками партийного аппарата и со всеми, кто приходил в губком, Бина всегда была внимательна, спокойна, доброжелательна.

Председателем губкома с октября 1919 года работал Емельян Михайлович Ярославский. С ним мне не приходилось сталкиваться непосредственно, как с В. Н. Лобовой. В губкоме он бывал ежедневно, но ненадолго, поручив всю текущую работу Валентине Николаевне, сам всегда куда-нибудь спешил: проводилось много всяких заседаний и совещаний, на которых необходимо было присутствие руководителя губернской партийной организации. Ярославский славился как прекрасный пропагандист и лектор, он постоянно выступал с политическими докладами и лекциями в рабочих районах. Емельяна Михайловича считали специалистом и по вопросам антирелигиозной пропаганды, в то время иногда устраи-

вались открытые диспуты с церковниками, на которых речи Ярославского пользовались неизменным успехом.

Вместе с Ярославским в губкоме работала его жена Клавдия Ивановна Кирсанова. Это была молодая, довольно полная, но очень подвижная женщина с веселым, живым лицом. Старый член Коммунистической партии, бывшая подпольщица, еще в 1906 году проводившая под руководством Я. М. Свердлова военно-боевую работу в Перми, она имела за спиной годы тюрьмы, каторги, далекой сибирской ссылки. В 1919 году Клавдия Ивановна заведовала в губкоме военным отделом. У нее были маленькие дети, но она умела так организовать свое время, что успевала заниматься и семьей, и большой ответственной партийной деятельностью в частях Красной Армии.

Много лет спустя, в 1942 году, в один из тяжелых моментов Великой Отечественной войны я встретила ее снова. К. И. Кирсанова, лектор Центрального Комитета партии, приезжала к нам в Свердловск с докладом о международном положении. Я слушала ее доклад для руководящего партийного актива в большом зале Свердловского обкома КПСС. Длившийся с небольшим перерывом более трех часов, он был насыщен многими неизвестными по печати фактами, которые подвергались глубокому и интересному анализу. Клавдия Ивановна говорила быстро, живо и увлекательно, я слушала, что называется, затаив дыхание. Ее умное лицо с постоянно меняющимся выражением было так же приятно и одухотворенно, как и в дни молодости. Похудевшая, стройная, она показалась мне такой же молодой, как в былые годы.

В Пермском губкоме РКП(б) в 1919 году работал при мне Г. И. Мясников, бывший подпольщик, мотовилихинский рабочий. Шумный, громогласный, нарочито пе-

брежно одетый и неряшливый, он производил странное и неприятное впечатление. Мотовилихинцы почему-то называли его Ганькой, хотя он был уже вполне зрелого возраста, лет за тридцать. В. Ф. Сивков рассказывает в своих воспоминаниях, что у Мясникова уже тогда случались буржуазные заскоки, он, в частности, настаивал, чтобы в специальном листке при местной газете печатались все критические замечания в адрес Советской власти, от кого бы они ни исходили. Позднее он уже более четко и широко сформулировал требование буржуазной демократии — свобода печати в Советской стране.

Известно письмо В. И. Ленина Г. Мясникову, датированное 5 августа 1921 года. Это письмо было написано В. И. Лениным по поводу докладной записки Г. И. Мясникова в ЦК РКП(б) и его статьи «Больные вопросы» в тот период, когда Мясников проводил антипартийную деятельность в пермской и петроградской партийных организациях и пытался сколотить фракционную группировку в Мотовилихе для борьбы против партии. В. И. Ленин подверг сокрушительной критике взгляды Мясникова.

«Свобода печати в РСФСР, окруженной буржуазными врагами всего мира, — говорилось в письме, — есть свобода *политической организации* буржуазии и ее вернейших слуг, меньшевиков и эсеров»¹.

Ленин писал, что мы не можем облегчать дело классовому врагу, помогать ему вести борьбу против нас, что свобода печати в условиях советского строя выгодна только мировой буржуазии, дает ей в руки острое оружие. Мы знаем о наших трудностях и болезнях, писал Ленин, ведем с ними борьбу и у нас хватит сил справиться с ними. Указав Мясникову, что он впал в

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 79.

панику и в отчаянии бросился в объятия классовых врагов, Ленин советовал ему выправить свои нервы, избавиться от паники и взяться за деловую работу.

Но Мясников не внял этому мудрому совету. За антипартийную деятельность он в 1922 году был исключен из партии, после чего эмигрировал за границу и закончил жизнь белоэмигрантом.

Я часто встречалась в Пермском губкоме в 1919 году с Михаилом Павловичем Туркиным. Он нередко заходил к нам в большую приемную комнату для выяснения каких-нибудь вопросов. Говорил всегда негромко, не торопясь, его серьезное бледное лицо освещала иногда легкая улыбка. М. П. Туркин был активным участником первой русской революции: во время Мотовилихинского вооруженного восстания в декабре 1905 года входил в состав Пермского комитета РСДРП. В 1906 году в Перми он — один из ближайших сподвижников Я. М. Свердлова. Опытный конспиратор с большим опытом нелегальной партийной работы, Туркин в период колчаковщины стал активным организатором большевистского подполья на Урале в тылу врага.

Иногда в губком заходил Андрей Юрш. Его все знали как одного из руководителей Мотовилихинского вооруженного восстания в декабре 1905 года. Юрш по национальности белорус, в прошлом слесарь-монтер. В партию он вступил в 1896 году, в 1911 году учился в ленинской партийной школе в деревне Лонжюмо под Парижем. В годы гражданской войны воевал на фронте. Юрш был вскоре отозван из Перми Центральным Комитетом партии и на Урал больше не возвратился.

С Владимиром Федоровичем Сивковым в 1919 году я встречалась только в служебной обстановке. Выдержанный, серьезный, деловитый, он выглядел всегда озабоченным: работать приходилось много, людей не хва-

тало. В губком он обычно приходил только на заседания бюро или для того, чтобы дать задания работникам партийного аппарата, большую часть рабочего дня он проводил в губисполкоме. После приезда Ярославского он совсем оставил работу в губкоме и работал только председателем губисполкома, а потом вскоре уехал из Перми. В середине пятидесятых годов я встретила с ним в партархиве Свердловского обкома КПСС, куда он приехал для просмотра и отбора некоторых партийных документов — он подбирал тогда материалы для своих воспоминаний, изданных в Перми в 1968 году. Со времени этой встречи мы подружились: постоянно переписываемся, обмениваемся мнением по различным вопросам и изредка встречаемся, когда он приезжает из Перми в Свердловск.

Моя подруга Шура Лепсис работала в Перми в 1919 году следователем губчека, там же работала и Лида Корозникова. Работа была трудной, особенно у Шуры: ей приходилось нередко вести дела опытных белобандитов значительно старше ее возрастом. Иногда она порядком нервничала, но помощь и дружеская поддержка старших товарищей-чекистов, ее руководителей, помогали ей справляться с трудностями. Малков пробовал привлечь к работе в губчека и меня, написал в губком официальное отношение с просьбой отпустить меня к нему на работу, но Лобова решительно ему отказала — людей тогда везде не хватало. Однако несколько позднее я все-таки уговорила Валентину Николаевну отпустить меня из губкома, я решила посвятить себя педагогической деятельности. Она убеждала меня остаться, чтобы поехать потом на учебу в Москву в Свердловский университет и стать настоящим партийным работником. Но я рассудила иначе, решив, что мое место там, где еще мало партийных сил и ждет

непечатый край работы. Еще в 1918 году я хотела стать учительницей, но тогда моя судьба сложилась иначе. Теперь уже ничего не мешало мне осуществить это желание. Хотелось быть поближе и к родной семье, к матери, которая жила в Оханском уезде.

Я уехала в Оханский уезд и стала сельской учительницей.

В деревне

С января 1920 года я начала работать в школе в деревне Усолье Острожской волости Оханского уезда. Эта небольшая, утонувшая в снегу деревушка находилась в стороне от тракта. В школе было четыре класса, мы работали вдвоем с заведующей Евдокией Максимовной Авериной. Мне пришлось вести два младших класса, помещавшихся в одной комнате.

Не хватало опыта, и Евдокия Максимовна очень мне помогала. Старше меня на несколько лет, она имела уже значительный стаж педагогической работы. Жили мы тут же, в школе, в одной небольшой комнате.

Деревенские ребята, застенчивые, робкие, удивительно послушные, быстро ко мне привязались. В классе всегда стояла тишина. Работать было,

однако, нелегко. Приходилось не только тщательно готовиться к каждому уроку, но и продумывать весь порядок и методику занятий, так как они шли одновременно с двумя разными группами детей. Конечно, из-за моей неопытности и неумения организовать дело ребятам какой-нибудь группы частенько приходилось терпеливо ожидать, пока я закончу с другой группой и займусь ими.

По вечерам в школе — единственном культурном очаге деревни — собирались подростки и взрослая молодежь. При школе был создан драмкружок, и почти каждый вечер проводились репетиции: шла подготовка к очередному спектаклю.

Ставили мы обычно пьесы Островского. Режиссером был учитель, приехавший из соседней деревни. Евдокия Максимовна ему помогала, она же играла главные женские роли, а я суфлировала.

Деревенская молодежь с большой охотой посещала занятия драмкружка, но многие наши «артисты» были малограмотны, а то и совсем неграмотны и столь неразвиты, что приходилось тратить много времени, чтобы растолковать каждому его роль и научить, как нужно держаться и говорить на сцене. Репетиции часто кончались поздно, мы с Евдокией Максимовной после этого буквально валялись с ног и, совершенно обессиленные, засыпали мертвым сном. Зато сколько удовольствия нам и радости местным жителям приносил каждый спектакль! Спектакли всегда проходили с успехом: деревенская публика, до отказа набивавшая широкий школьный коридор, где в воскресные вечера ставились спектакли, была невзыскательна.

Мне часто приходилось ездить на партийные собрания в село Острожку, волостной центр, находившийся в пяти километрах от нашей деревни. Дни были корот-

кие, стояла глубокая зима. Едешь в ранние зимние сумерки или поздним вечером после собрания в открытых снях-розвальнях вдвоем с возницей, заморенная лошаденка с трудом пробирается по заметенной снегом проселочной дороге, и пока доберешься до места, продрогнешь до костей от мороза и студеного зимнего ветра. В дороге всегда держишь наготове спички: нередко показывались оголодавшие за зиму волки, и тогда мы спасались тем, что зажигали пучки соломы или бумаги и бросали их на дорогу.

Наша волостная партийная ячейка насчитывала около двух десятков человек. Председателем партийного бюро был Филипп Григорьевич Пономарев, крестьянин села Острожки. В состав бюро входил также другой крестьянин этого же села Михаил Васильевич Пономарев. Оба уже пожилые люди, они пользовались авторитетом и уважением среди населения. Интеллигентных сил в ячейке, за исключением меня, не было. Вскоре по ходатайству партийной организации меня перевели из Усольской школы в Острожскую.

В Острожке в то время жили мои родители, у которых я и поселилась. Моя мать с четырьмя детьми приехала туда весной 1919 года из Чердыни. Этот переезд был вызван теми преследованиями, которым она подвергалась из-за меня и моего мужа при белых. К ней не раз приходили с обыском, оскорбляли, издевались, угрожали расправой. Мать решила оставить Чердынь и уехала к отцу, который еще с весны 1917 года работал в Оханске. Поселились они в пятнадцать километрах от уездного города, в селе Острожке.

В этом селе родился отец. Здесь когда-то его родители вели торговлю мануфактурой и разными товарами. Родители отца умерли, братья и сестры — одни тоже умерли, другие рассеялись по белу свету. От былого

купеческого богатства остался только большой каменный дом, половину нижнего этажа занимало торговое помещение, которое называли «лавкой». В этом-то доме и поселилась наша семья.

Но главное, что заставило моих родителей обосноваться в Острожке, — это находившийся на усадьбе большой огород. Картофель и овощи с этого огорода в те голодные годы стали основным продуктом питания нашей большой семьи. Хлеба было в обрез и пекли его тоже пополам с картошкой.

Зимой мы очень мерзли. Дрова экономили и отапливали не весь дом. Мы все ютились в двух маленьких комнатках возле кухни. Зимой сидели по вечерам с коптилкой, керосин доставать было трудно. Случалось, что в кухне зажигали и лучину. Спать ложились рано.

Отец работал и жил в Оханске, домой приходил или приезжал с попутной подводой только на воскресенье. Мать поступила в волостной исполком, пошла вскоре работать и моя вторая сестра Нина, она была пятью годами моложе меня.

И вот в селе, где когда-то торговал купец, начала вести партийную работу его внучка-коммунистка. В волостном центре мне было несравненно труднее, чем в маленькой деревне. Как единственной коммунистке среди учителей нашей волости пришлось возглавить работу учительского коллектива и руководить только что созданным волостным Советом народного образования. Почти еженедельно учителя всей волости съезжались в Острожку на собрания, и мне приходилось выступать с различными докладами. Нередко ездила я и в уездный город Оханск на различные учительские совещания.

Большинство учителей нашей волости — выходцы из крестьян — в политическом отношении представляли тогда еще сырую массу, плохо разбиравшуюся в теку-

щих событиях. Меня, впервые попавшую в деревню, где учителя были почти единственной культурной силой, поражала их политическая отсталость. Встречалось среди них немало хороших педагогов, всей душой преданных делу. Но были и такие, которые работали только из-за куска хлеба, не понимая своего долга дать народу как можно больше знаний. В учительской среде преобладали обывательские настроения.

На собраниях и совещаниях постоянно слышались жалобы на несправедливые нападки, на слишком высокие требования, которые якобы предъявлялись к учителям, на перегруженность работой и недостаток отдыха. Меня возмущали эти жалобы. Я считала, что учителей еще мало критикуют за их аполитичность, что необходимо расшевелить всю эту инертную массу, внедрить в нее ясное сознание революционного долга. Можно ли жаловаться, говорила я тогда, что работать приходится часто без отдыха, ведь вся страна переживает такое трудное время и каждый час, каждую минуту ждет от всех нас большой творческой работы?

Если большинство учителей относились к общественной жизни пассивно из-за своей политической неграмотности и отсталости, то встречались среди них и скрытые враги Советской власти. Правда, таких было немного. Еще весной 1918 года в селе Острожке произошло контрреволюционное восстание, организованное бывшим офицером царской армии Иваном Житниковым и учительницей Острожской школы Заколоткиной, состоявшей в партии эсеров. Восстание было быстро ликвидировано, но его главари успели бежать. Кое-какие корешки, оставленные организаторами этого восстания, еще шевелились и давали о себе знать в тот период, когда я там работала. Иван Житников скрывался где-то неподалеку и время от времени тайком навещал свою

семью, оставшуюся в Острожке. Его не раз пытались поймать, но безуспешно: видимо, ему помогал кто-то из местных кулаков. В Острожской школе продолжали учительствовать его жена и сестра, неподалеку от села в одной из деревенских школ работал его младший брат Константин. Все они были настроены против Советской власти, ждали ее скорого конца. Мне было трудно проводить волостные учительские собрания, где Константин Житников и его друг, тоже учитель, Николай Устюгов часто прерывали меня насмешливыми репликами и довольно ехидными вопросами. Весной К. Житников и Н. Устюгов были арестованы Оханской уездной Чрезвычайной комиссией. Как оказалось, они пытались сколотить в нашей волости контрреволюционную анархистскую организацию.

Но несмотря на все это, работа с учителями, вовлечение их в активную общественную жизнь постепенно налаживались. При Острожской школе так же, как и в деревне Усолье, хорошо работал драмкружок, в нем охотно участвовали и учителя и крестьянская молодежь. В школе постоянно по воскресеньям, а иногда и среди недели по вечерам, проводились беседы и доклады для взрослого населения. На политические темы выступала я, для освещения же таких вопросов, как устройство Вселенной, откуда появился человек, — привлекались другие учителя. На учительство возлагалась и задача вести пропаганду сельскохозяйственных знаний — агрономов и животноводов тогда в деревне не было. Прослушав краткосрочные сельскохозяйственные курсы в уездном городе, учителя, как могли, справлялись и с этим.

В марте 1920 года мы развернули во всей волости массовую работу по ликвидации неграмотности. Декрет о ликвидации неграмотности, подписанный В. И. Лениным 26 декабря 1919 года, имел величайшее полити-

ческое значение. Отбиваясь одной рукой от наступающих сил международной и внутренней контрреволюции, страна другой рукою одновременно закладывала фундамент социалистического строительства. Но для того чтобы успешно возводить величественное здание нового общественного строя, необходимы были высокая культура, знания, наука. Большинство же населения страны было тогда еще неграмотно. Ликвидация неграмотности встала как одна из самых неотложных, первоочередных политических задач.

«Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке», — говорил Ленин¹.

С большим воодушевлением взялись мы за это нелегкое дело. Учителя провели разъяснительную работу среди населения, повсюду расклеили распространявшиеся тогда в массовом количестве лозунги и плакаты: «Долой неграмотность!», «Грамота — путь к коммунизму» и другие. Взяли на учет всех неграмотных и малограмотных в возрасте до пятидесяти лет. Пункты ликбеза были созданы по всей волости: в школах, библиотеках, избах-читальнях, во многих крестьянских домах. Обучением крестьян занимались не только учителя, но и другие грамотные люди, в том числе и моя мать, и шестнадцатилетняя сестра Нина.

Молодые крестьяне посещали ликпункты охотно. С особенным старанием учились женщины, у которых мужья были в Красной Армии: им хотелось поскорей научиться самостоятельно писать письма. Но какого труда стоило убедить пожилых, что учиться никогда не поздно! Да, учение давалось им нелегко — некоторые плохо воспринимали объяснения учителей, не могли запомнить буквы, карандаш и ручка выпадали из мозолистых, натруженных рук.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 174.

Электричества тогда в деревне не было и в помине, керосина не хватало, и заниматься приходилось с копилкой. Бумаги давали мало, писали на газетах, на обертках, на грифельных досках, на чем придется. По одному букварю учились несколько человек. Мыла не было, многие ученики болели чесоткой и заражали своих учителей.

Я работала на ликпункте в соседней деревне, название которой не помню, в двух километрах от нашего села. На занятия ходила пешком. Особенно худо стало весной, когда наступила распутица и дороги сильно развезло. Обуви не было, ноги приходилось обматывать портянками и надевать лапти. Раскисшая глина прочно прилипала к лаптям, бывало, с трудом переставляешь тяжелые, как гири, ноги, добираясь до деревни. Обрато возвращаться было еще мучительней.

Волостная партийная ячейка поручила мне к тому же ответственное дело волостного организатора среди женщин. Политическое воспитание крестьянок, вовлечение их в активную общественную жизнь было одной из важнейших частей партийной работы.

Я начала свою деятельность с того, что в селе Острожке и в ближайших деревнях провела выборы делегатов. И стала регулярно созывать делегатские собрания.

Делегатки работали в секциях при отделах волостного Совета. У каждой было определенное поручение, все по очереди дежурили в Совете, помогали в текущих делах его отделам, подмечали недостатки. Периодически делегатки отчитывались на общих делегатских собраниях. Конечно, практическая работа у нас поначалу не очень ладилась: не было опыта.

Случалось, что мужья не отпускали своих жен на собрания. Приходилось посещать такие семьи, убеждать

и разъяснять, что женщинам необходимо участвовать в общем строительстве новой жизни. Чаще всего такие разъяснения приводили к положительным результатам. Сами женщины охотно посещали делегатские собрания, всегда внимательно слушали все, о чем там говорилось.

Почти все делегатки учились в школах ликбеза, они помогали учителям разъяснять необходимость учебы среди отсталых слоев крестьянского населения.

Мало-помалу наш женский актив начал вырастать в настоящую общественную силу. Делегатки приучались выступать на собраниях, преодолевали былую робость и скованность, становились увереннее, смелее указывали на недостатки в советской работе.

Наступила весна. На полях начался сев, в огородах — посадка овощей. Впереди была горячая крестьянская страда — сенокос, жатва хлебов. Обсуждая на делегатском собрании, как нам лучше подготовиться к летним и осенним уборочным работам, мы пришли к выводу, что нужно организовать в селе детские ясли и дошкольную площадку. Но как взяться за это дело? Ни у кого из нас не было ни опыта, ни достаточных знаний. Как раз в это время в Оханске открывались двухнедельные дошкольные курсы. Я решила съездить туда поучиться, чтобы, вернувшись, увереннее взяться за создание яслей и площадок. Уезжая в Оханск, я не предполагала, что работать в деревне мне больше не придется и начатые дела будут продолжать другие.

Когда я прибыла в Оханск, мне предложили поехать на дошкольные курсы, организуемые губернским отделом народного образования. Я согласилась и отправилась на пароходе в Пермь. Явившись в дошкольный подотдел Пермского губоно, я неожиданно в заведующей этим подотделом узнала бывшую учительницу Анну Родионовну Фадееву, которая в 1918 году в Чердыни

давала мне рекомендацию в партию. Мы обрадовались встрече, и Анна Родионовна тут же решила направить меня в Москву на дошкольные курсы Наркомпроса, для которых она подыскивала подходящих кандидатов. Требовалось срочно выезжать, и 15 июня я была уже в Москве.

Впервые в Москве

Еще в школьные годы я много читала о Москве. Нам, гимназисткам, часто рассказывала об этом городе наша учительница Ольга Николаевна Калугина, закончившая Московский университет. Я со своими подружками тоже страстно желала попасть в этот университет. Позднее уже вместе с мужем мы строили планы поехать учиться в Москву, мечтали увидеть там Ленина. Потом эта мечта отодвинулась куда-то в туманную даль и вдруг так неожиданно-негаданно осуществилась!

С огромным любопытством разглядывала я древний город. Конечно, та Москва совсем была не похожа на нашу современную красавицу столицу, но и тогда она была хороша. Не веря самой себе, с широко открытыми глазами ходила я по

узким улицам, кривым переулкам старого города, любовалась памятниками старины: Красной площадью, величавыми башнями Кремля, храмом Василия Блаженного, стенами Чудова монастыря. Подолгу рассматривала памятник первому печатнику на Руси Ивану Федорову, памятники Пушкину, Гоголю...

Захватили меня и наши занятия на курсах. Курсы помещались недалеко от Мясницкой улицы (ныне улица Кирова), в Малом Харитоньевском переулке (сейчас улица Грибоедова) в доме № 4, который именовался тогда «Домом съездов Наркомпроса». На курсы съехались около пятидесяти девушек из разных губерний. Жили мы в общежитии, недалеко от Чистых прудов.

Мне все тогда было ново и интересно. Я впервые знакомясь с вопросами дошкольного воспитания детей. Лекции читали профессора и старые опытные педагоги. Много внимания уделяла курсам заведующая дошкольным отделом Наркомпроса Дора Абрамовна Лазуркина. Это была еще молодая, лет тридцати с небольшим, женщина, красивая и приветливая. Член партии с 1902 года, профессиональный революционер, она до революции работала в Петербурге, Одессе, Екатеринославе, Харькове, не раз отбывала тюремное заключение. В 1904 году по поручению Южного бюро ЦК ездила в Женеву к В. И. Ленину, несколько дней жила в его семье. После Февральской революции 1917 года избиралась членом Петроградского комитета большевиков, активно участвовала в Октябрьской революции. В Наркомпросе работала с дней его основания. Дора Абрамовна часто бывала у нас на курсах, беседовала с нами, знакомила с задачами и планами в области дошкольного воспитания.

Занятия шли целый день, с утра до вечера. В субботу они кончались раньше: мы ходили на субботники

на Николаевский (ныне Ленинградский) вокзал, где вместе с рабочими разгружали дрова из вагонов. На субботники шли охотно, работали дружно. Там мы получали по полфунта черного или овсяного хлеба, который служил подспорьем в нашем скудном пайке.

Воскресенье посвящали знакомству со столицей и посещению музеев. В то время не существовало ни метро, ни автобусов, ни троллейбусов, трамвайных линий тоже было немного. Переполненные и облепленные со всех сторон людьми вагоны показывались редко. Мы ходили всегда пешком. Каждое воскресенье приходилось отмеривать не один десяток километров, но что это значило для молодых, здоровых ног! Правда, трудно было с обувью, но и тут мы нашли выход: шили тряпичные туфли с картонной подошвой, которую сплошь обшивали шпагатом. Такие туфли надевались на босу ногу, они были удобны, легки и дешевы, хотя и расползались от первого дождя.

Мы побывали в Третьяковской галерее и других московских музеях. Незабываемо первое впечатление от Третьяковки. Как очарованная, рассматривала я картины, знакомые с детства по репродукциям. Вот изумительное творение великого Репина «Иван Грозный и сын его Иван». Исступленный ужас перед невозвратимостью совершенного на лице Грозного, мучительное страдание в глазах умирающего сына и кровь, красная липкая кровь, которую потрясенный отец тщетно старается остановить рукою... Трудно оторвать глаза от этой картины!

Вот Левитан. Его картина «Над вечным покоем». Необычайное чувство печали, вечности и тишины охватывает при виде забытых могил и маленькой деревенской церкви на высоком обрывистом берегу Волги.

Я рассматривала сначала те картины, которые знала

и любила с детства. Любовалась подолгу «Аленушкой» и «Богатырями» Васнецова, «Княжной Таракановой» Флавицкого, картиной Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея». Потом я приходила сюда еще не раз, и одна, и с подругами: без конца бродила по выставочным залам, стараясь хоть бегло ознакомиться с бесценным богатством — сокровищами русской живописи, которые здесь собраны.

Мне посчастливилось летом 1920 года услышать Шаляпина. Я не раз встречала великого певца на улице, во время его прогулок у Чистых прудов, возможно, он жил тогда где-то неподалеку. Высокий, статный красавец в мягкой фетровой шляпе и легком дорогом пальто, он прогуливался всегда один, медленно шагал по бульвару и, углубившись в свои мысли, глядел куда-то вдаль, не обращая ни малейшего внимания на любопытные взгляды прохожих. Рассказывали, что Шаляпин в то лето часто пел в концертах, но требовал за это оплату высококачественными продуктами.

Каким-то образом для наших курсов удалось достать один билет на воскресный утренник в Зеркальном театре (ныне театр «Эрмитаж») на оперу «Борис Годунов» с участием Шаляпина. Устроили лотерею для розыгрыша билета между всеми учащимися курсов. Билет выиграла я.

И вот я слушаю Шаляпина в его коронной роли — роли царя Бориса. Я сижу не шевелясь и не спускаю глаз с великого артиста. До сих пор не стерлось в памяти потрясающее впечатление от его трагической игры, от непередаваемо чудесного, неповторимого голоса. Во время исполнения арии «Шестой уж год я царствую спокойно», когда он произносит слова «...дитя окровавленное встает», я чувствую, как холодные мурашки бегут по спине...

Знакомство с Москвой, ее культурой и памятниками старины обогащало духовную жизнь, расширяло кругозор, будило мысль. Как губка, впитывала я все, что впервые видела и слышала в столице. В Доме съездов Наркомпроса мы, курсанты, старались посещать все наиболее интересные совещания и съезды. Я слышала там выступление народного комиссара просвещения Анатолия Васильевича Луначарского. Его речь была блестящей, он умел захватить аудиторию горячим чувством революционной страсти.

На одном из съездов, происходивших в этом Доме, слушала я также выступление академика В. М. Бехтерева, приехавшего с группой профессоров из Петрограда.

Но самым ярким и дорогим воспоминанием в моем первом пребывании в Москве летом 1920 года остается воспоминание о Ленине.

Ленин! Это имя известно повсюду, близко и дорого рабочим, трудящимся, передовым людям всего мира. С этим именем связана вся жизнь моего поколения.

Кто из нас, молодых коммунистов, в первые годы Советской власти не мечтал увидеть Ленина хотя бы издали! Сейчас осталось уже немного людей, которые его близко знали. Вот почему с особой остротой воспринимаются воспоминания его современников — не только родных и друзей, товарищей по работе, но и рядовых коммунистов и беспартийных, рабочих, крестьян, интеллигентов, всех, кому довелось повстречаться с этим великим человеком. На мою долю, долю простой коммунистки, впервые приехавшей в столицу из глухой деревни, тоже выпало великое счастье один раз близко видеть и слышать Ленина. Вот как это произошло.

В Доме съездов Наркомпроса 30 августа открылся

II Всероссийский съезд работников просвещения и социалистической культуры. Со всех концов страны на съезд собралось более пятисот делегатов, главным образом учителей. Среди них я встретила свою старую школьную подругу Фрасю Карнаухову, делегированную чердынскими учителями.

На съезде выступали с докладами Н. К. Крупская, М. Н. Покровский, Л. Р. Менжинская и другие руководители народного просвещения. От знакомых делегатов-уральцев я узнала, что с докладом о международном положении на съезде будет выступать Ленин. Однако время его выступления было неизвестно. Перегруженный работой, Владимир Ильич обещал приехать, как только у него выкроится для этого свободный час.

Чтобы не пропустить доклада Ленина, я стала посещать все заседания съезда, отложив в эти дни занятия на курсах. Вход на съезд был свободный, тогда не спрашивали ни делегатских билетов, ни пропусков. Усаживалась я всегда в первом ряду, возле самой трибуны, слушала все выступления и терпеливо ждала.

Ленин приехал вечером, когда его уже не ждали. С ним были Надежда Константиновна Крупская и Мария Ильинична Ульянова. Они незаметно вошли на сцену слева и стали снимать верхнюю одежду, складывая ее на стулья, стоявшие в глубине сцены.

Я увидела их сразу, потому что сидела очень близко. В президиуме началось движение, все повернули головы в сторону приехавших, по залу пронесся шепот: «Ленин приехал!» Эта весть быстро передавалась по рядам. Большинство делегатов еще не видели Ленина, так как он находился в глубине сцены, сбоку, но сидевшие в первых рядах дружно захлопали, их поддержали, и в зале вдруг раздались такие оглушительные аплодисменты, какие я слышала впервые в жизни.

В это время Владимир Ильич уже снял кепку, пальто и здоровался за руку с членами президиума. Тотчас же было прекращено обсуждение одного из очередных выступлений. Председатель, встав, объявил: «Слово для доклада по текущему моменту предоставляется Владимиру Ильичу Ленину».

Быстрым шагом Ленин подошел к трибуне. Но овация продолжалась. Все встали, по залу неслись громкие возгласы: «Да здравствует Ленин!», «Да здравствует вождь революции!»

Несколько раз Владимир Ильич поднимал руку, пытаясь прекратить аплодисменты, но они начинались с новой силой. Он недовольно хмурился, вынимал из кармана жилета часы, указывая на позднее время, но овация не умолкала. Тогда Ленин заговорил под шум аплодисментов, и сразу же все стихло.

Затаив дыхание, слушала я Ленина, жадно впитывая каждое его слово. Он говорил просто, свободно, ни в руках его, ни на трибуне не было бумаг, конспектов. Во время доклада он быстро, энергично взмахивал рукою, иногда делал по сцене несколько медленных коротких шагов, его умные, пронизательные глаза чуть-чуть прищуренно смотрели в зал.

Речь Ленина продолжалась около часа. В собрании его сочинений она не публиковалась. Не помню, записывал ли кто-нибудь в президиуме съезда это выступление. Я по молодости лет и неопытности тоже не записала доклада и передаю его здесь по памяти.

В своем выступлении Владимир Ильич обрисовал международное и внутреннее положение Советской республики. Шла гражданская война, голодная, разоренная страна, напрягая силы, отбивалась от белых армий. На юге угрожал Врангель, на западе — белополяки. Сам факт существования Советской страны, говорил

Ленин, уже имеет революционное влияние на рабочих капиталистических стран. Рабочие Англии сплоченной борьбой и организованностью оказывают давление на буржуазию, препятствуя войне против Советской России. Владимир Ильич особенно подчеркнул значение международной солидарности рабочего класса. Мировое рабочее движение дает нам неоценимую помощь. Каждый раз, когда международная контрреволюция пытается задуть и уничтожить Страну Советов, ее руку схватывают ее собственные рабочие. «Кажинный раз на эфтом самом месте», как выразился тогда Ленин, империалисты стран Антанты терпят крах.

Весь доклад был проникнут твердой уверенностью в неизбежном провале всех коварных планов международной реакции, ибо Советская власть в России опирается на поддержку международного рабочего класса. Ленин подчеркивал силу народных масс, он говорил, что мы сумеем преодолеть истощение и нужду, голод и холод, мы победим.

В зале стояла тишина, лишь изредка прерываемая аплодисментами.

Когда доклад был закончен, снова началась овация. Весь зал стоял, со всех сторон неслись громкие приветственные возгласы. Потом все дружно, с воодушевлением запели «Интернационал».

Вместе с несколькими девушками я бегом бросилась на улицу, чтобы еще раз взглянуть на Ленина. Счастливые, возбужденные, мы стояли и смотрели, как Владимир Ильич и его спутницы выходили из здания и садились в автомобиль.

Изредка я беру в руки маленький дневник, который вела в то далекое лето. Читаю запись, сделанную 2 сентября 1920 года:

«Вчера я слышала и видела величайшего вождя про-

летарской революции — Ленина. Он выступал с речью по текущему моменту на Всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры. Я не могу описать того сложного чувства энтузиазма и подъема всех сил, физических и духовных, что переживала я вчера, слушая Ленина. Ленин — гений, гигант, великий ум, философ-революционер, наша гордость, наша слава! Какой огонь горел в его проницательных глазах, какая сила, энергия была в его голосе, какой уверенностью звучала речь, как лукаво-мудра была его усмешка!»

В этих восторженных словах отразилось настроение, которое охватило меня в тот незабываемый вечер.

Больше мне не пришлось видеть Владимира Ильича при жизни. Когда спустя два года я снова приехала в Москву, Ленин был уже серьезно болен.

В середине сентября 1920 года наши занятия на курсах закончились. Переполненная яркими впечатлениями, новыми знаниями, счастливая тем, что мне удалось побывать в Москве и так близко видеть и слышать Ленина, я вернулась на родной Урал.

Губернский отдел народного образования назначил меня как закончившую центральные дошкольные курсы Наркомпроса на педагогическую работу в Пермь, в рабочий район Заимку, неподалеку от завода «Уралсепаратор».

В Академии имени Н. К. Крупской

В 1922 году Пермский губком РКП(б) направил меня учиться в Москву в Академию социального воспитания (Соцвосоакадемию), переименованную через два года в Академию коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской (АКВ).

Страна еще не оправилась от разрухи, транспорт работал плохо. Мы вдвоем с девушкой, командированной вместе со мной, ехали с пересадкой в товаро-пассажирском поезде, именуемом тогда «Максим». Поезд подолгу стоял на всех станциях и полустанках, у каждого телеграфного столба, как шутили в те времена. От Перми до Москвы мы добирались с пересадкой в Вятке более недели и едва не опоздали к приему.

В Москве нас встретили

приветливо. Приемных испытаний не было: после контрольно-врачебного осмотра, беседы с членами приемной комиссии и проверки документов нас приняли на первый курс. Тех, у кого не было достаточной образовательной подготовки, зачисляли на рабфак.

Академия занимала большое красивое здание на Девичьем поле, в Большом Трубецком переулке. Созданная как педагогическое и вместе с тем коммунистическое научно-исследовательское учебное заведение (педкомвуз), она была организована за три года до моего поступления туда.

Академия готовила руководящие кадры в области народного образования: организаторов, методистов, политпросветработников, преподавателей рабфаков и средних учебных заведений. Здесь много экспериментировали, искали новые пути воспитания и обучения, учебные планы нередко пересматривались, в них вносились коррективы. Студенческая масса принимала самое непосредственное участие во всех экспериментах и их обсуждениях. Казалось, что в стенах академии постоянно все кипело, бурлило, молодая энергия переливалась через край.

Ректором академии при мне был Николай Васильевич Шевелев. В прошлом народный учитель, участник гражданской войны, он в начале двадцатых годов работал ректором Сибирского коммунистического университета в Омске, откуда был приглашен Н. К. Крупской в Москву в Академию социального воспитания. Энергичный, деловой руководитель, он твердо держал в своих руках бразды правления нашим молодым, растущим вузом, умел ладить со студентами и проводить нужную линию в работе.

Большим уважением и авторитетом в студенческих и преподавательских кругах пользовалась Людмила Ру-

дольфовна Менжинская, заведующая учебной частью, — проректор академии. Боец старой ленинской гвардии, она была близка к В. И. Ленину и Н. К. Крупской. В юности она, как и Надежда Константиновна, начала свою деятельность в рабочих школах Петербурга. Во время революции 1905—1907 годов Л. Р. Менжинская, член Боевой технической группы при ЦК РСДРП, собирала деньги на оружие, занималась его хранением и доставкой взрывчатых веществ. В квартире сестер Менжинских в дни первой русской революции неоднократно бывал В. И. Ленин. После победы Октябрьской революции, когда Ленин направил группу правительственных комиссаров для работы в Наркомпрос, в этой группе была и Людмила Рудольфовна. Л. Р. Менжинская часто бывала в Центральном Комитете партии, в Наркомпросе и умела привлечь внимание к нуждам нашей академии. Ее красивое умное лицо, обрамленное пышными седыми волосами, всегда светило добротой и приветливостью. Но тяжелая болезнь уже подтачивала ее организм и нередко выводила из строя.

Шефом нашей академии и большим ее другом была Надежда Константиновна Крупская. Она всегда близко стояла к делам академии, интересовалась всей ее жизнью — направлением и постановкой учебного дела, работой партийной организации, подбором преподавателей, настроением студентов. Она бывала на факультетских совещаниях, ученых советах, на партийных собраниях, беседовала с преподавателями, вызывала к себе для беседы отдельные группы студентов. Одно время она вела курс основ политпросветработы у наших студентов-политпросветчиков.

Мне вместе с другими сокурсниками не раз приходилось слушать выступления Н. К. Крупской на некоторых совещаниях в Наркомпросе, на всероссийских

съездах и конференциях по дошкольному воспитанию. Необычайно обаятельная и скромная, Надежда Константиновна говорила всегда спокойно, тихим голосом и производила большое впечатление силой своей идейной убежденности. Для нас, воспитанных в академии ее имени, образ Надежды Константиновны навсегда остался одним из самых светлых воспоминаний.

В нашем вузе училась молодежь разных национальностей. Встречались среди нас и люди в возрасте лет за тридцать с немалым уже педагогическим стажем, но таких насчитывалось немного. Подавляющее большинство учащихся были коммунисты и комсомольцы. Одевались скромно, некоторые донашивали солдатские шинели и кожаные куртки времен гражданской войны, многие девушки носили красные косынки и по внешнему виду мало отличались от работниц. Всех объединяла какая-то неумная жадность к учению. Учебные аудитории никогда не пустовали. На лекциях мы усердно скрипели перьями и карандашами, старались не упустить наиболее важное, о чем говорил лектор.

Большой популярностью пользовался известный педагог Павел Петрович Блонский. На его занятия к нам приходили студенты даже с других курсов: Блонский читал лекции по педагогике и психологии на школьном факультете, у нас на первом курсе вел историю философии. Говорил он тихим, глуховатым голосом, часто покашливал. Медленно расхаживая по аудитории, он иногда пристально вглядывался в лица студентов. Шли разговоры о том, что Блонский очень тонкий психолог и по выражению лица может определить способности и характер человека.

На первом курсе не было деления на факультеты. Кроме истории философии, нам преподавали курс лекций по истории России (М. Н. Коваленский), проводили

групповые семинарские занятия по политэкономии. Много времени уделялось знакомству с промышленностью. Нас учили работать на простейших станках — слесарном, токарном, фрезерном, давали представление о машиностроительной, химической, пищевой промышленности, о строительном деле. Во время экскурсий на крупные московские заводы и фабрики мы, хотя и в самых общих чертах, познакомились с организацией производства. Все это раздвигало рамки нашего кругозора, делало близкими и понятными профессии рабочих, к воспитанию и обучению детей которых мы готовились.

Академия стремилась дать студентам всестороннее развитие. У нас был прекрасный физкультурный зал, где учили упражняться на различных турниках, брусьях, кольцах, лестницах и других приспособлениях. Большинство из нас, не имея соответствующей подготовки, выполняли эти упражнения плохо, но тем не менее ходили на физкультуру охотно: не было конца веселым шуткам и смеху.

Занятия музыкой вела Надежда Яковлевна Брюсова, сестра известного поэта. Она учила нас слушать и понимать серьезную музыку. Наиграет на рояле какой-нибудь отрывок из музыки Чайковского, Глинки, Мусоргского, мы внимательно слушаем, а потом обсуждаем, что мы услышали в этом отрывке. По воскресеньям нередко ходили бесплатно на дневные концерты в Большой зал Московской консерватории. Почему-то мне особенно запомнилась музыка Скрябина.

На втором курсе началась специализация по факультетам. Я выбрала дошкольный факультет. Заведовала этим факультетом Рахиль Исааковна Прушицкая, опытный педагог, которую мы очень уважали. Она вела с нами все основные занятия по дошкольному воспитанию и организации дошкольного дела.

При нашей академии был детский сад, где мы часто дежурили, проходили учебную практику, работали вместе с штатными воспитательницами. Посещая лучшие детские сады, площадки, детские колонии Москвы, а также Ленинграда, мы знакомились с педагогическим процессом, обсуждали подмеченные нами достоинства и недостатки. Бывали мы и на районных и городских собраниях дошкольных работников столицы.

Наряду с педагогическими дисциплинами самое серьезное внимание уделялось изучению марксистско-ленинской теории. Я бы даже сказала, что марксизм-ленинизм стоял в нашем вузе на первом плане, ибо главной задачей академии было дать будущим педагогам крепкую идейную закалку, чтобы они могли стать воспитателями стойких, убежденных строителей коммунизма.

Преподавателями общественно-политических дисциплин были главным образом слушатели старших курсов из Института красной профессуры: Богданов, Константинов, Кин, Камышан и другие, способная молодежь, умевшая живо и увлекательно вести занятия. Но, кроме этого, помню, например, что семинар по истории партии вела у нас одно время известная старая большевичка В. М. Познер.

В январе 1924 года советскую страну постигло великое горе. Умер Ленин, родной наш, любимый Ильич. Тяжелым личным несчастьем для каждого из нас стала эта утрата. Помню день, когда мы, студенты, узнали о его смерти. На улице, недалеко от нашего общежития, небольшими группами стояли рабочие с находившегося поблизости завода «Каучук». Их лица были скорбны, у многих по лицу текли слезы. Никто не стыдился этих слез.

Когда гроб с телом Ленина привезли из Горок в Москву и установили в Колонном зале Дома Союзов,

вся Москва ходила прощаться с родным Ильичем. Со всех концов страны съехались многочисленные делегации трудящихся. К Дому Союзов круглые сутки тянулись очереди, растянувшиеся на многие кварталы. Стояли трескучие январские морозы. Чтобы немного обогреться, люди разжигали на середине улиц костры. Мы, студенты, не один раз ходили в Колонный зал по ночам, чтобы еще раз взглянуть на Ильича и попрощаться с ним.

Невольно всплывают в памяти слова из известного стихотворения Веры Инбер:

И пять ночей в Москве не спали
Из-за того, что он уснул.
И был торжественно-печален
Луны почетный караул.

Непрерывным потоком двигались людские толпы по улицам, поднимались по широкой мраморной лестнице и вливались в большой зал с белыми колоннами, где среди множества цветов и приспущенных алых знамен, окаймленных траурными лентами, виднелся на высоком постаменте знакомый облик вождя.

Каждый раз, входя в зал, я видела у гроба застывшую фигуру Надежды Константиновны Крупской. Она не сводила скорбного взгляда с лица Ильича.

В день похорон был сильнейший мороз. Со всех сторон на Красную площадь шли и шли колонны людей. Когда гроб опускали в могилу — временно построенный деревянный Мавзолей, по всей стране на пять минут остановилось движение. Стояли поезда, трамваи, автомобили, замерли станки на заводах. Непрерывные гудки по всей стране извещали о том, что в эти минуты народ прощается со своим вождем.

С тех пор, бывая в Москве, я каждый раз прихожу на Красную площадь к Мавзолею Ленина, чтобы молча

постоять у могилы того, кто открыл путь для счастья нашей Родины, для светлого будущего всего человечества.

Смерть В. И. Ленина обострила у нас интерес к изучению истории партии, к изучению ленинизма. Все наши студенты стали подписчиками на первое издание его сочинений. Эти книжечки в бежевых картонных переплетах были бесценным наследием, которое оставил нам великий Ленин, и мы брались за них с особенной любовью.

Философия, история партии, история Запада, ленинизм и другие общественно-политические дисциплины изучались семинарским методом. Мы готовились к семинарам тщательно, выступления были серьезными, продуманными. Иногда на занятиях возникали горячие споры, как понимать то или иное теоретическое положение. Считалось недопустимым прийти на семинар неподготовленным или выступать легковесно. Особенно любила я, как и некоторые другие, семинары по истории партии и ленинизму. Недаром же по окончании академии отдельные наши товарищи преподавали эти дисциплины в вузах, а некоторые стали потом профессорами, докторами наук.

В те годы у нас в академии не было ни зачетов, ни экзаменов. Тем не менее учились мы очень добросовестно. О полученных знаниях и умении ориентироваться в изучаемом материале судили по семинарским занятиям. В конце первого полугодия и в конце учебного года преподаватели давали письменную характеристику и оценку знаний каждого студента, основываясь на семинарских выступлениях.

Летом мы ездили на практику. В первый год, при переходе на второй курс, моя летняя практика прошла неудачно. Я проходила ее в Перми, куда ездила

на каникулы. Меня направили сначала воспитателем в колонию трудновоспитуемых детей, размещавшуюся на территории бывшего женского монастыря. Обстановка там была тяжелой: ребята грубили, ругались, не признавали никакой дисциплины, убегали, когда хотели, в город, на вокзал, на рынок, воровали. Педагогический персонал постоянно менялся и в глазах ребят не имел никакого авторитета. Не выдержав всего этого, я попросила отдел народного образования перевести меня в нормальный детский дом. Здесь работалось значительно легче, жизнь и труд детей были налажены и текли по проложенному руслу. Помню восторженное преклонение ребят перед заведующим детдомом Поповым. Мальчишки ходили за ним по пятам, ловили каждое его слово и с большой охотой выполняли все его поручения и распоряжения. К сожалению, я недолго там работала и мало почерпнула для себя из опыта этого детского дома.

На следующий год, летом 1924 года, мы, студентки-дошкольницы, ездили на летнюю практику в деревню. Эта практика осталась особенно для меня памятной. Перед нами стояла трудная, но интересная задача: самостоятельно организовать для крестьянских детей площадку на время летних полевых работ. В те годы в еще отсталой, неграмотной деревне женщины-крестьянки очень настороженно, а порой и отрицательно относились к организации детских яслей и площадок. Кроме того, нам предстояло самим изыскивать средства, привлекая помощь общественности и родителей.

Я получила направление на родину Владимира Ильича Ленина в Ульяновск. Не могу не рассказать здесь о том, что в Ульяновске я, конечно же, постаралась познакомиться с местами, где родился и жил Ленин, побывать в гимназии, где он учился. Город тогда еще

выглядел таким, каким он был при жизни в нем Владимира Ильича. Помню тихую, с немощеной пыльной дорогой Московскую улицу, обсаженную с обеих сторон тенистыми деревьями, и невысокий деревянный дом, в котором прежде жили Ульяновы. С каким волнением переступила я порог этого дома, ходила по его небольшим уютным комнатам, по узенькой деревянной лесенке поднялась в мезонин, в комнаты братьев Саши и Володи. Я пришла в музей утром, когда там еще не было посетителей. Медленно обошла я дом, в котором когда-то кипела жизнь многочисленной семьи, вглядывалась в обстановку, в фотографии и книги, старалась представить себе, как жил здесь мальчик, потом юноша, который стал гениальным вождем пролетарской революции и трудящихся всего мира. Побывала я и на могиле Ильи Николаевича Ульянова. Посидела и на высоком берегу Волги, на знаменитом Венце, любовалась чудесной панорамой великой русской реки и завожских далей — недаром здесь так любил бывать Володя Ульянов.

Когда спустя почти сорок лет мне снова довелось приехать в Ульяновск, я не узнала города. Он вырос, повсюду высились новые современные здания, улицы были асфальтированы, утопали в зелени и цветах, на главной площади возвышался памятник В. И. Ленину, а в доме-музее было трудно что-нибудь разглядеть из-за голов многочисленных экскурсантов. К празднованию столетия со дня рождения Владимира Ильича город стал еще краше и многолюднее. Сюда на родину великого Ленина приезжают теперь со всех концов земного шара.

В то мое студенческое лето Ульяновский отдел народного образования направил меня на работу в село Тагай. Здесь в пустующем летом помещении школы я

организовала площадку для детей дошкольного возраста. Мне помогали сельсовет, комитет крестьянской взаимопомощи, женщины-делегатки. Сначала матери-крестьянки отнеслись ко мне с некоторым опасением, но недоверие скоро рассеялось, и все прошло благополучно. Конечно, площадка была очень скромной: без какого-либо специального оборудования, белье, посуду, постели принесли родители. Кормили ребят три раза в день, молока, яиц, хлеба и овощей вполне хватало. Работать приходилось с рассвета до позднего вечера: матери приводили детей перед уходом в поле и заходили за ними, возвращаясь домой. Мы старались привить детям гигиенические навыки: мыли их, стригли, учили умываться с мылом, мыть руки перед едой, держать в чистоте босые ноги. Погода стояла на редкость хорошая, и целый день ребята проводили на открытом воздухе. Я читала им вслух, рассказывала сказки, учила играть и петь незатейливые песенки. Днем дети спали час или два на кошмах и чистых половичках, раскинутых в тени на полянке.

Летняя практика в деревне проходила в две смены: месяца через полтора-два на смену мне приехала другая студентка-дошкольница Ф. Ицкова.

Высоко оценила нашу работу в деревне Надежда Константиновна Крупская. В октябре 1924 года накануне открытия III Всероссийского съезда по дошкольному воспитанию она писала: «Опыт пионерок-дошкольниц АКВ убедил... что и примитивы имеют громадное значение и что на гроши можно сделать колоссальную работу, если уметь подойти к делу, подойти к крестьянке, к мужику...»¹

В последний год моего учения, при переходе на

---

¹ Н. К. Крупская. Педагогические сочинения, т. 6, М., Изд. Академия педагогических наук РСФСР, стр. 31.

четвертый курс, я проходила летнюю практику в Москве на Ходыньском поле (ныне Октябрьское поле) в летних военных лагерях. Вместе со мной здесь работали две мои однокурсницы со школьного факультета Фролова и Ступина. Они преподавали красноармейцам русский язык, арифметику, географию, историю, а я проводила беседы о текущем политическом моменте. Питались мы из солдатского котла, жили в парусиновой палатке. Погода стояла холодная, часто лили проливные дожди, мы хрипели и кашляли, практика проходила в нелегких условиях.

Теперь, через десятки лет, я вижу, какое огромное воспитательное значение имела для нас летняя студенческая практика. Мы приобретали опыт самостоятельной работы, привыкали нести за нее ответственность, в трудных порой условиях добивались поставленных целей. Это укрепляло веру в свои силы, развивало волю и твердость характера — качества, необходимые для будущей деятельности.

Не менее важным для нашего будущего было выполнение общественных обязанностей. Их имел каждый студент. На первом курсе, например, мы принимали большое участие в борьбе с детской беспризорностью.

Мне уже и раньше приходилось иметь дело с беспризорными детьми. В 1921 году в Перми я работала в дошкольном детском доме, куда привозили детей из голодающего Поволжья. Это были крайне истощенные, бледные и малоподвижные от слабости ребята, с не-детски серьезными, страдальческими лицами. Большинство из них не знали, где их родители, живы ли они. Мы много времени тратили на санитарную обработку детей: они были во вшах, в коростах, в чесотке. Их наголо стригли, отмывали, смазывали ежедневно мазью, и через месяц-другой чистой, спокойной и

сытой жизни они преображались. В глазах появлялся живой блеск, на лицах — нежный румянец, они улыбались, начинали проявлять интерес к игрушкам, друг к другу, ко всему окружающему.

В Москве пришлось иметь дело уже с другой категорией беспризорных. Это были ребята постарше, живые, смышленные, самостоятельные, занимавшиеся главным образом кражами. Жульничество, обман и хитрость помогали им обеспечивать полуголодное существование. Помню, каждую неделю не один раз отправлялась я на Смоленский рынок. Заметив там ребят-беспризорников, вступала с ними в беседу, старалась выяснить, почему они проводят время на рынке, где живут, есть ли родные, а потом агитировала их идти в находившийся поблизости детприемник. Далеко не всегда эти беседы давали положительные результаты, иногда с одними и теми же мальчишками приходилось встречаться и говорить много раз. Они меня уже знали и, заметив издали, поспешно удирали. Более охотно соглашались идти в детприемник ребята младшего возраста.

Однажды, когда я привела беспризорного мальчишку в детприемник, ребята со всех сторон окружили меня и неожиданно сорвали с моей головы шапку-ушанку. Несмотря на все просьбы и уговоры, ее не возвращали. Стояла зима, уходить на мороз с непокрытой головой значило простудиться и заболеть. Наконец, когда кто-то из работников детприемника догадался сказать ребятам, что я работаю во ВЦИК и кража шапки грозит им всем крупными неприятностями, шапку вернули.

Борьба с детской беспризорностью требовала упорства. На следующий год ее продолжали новые первокурсники нашей академии. Много было потрачено времени и сил, пока удалось покончить с этим тяжелым наследием отгремевшей войны.

Интересное партийное поручение я получила на втором курсе — быть пропагандистом на фабрике «Красная Роза». Каждую субботу по вечерам я проводила политбеседы с работницами в красном уголке женского общежития, носившего еще дореволюционное название «спальни». Красный уголок находился в углу при входе в огромную, во все старинное каменное здание, комнату. Она была тесно заставлена кроватями, между которыми стояли лишь маленькие столики. Высокие от взбитых перин постели застилались стегаными одеялами с горой разноцветных подушек. Некоторые кровати были прикрыты ситцевыми занавесками. Под кроватями виднелись сундучки и корзины с бельем и одеждой. Здесь жили работницы-одиночки. Одни из них встречали мой приход доброжелательно, другие — равнодушно. В красном уголке собиралось обычно человек тридцать. Слушали внимательно, но вопросы задавали редко. Когда я старалась втянуть их в активную беседу, они обычно начинали говорить не по заданному вопросу, а о своих нуждах и нехватках. Теперь, конечно, другие времена: от старинных «спален» не осталось и следа, да и народ на московских фабриках другой — грамотный, культурный, политический развитый. Я же всегда с удовольствием вспоминаю свои хождения на фабрику «Красная Роза». Здесь я получила первый опыт пропагандистской работы, которая потом на протяжении долгих лет была моей основной партийной обязанностью.

Пришлось мне вести пропагандистский кружок и в стенах академии среди своих сокурсниц, не помню уж сейчас, на третьем или на четвертом курсе. Это был кружок по вопросам международных отношений. Занятия в кружке проходили живо, все много читали, следили по газетам за международной жизнью. Мне, конечно, было

нелегко: многие вечера проводила я в нашем студенческом читальном зале за просмотром необходимой литературы, делала выписки, готовила конспекты занятий. Но зато, какая это была хорошая школа и как много она прибавила мне опыта и уверенности в своих силах.

Помню также, что в конце 1925 года, когда отмечалось двадцатилетие первой русской революции, я проводила с ребятами-школьниками экскурсии на Красной Пресне по местам боев в дни Декабрьского вооруженного восстания 1905 года. Для этого мне пришлось изучить соответствующую литературу и предварительно одной обойти несколько раз исторические места на Красной Пресне. Я и не подозревала тогда, что эта работа окажется самой близкой к моей будущей профессии: жизнь сложилась так, что я стала в будущем не дошкольным работником, а историком и специализировалась в области истории партии.

Была я в годы студенчества и председателем курсового бюро на нашем факультете, участвовала в организации учебной и общественной работы своего курса, в обсуждении учебных планов и других вопросов, связанных с учебной жизнью.

Среди нас, студентов-академистов, очень развито было негласное соревнование. Каждый старался проявить себя с наилучшей стороны, выполнить порученное ему дело так, чтобы добиться наибольших результатов, вкладывая в это все свои способности и умение, не жалея ни времени, ни сил.

Наш рабочий день был перегружен до предела. Мы уходили из общежития в восемь часов утра и возвращались в восемь-девять часов вечера. Одна из наших студенток Шура Берестнева после первого года нашей учебы в академии написала стихотворение, где в таких

словах отобразила нашу тогдашнюю студенческую жизнь:

Сверхполные дни чередою проходят,
Сегодня мы празднуем год,
Как светлые стены Соцвосоакадемии
Замкнули нас в тесный свой свод.

И грызли упорно гранит мы науки,
Индустрии четкие слушая звуки,
В желаниях пылких познать глубже мир
Зубами мы Маркса прогрызли до дыр.

Нам многое дали умы-исполины,
Блеснув перед нами алмазным огнем,
Великих философов мудрые истины
Ушли от нас в вечность манящим огнем.

Так быстро пред нами изменчивым рядом
Прошли дисциплины шумливым парадом,
Широко открывши пути все в науке,
Нередко по ним продирались мы в муке...

Отдыхали мы только по воскресеньям и большим праздникам. Я обычно проводила все воскресные и праздничные дни у своих старых друзей, в семье Лепсис. Роберт работал тогда в Москве в органах ВЧК — ГПУ, Шура училась на медицинском факультете Второго Московского государственного университета. Я сэкономила деньги и не ездила к ним на трамвае, а ходила пешком через всю Москву — от Новодевичьего монастыря до площади Дзержинского и улицы Рождественки, где они жили. На обратный путь Шура обязательно всовывала мне в руку бесплатный трамвайный билет. У Лепсисов я любила повозиться с их маленькими ребятами — Вовой и Лялей, проходила домашнюю дошкольную практику, как шутил Роберт.

Любили мы, студенты, в Октябрьский и Первомайский праздники ходить на демонстрации. Весело шагаем на Красную площадь по принаряженным улицам столицы, громко поем песни, любуемся морем красных

знамен и флагов, разглядываем на трибуне Мавзолея членов правительства, машем им рукою и во весь голос выкрикиваем приветствия.

Нередко на площадях Москвы в дни праздничных демонстраций мы слышали выступления Маяковского. Самого поэта из-за моря голов не было видно, но зато хорошо был слышен его сильный, громкий голос. Надо сказать, что я до сих пор не научилась и не люблю сама читать рубленые строки стихов Маяковского, но с удовольствием слушаю их в исполнении хороших артистов.

Незабываемы годы студенчества!

Мы были молоды, веселы, полны здоровья и сил. В общежитии жили дружно: я не помню случая ссоры или какой-либо неприятности среди нас. Мы любили работать, любили и поразвлечься. Правда, в кино и театры ходили редко — не хватало денег. Кружков художественной самодеятельности у нас в академии тогда не было. Но зато мы сами часто пели хором и получалось очень неплохо. Чуть появится свободная минута, как кто-нибудь запоет, тотчас же подхватят другие, и польется раздольная или веселая русская песня. Чаще всего пели революционные и песни гражданской войны. «Не сынки у маменьки в помещичьем доме, выросли мы в пламени, в пороховом дыму...» — несется, бывало, из актового зала, где студенты ждут начала какого-нибудь собрания.

Мы вышли из стен академии, получив не только крепкие идейные убеждения, знания и практическую закалку, но и умение самостоятельно мыслить и трудиться с полной отдачей сил, не теряясь ни при каких условиях. Академия приучила нас живо откликаться на все события современности, уметь работать в коллективе, срабатываться и всегда держать тесную связь с масса-

ми. Но самое важное, что мы получили, это стремление всегда учиться, учиться всю жизнь, приобретать все новые и новые знания. Конечно, многое мы постигли потом в жизни, на практической работе, но академия дала нам главное направление и привила важнейшие качества для будущей трудовой деятельности.

Помню, с каким горячим желанием приложить поскорей свои силы к делу разъезжались мы из стен академии. Мы стремились уехать подальше от столицы, в глубину необъятной страны, чтобы учить и воспитывать будущих строителей коммунизма, претворять в жизнь заветы Ленина. Заведующая дошкольным факультетом Р. И. Прушицкая предложила мне учиться в аспирантуре академии или остаться на работе в Москве. Но я не согласилась. Как и мои подруги, я стремилась уехать «на периферию». Мы не искали предложений, чтобы остаться в столице, не искали легких путей. Нас не пугали трудности предстоящей работы, влекло желание отдать свои силы на достижение тех целей, которые партия ставила перед страной.

...С тех пор прошли долгие годы. Миновала лучшая пора жизни. Многие уже потускнело и выветрилось из памяти. Но никогда не изгладятся воспоминания о студенческих годах, о том добром, чему научились мы в стенах академии, носившей имя ближайшего друга и соратника великого Ленина — Надежды Константиновны Крупской.

В начале тридцатых годов нашу академию перевели в Ленинград. В 1936 году ее реорганизовали в Коммунистический педагогический институт имени Н. К. Крупской, просуществовавший до 1941 года.

В феврале 1971 года в Москве по инициативе бывших студентов-академистов и Центрального Совета Педагогического общества отмечалось пятидесятилетие осно-

вания Академии коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской. В ознаменование этого была проведена Всероссийская научно-практическая педагогическая конференция, на которой выступали с докладами бывшие воспитанники академии — члены Академии педагогических наук, профессора, доктора и кандидаты наук. К глубокому сожалению, возраст и состояние здоровья уже не позволили мне принять участие в работе конференции и встретиться со старыми товарищами.

Во время учебы в академии я приобрела новых хороших друзей. Это была и моя землячка Шура Берестнева из города Осы Пермской области, и Соня Абрамсон с Украины, и Лена Буклей из Белоруссии, и Наташа Полякова, не помню уже теперь, откуда. Мы, пятеро, всегда коллективно готовились к семинарским занятиям. Заберемся, бывало, в пустую аудиторию или в какой-нибудь укромный уголок, вроде сцены в актовом зале, усядемся за занавесом тесным кружком и читаем по очереди вслух, обсуждая прочитанное.

Шура Берестнева была фигурой колоритной и всегда привлекала всеобщее внимание. Румяная толстушка, с темной шапкой буйных природных кудрей и звонким голосом, она ходила всегда в шароварах, сделанных ею из широкой юбки, а «ходить в штанах» в то время было не только не принято, но и считалось не очень приличным. В студенческой массе она всегда выделялась и внешним ухарским видом и острым языком — постоянными шутками и прибаутками. Однако такой она была только на людях. Я жила с ней в общежитии в одной комнате и в домашней обстановке видела ее серьезной, а иногда хмурой и молчаливой. По окончании академии она вскоре тяжело заболела и рано умерла.

Близким другом была для меня Соня Абрамсон.

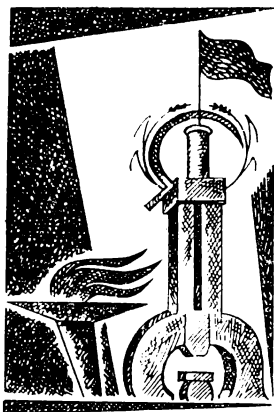
С ней как коммунисткой я всегда обсуждала наши партийные и студенческие дела и часто советовалась по многим вопросам. Она отличалась спокойным, уравновешенным характером, не любила бросать слов на ветер, рассуждала всегда обдуманно, обстоятельно. По окончании академии мы разъехались в разные стороны: я — на Урал, Соня — на Украину. Она всю жизнь работала в области дошкольного воспитания и дошкольной педагогики — методистом, преподавателем, доцентом, заведующей кафедрой. Несколько лет мы переписывались, а потом потеряли друг друга из виду. Я считала, что Соня, жившая неподалеку от западной границы, погибла в годы Великой Отечественной войны. Какова же была моя радость, когда через сорок лет я получила от нее письмо! Она приезжала из Харькова в Москву на юбилей академии и узнала там мой адрес. Теперь мы возобновили нашу теплую дружескую переписку, и каждое ее письмо приносит мне большую радость, как будто я вновь встречаюсь с моей студенческой молодостью, с нашей любимой академией, откуда мы получили такую добрую путевку в жизнь.

Начало новой профессии

В 1929 году началась моя работа в области истории партии — изучение истории уральских партийных организаций.

Проработав после окончания Академии имени Н. К. Крупской один год в центре Удмуртии городе Ижевске в областном отделе народного образования и полтора года в школах и дошкольных учреждениях Перми, я перешла в историко-революционный отдел Пермского краеведческого музея, который назывался тогда Музеем революции. С этого времени я и занялась тем делом, которое стало основной профессией в моей дальнейшей жизни.

Историей партии я начала увлекаться еще в студенчестве. Тогда меня особенно привлекало изучение партийной работы в годы подполья. Ин-

тересовало буквально все: обстановка в стране, когда зарождалась партия, жизнь и деятельность В. И. Ленина и его ближайших соратников, которые вместе с ним и под его руководством строили партию, оттачивали ее боеспособность, укрепляли связи с массами, боролись с оппортунистами. Я старалась подробнее выяснить для себя, в каких условиях шла подготовка к нелегальным партийным съездам и конференциям, как они проходили, как проводились в жизнь принятые ими решения. Но особенно меня привлекали люди — руководящие и рядовые члены партии, хотелось знать, как они вошли в партию, как вели повседневную, кропотливую, опасную работу, не страшась ни сырых тюремных казематов, ни холодной северной ссылки, ни самой смерти.

Я была в Музее революции научным сотрудником. Внимательно изучала экспозицию музейных залов, вчитывалась в документы и тексты, разглядывала фотографии, картины, макеты, скульптуры. Большое любопытство вызывали во мне фонды музея — собранные там материалы, газеты, листовки, брошюры, плакаты, фотографии, «вещественные доказательства», фигурировавшие на политических судебных процессах в царское время.

Мое знакомство на новом поприще с деятелями нашей партии началось, как это ни странно для советского времени, с документов царской охранки.

В Пермском музее революции хранились изъятые из охранного отделения еще в Февральские дни 1917 года книги департамента полиции с фотографиями революционеров. Такие альбомы при царизме имелись во всех охранных отделениях, они рассылались департаментом полиции во все города как для сведения, так и, особенно, для розыска указанных там лиц. На листах были наклеены стандартные фотографии, сделанные в жан-

дармских управлениях: анфас и в профиль, сидя и стоя, с подробным описанием примет: цвета лица, глаз, волос, роста, с оттисками пальцев. Каждая фотография сопровождалась жандармскими характеристиками и биографическими сведениями, нередко искаженными. Тут было все, что удалось узнать охране о политической деятельности революционера.

В этих книгах я нашла фотографии и полицейские сведения на всех выдающихся деятелей нашей партии. Здесь оказались и Владимир Ильич Ульянов (Ленин), и Надежда Константиновна Ульянова (Крупская), и Яков Михайлович Свердлов, и Феликс Эдмундович Дзержинский, и вся славная плеяда старой ленинской гвардии. Увидела я много фотографий и рядовых большевиков-подпольщиков, в том числе уральцев, с некоторыми из них мне пришлось потом близко познакомиться. Конечно, в этих книгах были снимки не только членов большевистской партии, но также и меньшевиков, эсеров, анархистов и представителей других политических партий.

Особенное внимание департамент полиции уделял В. И. Ленину и его ближайшим сподвижникам. Их фотографии с длинными пояснительными текстами встречались очень часто вместе с категорическими предписаниями: в случае обнаружения немедленно задержать, арестовать, препроводить. Царская полиция и жандармерия неплохо разбирались в том, кто из «бунтовщиков» наиболее опасен для самодержавия.

Музей революции, когда я пришла туда, возглавляла Конкордия Григорьевна Ольховская. Ее основная работа была в Пермском окружном комитете партии, а по совместительству она заведовала историко-революционным отделом музея. Деятельная и энергичная, она любила краеведение, увлекалась им. Но, к

сожалению, иногда не соразмеряла свои увлечения с силами, с реальными возможностями и поэтому ей не всегда удавалось воплотить в жизнь интересные замыслы.

В первой половине двадцатых годов К. Г. Ольховская заведовала Пермским истпартком. В те годы по ее инициативе и при ее деятельном участии в Перми началось издание сборников «Борьба за власть». Это одна из самых ранних работ по истории Пермской партийной организации, написанная очень популярно, для массового читателя. В сборниках были очерки и рассказы о возникновении в Перми первых марксистских кружков, о создании организации РСДРП, о революции 1905—1907 годов в Перми и Мотовилихе, о годах реакции. К этой работе Ольховская привлекла многих активных участников революционного движения. Предполагалось продолжить выпуск сборников, но, к сожалению, это осталось не осуществленным.

Вот по этим-то материалам я и начинала изучать историю Пермской партийной организации. Ольховская стала моим первым учителем в исследовательской работе. Она привила мне неугасимую любовь к этому делу, открыла передо мной радость поисков, находок, открытий. Я училась у нее собирать материалы о революционном движении на Урале, бережно относиться к архивам, училась первым приемам исследования: внимательно вчитываться в скупые строчки пожелтевших от времени документов, анализировать, сопоставлять, обобщать. Наблюдая за тем, как живо, с блестящими от возбуждения глазами беседовала она со стариками — участниками революционных событий, частенько заходившими к нам в рабочую комнату музея, — я видела, как надо уважительно говорить со старыми людьми, уметь их внимательно слушать, добиваться от них

наводящими вопросами необходимых сведений о давно ушедших днях, вызывать симпатию и доверие к себе, желание помочь общему делу.

Старые большевики, главным образом мотовилихинские рабочие — участники трех русских революций И. И. Башков, С. С. Завьялов, С. А. Звонарев, И. В. Зенков, В. А. Иванченко, А. Н. Клыков, К. И. Лякишев и другие, были нашими первыми и лучшими помощниками. Они сообщали немало интересных историй из революционного прошлого, помогали разобраться в материалах, хранящихся в фондах.

Почти все они, бывшие подпольщики, активно участвовали в Мотовилихинском вооруженном восстании в декабре 1905 года. В 1930 году, когда отмечалось двадцатипятилетие первой русской революции, я вместе с И. В. Зенковым, К. И. Лякишевым, И. И. Башковым и еще несколькими товарищами обошла всю Мотовилиху, и они на месте рассказали мне, где и как происходили события во время восстания, где были засады боевых дружин — за углами и заборами, за деревьями и на крышах, показали дом, в котором находился штаб боевых дружин, показали, где происходили перестрелки с казаками, улицы, где из бревен рабочие построили баррикады. Нас сопровождал фотограф, все было сфотографировано, а я, по рассказам участников боев, составила схему Мотовилихинского вооруженного восстания, указав на карте поселка места баррикад, направление, по которому двигались в Мотовилиху из Перми для подавления восстания казаки, а также места засад боевиков и вооруженных схваток дружинников с казаками. И поныне еще, вероятно, эта схема и сделанные нами тогда фотоснимки как-то используются в Пермском краеведческом музее.

В музее я впервые познакомилась с биографией од-

ного из ближайших соратников великого Ленина — Якова Михайловича Свердлова и узнала о той огромной организаторской работе, которую он провел по укреплению большевистских организаций на Урале в 1905—1906 годах. Он был известен тогда под партийными кличками «Андрей» и «Михалыч». В Перми Свердлов работал в первой половине 1906 года, приехав сюда из Екатеринбурга. Там он не мог оставаться, так как за ним охотились жандармы и полиция, каждую минуту ему грозил арест, за его голову была обещана награда в пять тысяч рублей. В Перми «Михалыч» нашел партийную организацию в очень тяжелом состоянии: после подавления Мотовилихинского вооруженного восстания шли массовые обыски и аресты, многие участники восстания сидели в тюрьмах, другие успели скрыться. Сплотив оставшихся на свободе товарищей, Свердлов возглавил Пермский комитет РСДРП и в течение нескольких месяцев укрепил партийную организацию, возродил работу подпольной типографии. Снова создана была боевая организация, большевики готовили рабочих к новым схваткам с самодержавием. Вместе со Свердловым большую работу в Перми вела К. Т. Новгородцева, его жена, также приехавшая из Екатеринбурга.

Наши музейские активисты — старые большевики — хорошо помнили Свердлова и немало о нем рассказывали. Благодаря им в Перми взяли на учет старые дома и низенькие хибарки на окраинах, в которых бывал Свердлов в 1906 году, — места явок и конспиративные квартиры. Здесь установили мемориальные доски.

В музее в зале, посвященном революции 1905—1907 годов, соорудили в натуральную величину макет одиночной камеры пермской тюрьмы, в которой сидел Свердлов. Тяжелая массивная дверь с «глазком», ре-

В. Н. Фигнер. 1929 год. Пермь.

шетка в маленьком оконце высоко под потолком были подлинными, взятыми из тюрьмы. Внутри маленькая одиночка представляла собой точную копию настоящей. У стены — узенькая откидная железная койка, в другом углу — маленький столик и табуретка, у входа —

параша. В камере всегда сумрачно, свет с трудом проникает сквозь грязные, запыленные стекла зарешеченного окна. Дверь наглухо закрыта, посетители музея разглядывали камеру через маленькое круглое отверстие — «глазок» в дверях, как это делали обычно тюремные надзиратели, наблюдая за поведением арестованного.

Памятным событием осталось для меня посещение музея замечательной революционеркой-народницей Верой Николаевной Фигнер. Она приезжала в Пермь летом 1929 года вдвоем с какой-то близкой ей женщиной. Внешне Фигнер выглядела тогда маленькой седой старушкой, ей было уже около 80 лет, и она мало походила на ту красивую, изящную женщину с гордо посаженной головой, какую я видела на фотографиях в замечательной книге ее воспоминаний «Запечатленный труд». Но и теперь в ее облике оставалось что-то прежнее; серьезное, строгое выражение лица, какая-то суровость настороженного взгляда. Внимательно слушала она мой рассказ, когда я водила ее по залам историко-революционного отдела, а в некотором отдалении за нами следовали наши сотрудники и случайные посетители, не отрывая глаз от этой легендарной женщины. Она, ближайшая сподвижница Желябова и Перовской, одна уцелела из членов Исполнительного комитета Народной Воли.

В сентябре 1884 года Вера Фигнер была приговорена царским судом к смертной казни через повешение. Этот приговор заменили бессрочной каторгой, которую она отбывала в Шлиссельбурге. Двадцать два года провела она в одиночной камере одной из самых страшных «государевых» тюрем. Показывая Вере Николаевне наш музей, я решила, что ей будет интересно посмотреть «одиночку», созданную в Пермском музее. Когда

мы подошли к тюремной камере, я рассказала об аресте Свердлова, о тюрьме, в которую его посадили, и предложила взглянуть на камеру через «глазок» в дверях. Вера Николаевна приблизила голову к «глазку», взглянула в него и... Результат получился для меня совершенно неожиданный. Она пошатнулась, едва не упала, лицо исказилось страданием, ей сделалось дурно. Я и ее спутница перепугались, подхватили ее под руки, усадили на стул. Кто-то принес стакан холодной воды, валерьянки. Прошло какое-то время, пока она успокоилась и пришла в себя.

Как я раскаивалась тогда, что показала ей эту злополучную камеру! Это остро и зримо напомнило ей тяжкую пору ее заключения в одиночке Шлиссельбурга. Только тогдашняя молодость и неопытность могут объяснить в какой-то степени мой неосмотрительный поступок, который, к счастью, не привел к более неприятным последствиям.

Продолжать дальнейший осмотр музея Вера Фигнер отказалась, но я все же уговорила ее оставить нам на память свою фотографию. Ее сфотографировал наш музейский фотограф, и я храню этот маленький, не очень удачный снимок, как воспоминание о далекой и памятной встрече.

А тюремную камеру нам скоро пришлось ликвидировать. Здание бывшей духовной семинарии, где размещался музей, потребовалось освободить под учебное заведение, и нас перевели в другое здание, напротив, — бывшие покои архиерея, здесь музей находится и поныне. Тюремную камеру больше не восстанавливали.

Памятна мне в музее и другая встреча в 1930 или 1931 году — с Андреем Сергеевичем Бубновым, одним из крупных деятелей нашей партии, членом ее с 1903 года. Он был тогда народным комиссаром просвещения и

приезжал в Пермь по делам. К нам он пришел один, как рядовой посетитель, не предупредив никого о своем желании посмотреть музей. Конечно, его прежде всего интересовала история революционного движения на Урале, и он знакомился с экспозицией нашего отдела. Держался он просто, скромно, молча слушал мой рассказ, разглядывал листовки, фотографии и другие экспонаты. Он оживился, когда увидел уголок, посвященный чердынской ссылке Климента Ефремовича Ворошилова. Нам удалось достать с помощью директора Чердынского краеведческого музея И. А. Лунегова несколько фотокопий со снимков, запечатлевших пребывание Ворошилова в ссылке в селах Ныробе и Пянтеге, эти фотографии хранились у кого-то из местных жителей. На одной из них Климент Ефремович, еще совсем молодой, улыбающийся, в светлой рубашке-косоворотке, с гитарой в руках сидел в кругу товарищей в деревенской избе за чайным столом. Может быть, это была нелегальная встреча ссыльных борцов революции, а гитара и самовар на столе служили для конспирации? А может, это была разрядка, короткий отдых в напряженной нелегальной работе подпольщиков? Этого мы не знали.

Бубнов с улыбкой разглядывал Климента Ефремовича в такой необычной обстановке. На другой фотографии Ворошилов был снят в лесу, на полянке. Были у нас и фотоснимки крестьянских изб, в которых он жил во время ссылки.

«Этих фотографий у Ворошилова, наверно, нет, и он давно о них забыл», — заметил Бубнов.

Нам было приятно узнать, что покидая музей, Бубнов похвалил наш отдел и сказал, что здесь работают скромные люди, любящие свое дело.

Я нередко заходила в Пермский окружной комитет

партии к К. Г. Ольховской, чтобы рассказать ей о наших музейских делах и о чем-нибудь посоветоваться. Как-то раз, придя к ней, застала в ее кабинете женщину средних лет с гладко причесанными черными волосами и смуглым лицом восточного типа. Нас познакомили. Это была Анна Никифоровна Никифорова, член партии с 1910 года, также работавшая в Пермском окружном комитете партии. Она дружила с Ольховской, и я встречалась с ней потом в окружном комитете еще не раз.

Анна Никифоровна, бывшая питерская работница, с юных лет связала свою судьбу с деятельностью большевистской партии. Свой трудовой путь она начала двенадцатилетней девочкой, в двадцать два года впервые попала в царскую тюрьму, в двадцать четыре — в суровую сибирскую ссылку. Она работала в Петербурге в различных мастерских и на предприятиях, потом — в конторе большевистских газет «Звезда» и «Правда». Здесь в Питере и началась ее нелегальная партийная деятельность. Своими первыми учителями в партии она называла К. С. Еремеева, Н. Г. Полетаева, Н. Н. Батурина, М. С. Ольминского. Из Питера она уехала для подпольной работы в Сызрань и Самару.

В 1914 году незадолго до войны по поручению Русского бюро ЦК партии Анна Никифоровна ездила за границу, в Галицию, в польское местечко Поронино, с партийным поручением к В. И. Ленину.

Преодолев нелегкий путь, нелегально перейдя границу, она, не зная польского языка, с трудом добралась до Поронино и разыскала там Ульяновых. Владимир Ильич и Надежда Константиновна приняли молодую девушку радушно. Ленин подробно расспрашивал ее о положении дел в России, о работе в «Звезде» и «Правде». Она рассказывала, как ухитрились прятать часть конфискованного тиража большевистских газет,

к каким уловкам прибегали, чтобы вынести незаметно под носом у жандармов номера конфискованных газет, а потом доставляли их в рабочие районы Питера.

В Поронино Анна Никифоровна приехала без денег, истратив все, что у нее было, на дорогу. Ульяновы устроили ее жить в доме, который они занимали, в небольшом мезонине. Анне Никифоровне выпало большое счастье целых три недели прожить в семье Ленина, видеть его в семейном кругу, ежедневно с ним общаться, встречаться за обеденным столом. Надежда Константиновна звала ее тогда «дочкой», и это имя надолго сохранилось за ней.

Для меня знакомство с Анной Никифоровной было неожиданной радостью. Впервые я так близко и запросто соприкоснулась с человеком, который хорошо знал Ленина, лично с ним встречался, беседовал и мог многое рассказать о его повседневной жизни, распорядке дня, привычках, особенностях поведения. Надо заметить, что к тому времени о Ленине было написано еще очень и очень мало.

Анна Никифоровна слушала в Поронино лекцию Владимира Ильича о задачах партии, которую он прочитал для небольшой группы товарищей. Вместе с Лениным участвовала в одной из воскресных прогулок на велосипеде в Карпатские горы. Перед VI съездом партии и Международным социалистическим конгрессом В. И. Ленин провел заседание ЦК с приехавшими из России партийцами по вопросам работы думской фракции и подготовки к съезду. Анна Никифоровна приняла участие в этом совещании. А потом было возвращение в Россию, арест в Петербурге и ссылка в далекую Сибирь, откуда она вернулась уже после свержения самодержавия.

Обо всем этом Анна Никифоровна рассказывала

всегда просто и скромно. Впоследствии я снова встрети-лась с ней в Свердловске, мы подружились, и мне не раз приходилось слушать ее выступления с воспомина-ниями о Ленине перед детьми и молодежью. Теперь эти воспоминания уже опубликованы. В сборнике «О Владимире Ильиче Ленине», выпущенном Госполит-издатом в 1963 году, они названы «21 день в семье Ленина».

В Перми в конце двадцатых — начале тридцатых годов жил молодой, начинающий тогда художник Вик-тор Михайлович Орешников, который выполнял иногда некоторые заказы нашего музея. По предложению Оль-ховской он написал большой портрет мотовилихинско-го рабочего Александра Лбова. Лбов был изображен крупным планом на фоне огней и труб Мотовилихин-ского завода. Некоторое время портрет висел у нас в зале «1905 год», потом его сняли. Эта, очевидно, одна из первых больших работ молодого художника, на мой взгляд, не очень удачна. Впоследствии Орешников пи-сал замечательные картины и стал крупным художни-ком. Его исторические полотна «Ленин на экзамене в университете» и «В штабе обороны Петрограда. Ноябрь 1917 г.» были в 1948 и 1950 годах удостоены Госу-дарственных премий. Народный художник РСФСР, действительный член Академии художеств СССР, он возглавляет теперь Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина в Ленинграде.

В одно время со мной в Пермском краеведческом музее работал В. Н. Трапезников, он заведовал исто-рико-бытовым отделом. Бывший адвокат, человек очень эрудированный, он известен в истории революционного движения на Урале как один из первых пермских марк-систов, принимавший активное участие в создании со-циал-демократической организации в Перми. Потом он

встал на меньшевистские позиции и был последовательным, убежденным меньшевиком, сторонником Плеханова.

В конце 1905 года Трапезников входил в состав Пермского комитета РСДРП, но в то время, как другие члены комитета большевики А. Л. Борчанинов, А. Ю. Юрш, Я. К. Кузнецов, М. П. Федорова, А. Н Ягодникова готовили рабочих к вооруженным боям за свержение самодержавия, создавали боевые дружины, закупали оружие, учились сами и учили рабочих-боевиков владеть оружием, Трапезников ограничивался выступлениями на митингах и собраниях.

После поражения Мотовилихинского вооруженного восстания он опубликовал в одном из либеральных журналов того времени статью, в которой принижал революционную борьбу мотовилихинских рабочих, заявляя, что никакого восстания в Мотовилихе не было, что перепуганные царские власти преувеличили действия рабочих. Конечно, это было не так: рабочие Мотовилихи начали восстание одновременно с Московским восстанием и оказали ему активную поддержку своим выступлением. Но меньшевики, как известно, после поражения Московского восстания заявили, что «не надо было браться за оружие», на этой же позиции стоял и Трапезников. Он всегда был верным последователем Плеханова и в 1917 году после свержения самодержавия вошел в меньшевистскую плехановскую группу «Единство».

Мне нелегко было работать рядом с Трапезниковым, который бурно возмущался, когда наши экскурсоводы, рассказывая посетителям о борьбе большевиков с меньшевиками в Мотовилихе и Перми в 1905 году, характеризовали Трапезникова как лидера пермских меньшевиков. Он считал себя не меньшевиком, а «маркси-

Г. П. Рычкова. 1930 год. Пермь.

стом» и «социал-демократом». С Ольховской у него из-за этого были натянутые отношения, но она бывала в музее не так уж часто, меня же он откровенно возненавидел и всячески третировал.

В середине тридцатых годов, уже в Свердловске, я встретила еще с одним бывшим членом Пермского комитета РСДРП в 1905 году Анной Николаевной Ягодниковой. В 1905 году она вместе с М. П. Федоровой занималась закупкой оружия для рабочих Мотовилихи. После поражения восстания была арестована, ей грозила суровая кара, но она сумела бежать, скрылась из Перми, а потом эмигрировала за границу. Там она получила высшее медицинское образование. После революции вернулась в Россию беспартийной, работала врачом сначала в Перми, потом в Свердловске. Узнав от кого-то, что я занимаюсь изучением истории уральских партийных организаций, она пришла ко мне познакомиться, рассказала кое-что о себе, о 1905 годе в Перми и очень отрицательно отозвалась о поведении Трапезникова во время Мотовилихинского вооруженного восстания. Мы виделись с ней раза два, выглядела она плохо, жаловалась на здоровье. Вскоре я узнала, что она умерла.

Однажды Ольховская, придя в музей, предложила мне заняться историей Лысьвенского завода. В те годы, по инициативе А. М. Горького, в стране начинали разрабатывать историю фабрик и заводов. Предложение Ольховской писать историю одного из крупнейших по тому времени металлургических заводов Прикамья пришлось мне как нельзя более по душе, и я с радостью согласилась. Ведь Лысьва, хотя я ее еще ни разу не видела, была мне так дорога и близка по годам моей ранней молодости: с лысьвенскими рабочими связано мое вступление в партию, у них я многому научилась

еще в Чердыни и всегда хранила о Лысьве самую благодарную память.

Лысьвенский завод имел богатое революционное прошлое. В 1905 году рабочие его своей февральской забастовкой положили начало широкой стачечной борьбе на Урале. В 1917 году Лысьва завоевала славу «Уральского Кронштадта», ее большевистская организация была одной из самых сильных и крепких партийных организаций на Урале. С большим увлечением принялась я за изучение истории революционного движения на Лысьвенском заводе.

Неоценимую помощь оказал мне Георгий Михайлович Жданов, старый потомственный рабочий, член партии с 1905 года, один из активнейших членов Лысьвенской партийной организации в годы подполья. Он жил тогда в Лысьве, но довольно часто приезжал в Пермь и всегда заходил ко мне в музей, где мы часами беседовали. Он много рассказывал о лысьвенских большевиках, о нелегальной работе в годы царизма и при этом очень скупо говорил о себе. С большим интересом слушала я его рассказы и одновременно знакомилась с архивными документами по истории завода, по истории возникновения, роста и деятельности Лысьвенской партийной организации.

Моя работа на некоторое время прервалась в связи с отъездом из Перми. В 1931 году я была отозвана Уральским областным комитетом партии для работы в Свердловск.

Научная работа в Свердловском обкоме КПСС

Свердловск... Центр индустриального Урала. Мощные заводы, созданные в годы советских пятилеток. Школы, техникумы, институты. Уральский научный центр Академии наук СССР. Клубы, библиотеки, Дворцы культуры, театры.

Улицы, названные именами славных уральских большевиков. Современные высотные здания и приземистые старинные дома. На окраинах — новые обширные районы. Город растет, ширится, уходит ввысь. Зеленеют проспекты, скверы, сады. С каждым годом все больше хорошеет и расцветает Свердловск.

В центре, возле оперного театра, — памятник тому, чье имя носит город. На глыбе гранитного постамента — устремленная вперед фигура юного Свердлова. На памятни-

ке надпись: «Якову Михайловичу Свердлову (товарищу Андрею) уральские рабочие».

Я люблю этот город. Здесь прошла большая половина моей жизни. Здесь я занималась любимым делом, нашла много новых хороших друзей.

Двадцать лет проработала я в Свердловском обкоме КПСС — в истпарте, партархиве, институте истории партии, занимаясь изучением истории большевистских организаций Урала.

Истпарты — комиссии по истории партии и Октябрьской революции — были созданы в начале двадцатых годов при губернских, областных и окружных комитетах партии. Истпарт, в котором я начинала свою работу в Свердловске, находился на улице Карла Либкнехта в бывшем особняке инженера Ипатьева. Здание примечательно тем, что здесь в ночь на 17 июля 1918 года по постановлению Уральского областного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов был расстрелян бывший царь Николай Романов и его семья. Это произошло в те дни, когда к городу приближались войска интервентов и белогвардейцев, и вокруг Романовых, привезенных в Екатеринбург из Тобольска и заключенных в ожидании суда в Ипатьевском особняке, плелись сети контрреволюционных заговоров. Ждать было нельзя. Контрреволюция нагнала с каждым днем, и местные органы власти взяли на себя ответственность покончить с царем. Действия Уральского областного Совета были потом санкционированы ВЦИК.

В 1931 году, когда я приехала в Свердловск, истпарт и партархив занимали в Ипатьевском доме лишь пристрой, а в основной части здания размещался тогда Музей революции. Угловая комната в подвале, где были расстреляны Романовы, еще сохранилась в том виде, какой она имела в 1918 году. На стенах и на

полу виднелись следы от пуль. Сотрудники музея проводили здесь экскурсии, рассказывали посетителям о тех злодеяниях, которые совершали Романовы, сидя на царском троне, и об их бесславном конце. Не забывали они добавить, что династия Романовых, начавшись в Ипатьевском монастыре, где был призван на царство Михаил Романов, через триста с лишним лет закончилась в Ипатьевском доме, где было покончено с последним царем Николаем Романовым.

В те годы, когда я приехала в Свердловск, в городе еще были живы некоторые монархически настроенные старики, и мне не раз по утрам, когда я шла на работу, случалось видеть, как у окна подвальной комнаты бывшего Ипатьевского дома стоит какая-нибудь старушка в черном одеянии и, скрестив руки, усердно отвешивает поклоны и шепчет молитвы «по убиенным».

Этот дом давно уже перестроен.

Если мы заглянем сейчас в читальные залы центральных и областных — партийных и государственных архивов, то всегда увидим там много молодых, пожилых и старых людей, склонивших головы над пожелтевшими страницами архивных дел. Свободных мест почти не бывает. Интерес к прошлому, к изучению документов и историческим исследованиям сейчас необычайно вырос. Студенты пишут дипломные работы, преподаватели готовят кандидатские, а кандидаты наук — докторские диссертации, писатели собирают материалы для новых книг, ветераны революции и труда пишут воспоминания.

В тридцатых годах в нашем городе мало было людей, интересующихся архивами. Читальных залов при партийном и государственном архивах еще не существовало, лишь изредка в архивах сидели один-два человека. Мне не раз приходилось слышать тогда, что в

архив идут работать лишь те, кто непригоден ни к чему другому.

Для меня же труд в архиве всегда был полон большого смысла. Это и новые знания, и неожиданные находки, и интересные открытия. За скупыми строчками архивных документов прорисовывалась сначала неясно, потом все ярче и отчетливее другая, ушедшая в прошлое жизнь. Оживали образы людей, связавших свою судьбу в мрачные годы самодержавия с грядущей революцией. Людей, которые, забывая об удобствах повседневной жизни, видели свое призвание в борьбе за будущее родной страны. Не так уж много радостей было в их жизни, зато невзгоды и горести поджидали на каждом шагу. Но, отдавая свои силы, способности, знания борьбе за победу революции, они находили в этом свое, особое счастье.

В истпарте мне постоянно приходилось иметь дело со старыми большевиками, участниками трех русских революций. Они приносили нам старые фотографии и документы, которые сумели сохранить, рассказывали о встречах с В. И. Лениным, об отдельных фактах своей революционной деятельности. В первой половине тридцатых годов мы проводили в истпарте коллективные вечера воспоминаний старых большевиков по отдельным периодам революционного движения на Урале: 1905 год, Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года, Великая Октябрьская социалистическая революция, история отдельных полков, сформированных на Урале в годы гражданской войны. Организатором этих встреч была у нас инструктор-массовик Анна Ивановна Мошкова, член партии с 1917 года, очень деловитая и энергичная. Вечера проходили всегда живо, их участники выступали горячо, с увлечением. Случалось, возникали и горячие споры.

Особенно любила я встречи с бывшими подпольщиками, вступившими в партию в период самодержавия. Я преклонялась перед этими людьми, которых в годы царизма не пугали ни тюрьмы, ни ссылки, ни каторга, ни смертная казнь. Работа в партии была для них главной целью жизни. Это о них, о большевиках-подпольщиках, людях стойких, мужественных, с кристально чистыми сердцами, писал наш свердловский поэт Юрий Трифонов:

Они под пули шли и плели
За правду ленинских идей.
И не сдавались лихолетью
В глухих застенках крепостей.

Ценили стойкость, верность делу,
Немногословны и скромны.
И знать партийцы не хотели,
Что нету им самим цены,

Под ветром гнуться не умея,
Встречали грудью всякий шквал.
Для них в одно слились

Идея

И в жизни высший идеал.

Я часто встречалась в те годы с бывшими подпольщиками, старыми большевиками Еленой Борисовной Вайнер, Н. М. Давыдовым, П. П. Ермаковым, А. В. Бархатовым, А. Ф. Крыловым, С. С. Моисеевым, П. З. Ермаковым, М. Н. Уфимцевой, Ф. М. Алексеевым, М. Н. Миковым, М. А. Андреевым, Ф. И. Коротаяевым, Е. И. Кочкиной, Раисой Исааковной Валек, бывшим каторжанином Г. А. Порошиным, участником гражданской войны М. В. Васильевым, А. И. Медведевым, В. И. Ливадных и многими, многими другими. Каждый из них прошел свой трудный жизненный путь, внес свой весомый вклад в дело революции. Большинства из них давно уже нет в живых. Я благодарна судьбе за то, что мне выпало

на долю так близко соприкоснуться с этим замечательным поколением революционеров, многие из которых близко знали Ленина.

В Свердловске я закончила свою первую, начатую в Перми, книгу «Лысьва. Очерк по истории революционного движения на Лысьвенском заводе». Она была издана Уральским областным государственным издательством в 1932 году.

Вторая моя работа, изданная в Свердловске в 1933 году, называлась «Красная гвардия на Урале». Эту тему мы, уральцы, тогда только начинали разрабатывать. Постоянно консультировал меня и помогал мне в этом деле Макар Васильевич Васильев. Он был одним из активных строителей регулярных частей Красной Армии на Урале и в 1918 году организовывал первый отпор наступавшим интервентам и белогвардейцам на Камышловском участке Восточного фронта.

Васильев, в прошлом рабочий-литейщик, в годы первой мировой войны был на фронте рядовым солдатом. За проявленную личную храбрость и незаурядные организаторские способности получил офицерское звание прапорщика. С первых дней Февральской революции он сблизился с большевиками и в августе 1917 года вступил в большевистскую партию. В начале 1918 года приехал в Камышлов, работал здесь уездным военным комиссаром и одновременно был председателем уездной Чрезвычайной комиссии. Партийная организация Камышлова вскоре выдвинула его на пост заместителя председателя укома партии, а потом и председателем уездного исполкома Совета. На этих четырех важнейших в городе постах он и встретил чехословацкий мятеж и начавшуюся на Урале гражданскую войну.

Летом 1918 года Васильев командовал первой бригадой Восточного фронта, которой пришлось вести тяже-

лые затяжные бои. Полки его бригады сдерживали продвижение превосходящих сил противника и одержали немало побед, захватывая богатые трофеи. Такие славные страницы в истории 3-й армии, как бои у станции Антрацит и села Ирбитские Вершины, бои под Кушвой и Нижним Тагилом связаны с именем М. В. Васильева, ему принадлежит заслуга в разработке многих блестящих военных операций.

После переформирования дивизий Восточного фронта Васильев командовал Сводной Уральской дивизией, потом был командиром 29-й дивизии. В начале 1919 года он стал командовать Особой бригадой 3-й армии. Полки его бригады принимали самое активное участие в разгроме колчаковской армии. Щедро одаренный природой организаторскими и военными способностями, он, не получив систематического образования и настоящей военной подготовки, умел разгадывать оперативные планы колчаковских генералов, учившихся в Высшей военной академии. Не раз Васильев срывал эти планы и наносил врагу жестокие поражения. Среди красноармейцев он пользовался безграничным уважением и любовью, друзья называли его шутливо «генералом», а бойцы сложили о нем песню, в которой, высмеивая белогвардейских военачальников, воспевали победы, одержанные под командованием Васильева¹.

Было дело — не забыли! —
Штурмовали старый мир.
В бой нас вел Макар Васильев —
Боевой наш командир.
Дело было под Тагилом,
Войцеховский удирал.

---

¹ Эта песня записана С. П. Неустроевым со слов участников гражданской войны Л. Ф. Некрасова и И. И. Филимонова и опубликована в журнале «Уральский следопыт» № 7 за 1959 год.

Впереди нас шел Васильев —
Наш рабочий генерал.
Мы под Кушвой в бой ходили,
Врага били наповал,
Рядом с нами был Васильев —
Наш крестьянский генерал.
Пенеляев хвастал силой:
Славен, грозен и удал.
Да разбил его Васильев —
Наш народный генерал.
Колчака в Перми лупили,
Шли обратно на Урал.
Впереди нас шел Васильев —
Наш советский генерал.
Насмерть всех врагов громили,
Защищали новый мир.
В бой нас вел Макар Васильев —
Наш любимый командир.

Когда в начале тридцатых годов я познакомилась в Свердловске с Васильевым, он был уже штатским человеком, занимался хозяйственной работой. Высокий и статный, с простым открытым русским лицом, скромно одетый, он любил рассказывать интересные факты из своих боевых походов, особенно часто рассказывал о рядовых бойцах, об их храбрости, мужестве, хитрости и находчивости в боях.

Макар Васильевич познакомил меня с активными участниками гражданской войны. Это были Ф. Е. Акулов, М. Н. Миков, И. П. Вырышев и многие, многие другие. Мы провели вместе с ними ряд совещаний по отдельным вопросам истории гражданской войны на Урале. Несколько совещаний было посвящено истории создания красногвардейских отрядов, формирования первых полков Красной Армии, организации первого отпора войскам интервентов. Обсуждалась коллективно и рукопись моей книги о Красной гвардии.

В середине тридцатых годов в Свердловском ист-

Истпарте работал Павел Петрович Бажов. Он не был еще тогда знаменитым писателем, но пользовался в городе известностью и уважением как старый, опытный журналист. Спокойное и доброе выражение лица, чистый взгляд голубых глаз, длинная полуседе́я борода и замедленный тихий говорок привлекали к нему внимание. Он любил поговорить об уральской старине, рассказывал иногда интересную бывальщину, и при этом произносил отдельные слова так, как будто любовался их смыслом и внутренней красотой. Павел Петрович активно участвовал в гражданской войне на Урале, редактировал в 1918 году на Восточном фронте одну из фронтовых газет. В истпарте он работал над историей отдельных полков в начальном периоде их боевых действий. Он написал тогда две книги. Первая, изданная в Свердловске в 1934 году, называлась «Бойцы первого призыва» и была посвящена истории полка Красных орлов. Вторая, изданная тоже в Свердловске в 1936 году, носила название «Формирование на ходу», в ней разрабатывалась история создания 254-го Камышловского полка 29-й дивизии.

В тридцатых годах в истпарте главными в разработке истории уральских большевистских организаций были темы: работа большевиков в подполье в годы царского самодержавия, в период Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года, Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. Эти же темы во второй половине сороковых годов разрабатывались и в Свердловском институте истории партии.

В 1939 году истпарт был ликвидирован. Несколько лет я работала научным сотрудником в областном партийном архиве.

В годы Великой Отечественной войны к нам в об-

ластной паргархив довольно часто заходила Наталья Анатольевна Малышева. Ее муж, Иван Михайлович Малышев, член Уральского областного комитета партии, погиб на фронте в гражданскую войну: он был убит 26 июня 1918 года.

Малышев — известный на Урале большевистский деятель, бывший подпольщик, в период борьбы за победу и проведение Великой Октябрьской социалистической революции был председателем Екатеринбургского комитета большевиков, возглавлял крупнейшую на Урале боевую партийную организацию — верный оплот Центрального Комитета партии. Он был одним из первых в стране политических комиссаров Красной Армии во время борьбы с дутовщиной. Когда в мае 1918 года войска интервентов и белогвардейцев начали захват Урала, Иван Михайлович Малышев одним из первых ушел добровольцем на фронт и возглавил Златоустовско-Челябинское направление Восточного фронта.

Его жена Наталья Анатольевна Малышева вступила в партию большевиков в 1916 году. Верный друг и помощник Ивана Михайловича, она работала вместе с ним в годы подполья в Верх-Исетской больничной кассе. Единственная дочь Ивана Михайловича — Нина осталась от отца в младенческом возрасте. Когда началась Великая Отечественная война, Нина Малышева, двадцатитрехлетняя комсомолка, одна из первых в нашем городе, по примеру отца добровольцем ушла на фронт. Она была радиосвязисткой, длительное время находилась в тылу врага, выполняя ответственное задание. Ее мать подолгу не имела никаких вестей от дочери. Наталья Анатольевна очень волновалась за судьбу Нины и приходила к нам в партийный архив поделиться своими переживаниями, когда ничего не знала о дочери, и своей радостью, когда изредка получала от нее ве-

сточку. Все наши сотрудники хорошо знали историю этой семьи и судьбу отца Нины, и Наталья Анатольевна всегда встречала у нас горячее сочувствие и стремление облегчить хотя бы морально ее горестные переживания. Работала она тогда во Дворце пионеров, болела тяжелой формой гипертонической болезни и выглядела очень плохо. Она дождалась возвращения с фронта Нины, но прожила недолго. Худощавая блондинка, простая и скромная, с милым болезненным лицом и каким-то теплым приятным голосом, она сохранилась в моей памяти, как обаятельный человек, принципиальная коммунистка и глубоко любящая мать.

В начале Великой Отечественной войны к нам в город был эвакуирован из столицы Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. В этом университете 5 мая 1943 года я защитила кандидатскую диссертацию на тему «Великая Октябрьская социалистическая революция на Урале». Работу я готовила для печати, но в связи с военным временем издательская деятельность была сокращена, и мне посоветовали представить свою рукопись на защиту кандидатской диссертации.

Я защитила ее на Ученом совете гуманитарных наук Московского университета, который проходил под председательством профессора Н. К. Гудзия. Защита проходила утром в здании Уральского политехнического института, где размещался тогда Московский университет. Вечером этого дня университет уезжал обратно в столицу, и профессора сидели чуть ли не буквально на чемоданах. Но несмотря на предстоящий отъезд, заседание Ученого совета проходило чинно, без спешки.

Мне пришлось изрядно поволноваться. Первую за-

щишала кандидатскую диссертацию какая-то приезжая женщина. Она выступала вторично, прежняя ее защита оказалась неудачной. Я сидела и слушала... Диссертантка провалилась и на этот раз и больше уже не имела права на защиту. Понятно, каково было мое состояние, когда слово дали мне. Мое лицо горело от волнения. Как-то примут работу московские ученые? Официальными оппонентами у меня были профессора Разгон и Юдин. Но, как говорится, в своем городе и стены помогают. Все прошло благополучно, без каких-либо осложнений. После моего вступительного слова с краткой характеристикой разработанной темы выступили оппоненты, мне задали несколько вопросов, выступили два-три члена совета. Потом было тайное голосование, и мне единогласно присудили степень кандидата исторических наук, утвержденную вскоре Высшей аттестационной комиссией при Министерстве высшего образования.

Весной 1945 года при Свердловском обкоме КПСС был организован институт истории партии — филиал Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК КПСС. Он просуществовал до 1960 года. Я работала в нем первые пять лет.

Научно-исследовательская деятельность института истории партии значительно отличалась от истпартовской. Здесь трудилась уже значительная по сравнению с истпартом группа историков, и темы разрабатывались коллективно. Истпарт главное внимание уделял накоплению историко-партийных знаний — собиранию документов и воспоминаний, к научному изучению отдельных вопросов тогда делались лишь первые подступы. Книги, изданные истпартом, большей частью популярны, рассчитаны на широкие массы читателей. В институте истории партии исследования носили уже более глубо-

кий научный характер. Но если в истпарте в тридцатых годах широко привлекались к собиранию материалов и обсуждению изучаемых вопросов активные участники революции и гражданской войны, то во второй половине сороковых годов в институте истории партии этого уже не было. К воспоминаниям относились с настороженностью, так же, как и к их авторам. Основой изучения были архивные документы, но и документы в тот период далеко не всегда оказывались доступны исследователю. Влияние культа личности наложило свой отпечаток на труды историков того времени.

Зато сейчас перед исследователями открыт широкий путь: значительно полнее стала документальная, фактическая база. К работе, как и раньше, теперь активно привлекаются непосредственные участники событий, используются их воспоминания. Правдивые же воспоминания для исследователя всегда ценны: они дополняют исторические документы, делают их живыми, интересными.

В институте истории партии мне пришлось принять участие в создании книги «Очерки истории большевистских организаций на Урале», изданной в 1951 году Свердловским областным государственным издательством. Книга охватывала период с 1883 по 1918 год — от зарождения социал-демократических организаций до подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Это была одна из первых в стране работ по истории местных партийных организаций, результат коллективного труда свердловских историков под руководством директора нашего института Я. С. Юферова. Конечно, ныне эта работа уже устарела, но для своего времени она имела значение. Однако жизнь неудержимо движется вперед, а вместе с ней повышается и уровень науки. Найдено и введено

в научный оборот много не известных ранее документов. Двадцать лет спустя, в 1971 году, свердловские историки выпустили новую книгу «Очерки истории коммунистических организаций Урала. Том первый, 1883—1920 гг.». Это издание значительно отличается от первого: оно дополнено и переработано на основе новейших изысканий.

Сейчас уже во всех союзных республиках, в очень многих краях и областях нашей многонациональной родины разработаны и изданы труды по истории местных партийных организаций. Главное внимание историков в настоящее время сосредоточено на разработке вопросов строительства социализма, периода Великой Отечественной войны и дальнейшего продвижения по пути к коммунизму. Теперь налицо количественный и качественный рост научных кадров: уровень научной подготовки историков значительно повысился. В сороковых годах в нашем городе еще не было докторов наук в области истории партии, а кандидатов было считанные единицы. Теперь в Свердловске, как и в других крупных городах страны, уже трудно сосчитать докторов и кандидатов исторических наук, выросших из местных кадров. Вступило в жизнь новое поколение историков, которое совместно со старшим поколением успешно разрабатывает вопросы истории партийных организаций.

Разрабатывая отдельные темы из истории партийных организаций Урала, мне приходилось много работать не только в архивах Свердловска, Перми, Челябинска, Уфы, но и нередко ездить в Москву в центральные архивы. Эти научные командировки были довольно длительными, мне приходилось работать в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА), Центральном государственном историческом архиве (ЦГИАМ), Центральном государственном архиве Со-

ветской Армии (ЦГАСА), но чаще всего и дольше всего — в Центральном партийном архиве Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК КПСС и Центральном государственном архиве Октябрьской революции и гражданской войны.

Я любила сидеть часами в тиши чигальных залов архивов и, отключаясь от окружающей жизни, погружаться в мир прошлого. Спокойно, не торопясь, вчитываться в потускневшие от времени строчки, вдумываться в прочитанный текст, делать в тетради длинные выписки из документов, записывать свои догадки, предположения, замечания. Немало поработала я в те годы и в библиотеке имени В. И. Ленина. Результатом каждой поездки были сплошь исписанные многочисленные тетради, которые я потом использовала в дальнейшей работе над избранной темой.

В Москву мне приходилось ездить чуть ли не ежегодно. Здесь я также неоднократно встречалась со старыми большевиками-подпольщиками. Были встречи с С. И. Мицкевичем, А. П. Спундэ, А. Г. Кравченко, Г. И. Петровским, Г. И. Окуловой, М. М. Загуменных, Н. Н. Накоряковым. И всегда из этих встреч и бесед я много черпала для себя и своей работы: тут были и свежие мысли, и новые факты, и интересные детали, и новый угол зрения на отдельные вопросы изучаемых тем.

В Москве я снова повстречалась с членами нашей чердынской «коммуны» 1918 года — А. П. Трукшиным и К. П. Аппогой.

Александр Прокофьевич Трукшин один остался в живых из той группы лысьвенских красногвардейцев, которые работали в Чердыни в 1918 году. После окончания Кремлевских военных курсов, на которые он был командирован Я. М. Свердловым в феврале 1919 года,

Трукшин воевал на Южном фронте, командовал полком. После гражданской войны жил в Москве, был на руководящей хозяйственной и партийной работе. В Великую Отечественную войну, уже немолодой, он — снова на фронте, на одном из ответственных и тяжелых участков. Министерство Военно-Морского флота назначило его начальником судоверфи Рейдтанкера в Астрахани, где строились «морские охотники» и переправочные средства для Сталинграда.

После долгих лет разлуки мы встретились с ним, как старые добрые друзья. Он познакомил меня со своей женой — москвичкой Диной Петровной, милой и доброй женщиной, которая очень о нем заботилась. Их единственный сын со своей семьей жил далеко от них, в Ангарске. С тех пор я вела с Александром Прокофьевичем длительную переписку, бывала у Трукшиных каждый свой приезд в Москву. Внешне он очень изменился, годы наложили свой отпечаток. Но в характере осталось много прежнего. Как и раньше, в нем было много кипучей энергии, горячей увлеченности окружающей жизнью. Он вел большую общественную работу, внимательно следил за международными событиями, любил их прокомментировать. Как и прежде, говорил быстро, горячо, но умел внимательно слушать собеседника. Он умер внезапно 2 апреля 1969 года, не дожив до столетнего юбилея В. И. Ленина, который он очень ждал. В молодости ему приходилось много раз и очень близко видеть и наблюдать Владимира Ильича, когда, будучи кремлевским курсантом в 1919 году, он не раз стоял на посту возле кабинета Ленина.

На долю Клавдии Петровны Аппоги выпала трудная судьба. Потеряв мужа, трагически погибшего в 1938 году, она и сама прошла через большие испытания. Из троих детей у Клаши осталась в живых лишь млад-

шая дочь Светлана, удивительно похожая на отца. Клавдия Петровна познакомила меня с семьей дочери, с тремя своими внучками. Несмотря на подорванное здоровье, она проводила большую общественную работу.

В столице я снова встретилась и со своей старой школьной подругой Фрасей Карнауховой. Евфрасия Степановна была теперь профессором, доктором экономических наук, крупным ученым в области сельского хозяйства. Она работала в Институте экономики Академии наук СССР и Академии общественных наук при ЦК КПСС. В 1926 году Фрася окончила экономический факультет Тимирязевской сельскохозяйственной академии и трудилась в области колхозного строительства. В начале тридцатых годов была слушателем Аграрного института Красной профессуры и преподавала одновременно в Тимирязевской академии. Е. С. Карнаухова — экономист-аграрник широкого профиля. Многие ее труды переведены на языки народов СССР, а также на языки зарубежных социалистических стран. Одну из своих работ, изданную к столетию со дня рождения В. И. Ленина, она прислала мне на память.

К сожалению, в зрелые годы мне редко пришлось встречаться с первым другом моей юности Фаиной Огневой. Большую часть своей сознательной жизни она жила в Ленинграде, где я бывала редко. Переписка с ней тоже не получалась: письма писать Фаня не очень любит, да и времени для этого у нее всегда не хватает. Фаина Васильевна по специальности врач-педиатр. Всю Великую Отечественную войну она жила в Ленинграде, перенесла блокаду, безвыходно работала в одном из госпиталей.

Памятна мне одна из редких наших встреч в Москве летом 1959 года. Мы сидели с Фаней на диванчике

у фонтанов на Выставке достижений народного хозяйства. Был теплый воскресный день, спешить нам было некуда, и мы говорили, говорили без конца, словно старались наверстать упущенное за долгие годы разлуки. Мы вспоминали своих друзей, близких и дорогих нам людей, делились переживаниями горьких и счастливых минут, выпавших на нашу долю. Между нами стояла розно прожитая долгая жизнь, но, как и прежде, в юности, мы чувствовали душевную близость и понимали друг друга с полуслова.

Однажды, приехав в Ленинград, я побывала в квартире Фани. Бросилось в глаза обилие книг в двух комнатах, которые она занимала со старенькой и больной матерью. Книги виднелись всюду: тесно стояли в шкафу, высокими аккуратными стопками лежали на письменном столе, на окнах, на стульях и даже на рояле. Тут же, впережку с книгами, живые цветы: растущие — в горшках и срезанные — в вазах. Кое-где были приколоты к стене ее рисунки акварельными красками и небольшие натюрморты, выполненные масляными красками. Она и теперь была похожа своими вкусами и интересами на прежнюю Фаню, подругу моих детских и юношеских лет!

Судьба разлучила нас с Фаней на долгие годы, зато с Шурой Лепсис я сохранила тесную связь всю нашу жизнь. В годы Великой Отечественной войны она вместе с матерью Екатериной Александровной и младшей дочерью Кларой, которую мы, как и в дни ее детства, продолжали называть Лялей, жила в Свердловске. Клара худенькой, хрупкой девочкой в шестнадцать лет пошла работать на один из свердловских военных заводов. Ей было с непривычки очень тяжело, организм ее физически еще не окреп, но, видно, мать воспитала в ней такую же стойкость и твердость характера, как у

себя: Ляля перенесла все трудности заводской работы военных лет и хоть гнулась порой от непомерной для ее лет и здоровья тяжелой работы, но не сломилась, не сдалась, все выдержала. Александра Ивановна Лепсис в годы войны работала в Свердловске в военном госпитале сначала хирургом, потом начальником госпиталя. В первые же месяцы войны пропал без вести на фронте ее старший сын Володя. Глубокая материнская рана не заживает, и до сих пор она не может говорить спокойно о своем первенце Вове. Неизвестно, где он погиб, и для нее осталась о нем одна только память — Могила Неизвестного солдата в Москве. Ее дочь Ляля — член партии, медицинский работник, активная общественница. Как и мать, она умеет работать с утра до ночи, обладает твердым характером и отзывчивым, щедрым сердцем. Каждый свой приезд в Москву, пользуясь их добротой, я подолгу живу в их маленькой уютной квартирке и чувствую себя у них, как в родной семье.

В музее Я. М. Свердлова. Книги об уральских большевиках

3 июня 1940 года, накануне 55-летия со дня рождения Якова Михайловича Свердлова, по постановлению Совнаркома РСФСР, в нашем городе был открыт Дом-музей Я. М. Свердлова, в создании которого мне пришлось принять небольшое участие.

На улице Карла Либкнехта, бывшем Вознесенском проспекте, под номером 26 стоит старинный каменный двухэтажный дом с мезонином. В октябре 1905 года в этом мезонине по инициативе и под руководством Я. М. Свердлова была организована нелегальная партийная школа, прозванная тогда «рабочим университетом». Вот в этом-то доме и создали мемориальный музей, который был сначала филиалом Свердловского областного краеведческого музея.

В 1905 году дом принадлежал купцу-либералу по фамилии Москвич, который оказывал иногда некоторые услуги большевикам. Хозяин дома жил на втором этаже, а внизу находилась небольшая публичная библиотека С. А. Тихоцкой. Тут же помещалась часовая мастерская ее мужа. Тихоцкие были поляки, политические ссыльные из Киева. Большевики приглядели этот дом по конспиративным соображениям: в библиотеку и часовую мастерскую ходило немало народу, не привлекая внимания находящихся в соседнем квартале полиции и жандармского управления. К тому же дом имел два выхода на улицу: по одну сторону находились ворота с калиткой, по другую еще калитка. С наружного фасада, посередине, был отдельный вход с улицы в библиотеку и часовую мастерскую, теперь заделанный.

Мезонин дома пустовал, и хозяин уступил его большевикам. Маленькая квартира из двух расположенных друг против друга комнат, разделенных небольшим коридорчиком, оказалась очень удобной. В одной комнате с окнами на улицу поселился под видом квартиросъемщика рабочий. По воспоминаниям Ф. Ф. Сыромолотова, жильцы в этой комнате часто менялись. В другой комнате, размером поменьше, с окнами во двор, устроили школу. Обстановка была самая скромная. Вот как описывает ее в своих воспоминаниях учившийся здесь бывший железнодорожный рабочий, старый большевик Семен Петрович Глухих, рассказ которого я не раз слушала:

«По лестнице поднимаешься в мезонин, открываешь дверь,ходишь в небольшой коридор. В коридоре поставлен стол-киоск, на котором разложена революционная литература. Руководил киоском С. А. Черепанов (партийная кличка Лука). За книжки платили деньги, а если денег не было, то давали и бесплатно. На-

право комната. Очень бедная обстановка: стол, на котором стояла керосиновая лампа, несколько чурбанчиков, на которые клали доски, на них и сидели. Лекции по истории партии, по истории западноевропейского рабочего движения, политической экономии читали товарищи Свердлов, Батулин, Сыромолотов и другие. Слушатели—в основном рабочие, народ все пожилой, больше всего с Верх-Исетского завода и завода Ятеса. Среди слушателей были Авейде, Черепанов, Вилонов, Новгородцева и другие. Лекции были очень обоснованными и краткими. Когда кончались занятия, то не хотелось уходить. План лекций комитетом разрабатывался заранее с указанием лекторов и часов занятий».

По рассказам товарищей, учившихся в этой школе, на стену комнаты во время занятий прикреплялся небольшой портрет Карла Маркса, над столом — красное полотнище, на котором белой тесьмой было вышито: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Дом во время занятий с улицы охранялся рабочими-боевиками, они гуляли около дома под видом празднующихся парней.

Конспирация соблюдалась настолько хорошо, что у полиции не возникало никаких подозрений. Школа благополучно существовала более двух месяцев. Она была закрыта Екатеринбургским комитетом РСДРП во второй половине декабря, когда в городе начались усиленная слежка, обыски, аресты.

При организации Дома-музея Я. М. Свердлова в мезонине, в той комнате, где находилась раньше школа, постарались восстановить всю обстановку по рассказам тогда еще живых, бывших учеников этой школы К. Т. Новгородцевой-Свердловой, Ф. Ф. Сыромолотова, С. П. Глухих, П. З. Ермакова. На втором этаже здания была развернута экспозиция о жизни и деятельно-

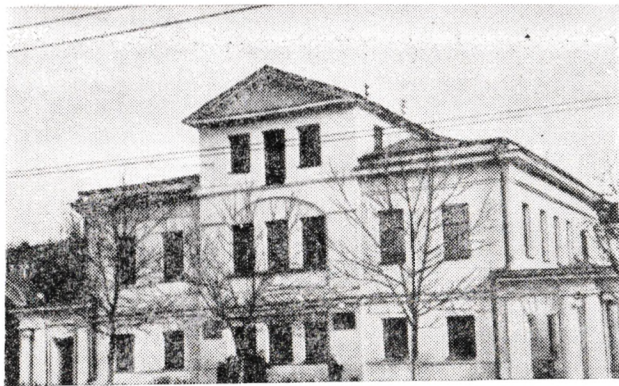

сти Я. М. Свердлова. Нижний этаж, где в 1905 году находились публичная библиотека и часовая мастерская Тихоцких, в первые годы существования музея занимали еще посторонние жильцы.

Ныне все это здание целиком вместе с находящимся рядом домом занимает Государственный музей Я. М. Свердлова. Здание реконструировано, внутри переделано. Изменился и фасад дома. В неприкосновенности сохраняется лишь мезонин с мемориальной комнатой.

В организации музея Я. М. Свердлова большое участие принимала Клавдия Тимофеевна Свердлова. Она не раз приезжала из Москвы, помогала в подборе материалов, в создании экспозиции, проводила вечера воспоминаний о деятельности Я. М. Свердлова на Урале, выступала на заводах и предприятиях города. Музею она передала много ценных материалов о Свердлове. В течение нескольких лет в фондах музея хранились подлинные письма Якова Михайловича к жене, написанные им в тюрьмах и ссылках. Ныне в музее находятся лишь фотокопии, подлинники переданы Центральному партийному архиву Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и хранятся в фонде Я. М. Свердлова. Эти письма теперь уже опубликованы в первом томе «Избранных произведений Я. М. Свердлова», изданном Госполитиздатом в 1957 году.

Мне не раз приходилось держать в своих руках и читать подлинники писем, написанных четким и твердым, характерным для Свердлова почерком. Сколько горячей нежности и заботы о любимой женщине было в этих письмах! Они любили друг друга глубоко и самозабвенно, большое чувство скрашивало их трудную жизнь, полную невзгод и лишений. Неласковой была к ним судьба: они встречались урывками и ненадолго,

Государственный музей Я. М. Свердлова в городе Свердловске.

их постоянно разлучали тюрьмы и ссылки, а когда после революции они наконец соединились, какой короткой оказалась его жизнь! Их дети с младенческого возраста побывали в тюрьмах вместе с матерью и разделяли с родителями тяжесть ссылки.

Я знала Клавдию Тимофеевну уже немолодой. Всегда подтянутая, ровная, немногословная, она выглядела внешне довольно суровой и вполне оправдывала данное ей друзьями еще в годы подполья имя «твердокаменной Клавдии». Она близко стояла к делам мемориального музея Я. М. Свердлова в нашем городе, была всегда в курсе всех его начинаний, помогала ему всем, чем могла. Много черпают сотрудники музея в ее большой содержательной книге «Яков Михайлович Свердлов», работе над которой она посвятила многие годы. Книга издавалась несколько раз. В 1957 году издательство «Молодая

гвардия» выпустило в свет новое, переработанное и значительно дополненное издание, подготовленное ею вместе с сыном Андреем Яковлевичем. Эта книга также выдержала уже два издания. О Свердлове написано теперь немало книг. У меня хранится подарок Клавдии Тимофеевны — присланная ею из Москвы повесть Н. Попова «Юность Андрея», выпущенная Детгизом в 1954 году.

После кончины Клавдии Тимофеевны заботу о музее Я. М. Свердлова в нашем городе принял на себя их старший сын Андрей Яковлевич. Работая в Москве в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, он поддерживал тесную связь с музеем не только постоянной перепиской, но и нередкими приездами в Свердловск. Теперь, когда его тоже уже нет в живых, эстафету заботы о музее приняла в свои руки младшая дочь Свердловых Вера Яковлевна.

Для меня Государственный музей Я. М. Свердлова дорог и близок, я не прерывала с ним связи с самого его основания. Когда началась Великая Отечественная война и ушли на фронт почти все сотрудники областного краеведческого музея, филиалом которого тогда еще был музей Свердлова, мне пришлось принять его и работать в нем первое, самое тяжелое время войны, хотя и очень недолго. С передвижной выставкой я побывала тогда во многих госпиталях нашего города. Больные и раненые солдаты внимательно слушали рассказы о Свердлове, ближайшем соратнике Ленина.

В это время я познакомилась еще с одним видным деятелем большевистских организаций Урала Федором Федоровичем Сыромолотовым. Сподвижник Я. М. Свердлова в революции 1905 года, он возглавлял тогда военно-боевую работу в Екатеринбурге. Принимал активное участие в борьбе за победу Великой Октябрьской

В музее Я. М. Свердлова. Г. П. Рычкова с участницей революции 1905 года К. Ф. Рядкиной. 1951 год.

социалистической революции на Урале. В дальнейшем жил и работал в Москве. В годы Великой Отечественной войны эвакуировался в Свердловск и несколько раз заходил к нам в музей Я. М. Свердлова. Осматривая мемориальную комнату, Федор Федорович рассказывал мне некоторые подробности о нелегальной партийной школе. Он оставил интересные воспоминания об этой школе и подпольной работе в Екатеринбурге в годы первой русской революции, хранящиеся в Государственном музее Я. М. Свердлова.

Позднее, уже в начале пятидесятых годов, я четыре года работала в музее Я. М. Свердлова старшим научным сотрудником. Директором тогда была Александра Георгиевна Деменева, хороший администратор и добрый товарищ. Мы работали с ней дружно, хотя, слу-

чалось, и немало спорили. Но без этого на работе не бывает, мы умели находить общие решения и навсегда сохранили хорошие отношения.

В 1951 году здание музея было капитально отремонтировано и заново разработана вся экспозиция. Музей пополнился новыми документами и художественными произведениями.

По заказу А. Г. Деменевой для новой экспозиции были написаны на разработанные нами сюжеты такие картины, как «Заседание Екатеринбургского комитета РСДРП в 1905 году» и «Массовка на Каменных палатках с участием Я. М. Свердлова» — художником Н. Г. Чесноковым, «Я. М. Свердлов изучает работу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» в камере Екатеринбургской тюрьмы» — Б. М. Витомским, этюды «Станок Курейка Туруханского края», «Домик в Курейке, где жил Я. М. Свердлов» — Б. Волковым.

Несколько позднее скульптором Э. Неизвестным для музея был создан монументальный горельеф «Я. М. Свердлов в 1905 году призывает уральцев к вооруженному восстанию».

Из этих работ я особенно любила картину художника Б. М. Витомского «Я. М. Свердлов изучает работу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» в камере Екатеринбургской тюрьмы». По воспоминаниям бывших подпольщиков, эта книга была прислана в Екатеринбург самим Лениным и передавалась в тюрьму расшитою на отдельные тетради.

На картине мы видим часть общей камеры. Близко одна к другой стоят узкие железные койки. На заднем плане — небольшое окно с решеткой. Дневной свет скупо освещает мрачную тюремную обстановку. У окна спиной к зрителю, подняв руки к высокому подоконнику, стоит, задумавшись, заключенный.

На переднем плане — Свердлов. Он сидит на койке с карандашом в руке, склонившись над листом бумаги. Лицо Якова Михайловича сосредоточенно и строго. Он весь углубился в свои мысли, не видит ничего окружающего. Для него тюрьма — университет, здесь он учится, учит своих товарищей. В эти часы в камере полная тишина...

Помню то приподнятое, праздничное настроение, когда после длительного перерыва мы открывали музей. Народу собралось много, были представители руководящих партийных и культурных организаций нашего областного центра. Торжественно разрезали у входа алую ленту и пошли по светлым, как-то по-домашнему уютным музейным комнатам, устланным скромными ковровыми дорожками. Александра Георгиевна и я рассказывали об экспонатах. Особенно сильное впечатление на посетителей произвела мемориальная комната, бывшая нелегальная партийная школа. Она была затемнена, окна плотно завешены темными занавесками, на столе тускло светила маленькая лампа, в слабом свете едва проступали деревянные скамьи. Казалось, только что эту комнату покинули рабочие и отзвучала страстная речь Свердлова.

С большим увлечением проводила я вместе с товарищами экскурсию по музею. Народу ходило много, особенно молодежи и школьников. Рассказывая о жизни и деятельности Свердлова, я видела устремленные на меня десятки любопытных глаз, видела серьезные, внимательные лица моих слушателей, и это всегда приносило удовлетворение. Сильное впечатление на экскурсантов производил живой голос Ленина: мы транслировали речь Владимира Ильича, посвященную памяти Свердлова, она была записана с граммофонной пластинки на магнитофонную ленту.

У нас был установлен тесный контакт с Дворцом пионеров, многие мероприятия, связанные с большими революционными датами, мы проводили совместно. Торжественно проходил прием в пионеры, вручение комсомольских билетов, в большом Октябрьском зале музея выстраивались школьные линейки, выступали с напутствием детям и молодежи старые большевики.

Во время экскурсии бывали иногда интересные встречи. Однажды, когда я рассказывала взрослым экскурсантам о том, как Свердлов был арестован в Перми в 1906 году под именем Льва Герца, немолодая женщина удивленно воскликнула: «Лев Герц? Да ведь это имя моего мужа!» Оказалось, что ее муж Лев Герц в 1905 году был студентом, жил в Екатеринбурге. При нелегальном отъезде Свердлова из Екатеринбурга в Пермь он снабдил Якова Михайловича своим студенческим документом, о чем эта женщина узнала только сейчас. Ее мужа в живых уже не было.

Во время экскурсии — членов профсоюза домработниц — одна из ее участниц, тоже немолодая, впервые увидела фотографию Свердлова и с удивлением узнала в нем человека, которого встречала еще в детстве. Она рассказала, что в 1905 году ее отец работал сторожем в Пышминской школе. Однажды вечером в Пышму приехала из Екатеринбурга группа молодежи и устроила в школе любительский спектакль для местного населения. Во время спектакля в одном из классов собралась группа крестьян и с ними о чем-то беседовал приехавший из города молодой темноволосый человек в очках. Этот человек был Свердлов, теперь она узнала его по фотографиям.

Сотрудники музея проводили также экскурсии в автобусе по памятным местам, связанным с революционной деятельностью Свердлова в нашем городе.

Таких мест в Свердловске много. Это и окруженные высокими соснами «Каменные палатки» вблизи Шарташского озера — нагромождения гранитных плит, похожие на причудливые развалины старинных башен. Здесь в 1905 году Я. М. Свердлов проводил нелегальные массовки. Это и площадь имени 1905 года в центре города, где пламенный трибун революции разоблачал лживость царского манифеста на митинге рабочих, разогнанных черносотенцами и полицией. Это и старые деревянные дома в разных частях города, где были явки и конспиративные квартиры в период работы Я. М. Свердлова в Екатеринбурге. Все эти места отмечены мемориальными досками. Ныне экскурсии по городу организует и проводит уже не музей, а туристско-экскурсионное управление.

Интересно вспомнить, как мы принимали написанные для музея картины и другие художественные произведения. Собирались художники из Художественного фонда и наши научные работники во главе с А. Г. Демевой. Глубокий и тонкий разбор художественной стороны представленных работ проводил известный в нашем городе искусствовед Б. В. Павловский, ныне доктор искусствоведческих наук, тогда он работал в Свердловской художественной галерее. С большим удовольствием слушала я Павловского, его всегда подробный аргументированный анализ картин.

Четыре года работы в Государственном музее Я. М. Свердлова для меня одно из самых добрых и светлых воспоминаний.

Старые большевики и тогда и сейчас принимают самое близкое участие во всех делах музея. Они выступают с воспоминаниями о своих встречах с Я. М. Свердловым, выезжают с экскурсиями по памятным местам, активно работают в совете музея.

Областные организации предполагают в недалеком будущем построить для Государственного музея Я. М. Свердлова новое современное здание. Оно будет расположено на территории музея, несколько позади нынешнего здания. Старый дом сохранят, а вместе с ним в неприкосновенности останется и мезонин с мемориальной комнатой. Экспозиция музея во много раз расширится и обогатится.

Обновление экспозиции уже идет. Сейчас выставочные залы в старом доме совсем не похожи на те, какими они были в мои времена. Новое современное оборудование, нарядно оформленные стенды с подсветкой лампами дневного света, мраморные и паркетные полы — все это мало отличает наш музей, посвященный первому президенту Советской республики, от лучших столичных музеев. Но мне порою бывает как-то жаль прежней скромной обстановки музейных комнат и кажется, что она ближе была духу того времени, когда здесь тайком собирались рабочие на занятия нелегальной партийной школы, созданной Свердловым.

Как-то раз, в начале пятидесятых годов, мы с А. Г. Деменовой провели в музее Я. М. Свердлова встречу старых большевиков с писателями и поэтами нашего города. На этой встрече присутствовал и тогдашний директор Свердловского областного государственного издательства Ф. Г. Копытов. Нам хотелось привлечь внимание писателей к уральским большевикам — бывшим подпольщикам, хотелось, чтобы об этих людях были написаны хорошие книги. Встреча прошла интересно и живо. После экскурсии по музею, когда писатели выслушали рассказ о Свердлове и познакомились с экспозицией, состоялась длительная задушевная бе-

седа. Старые большевики И. П. Павлов, Н. М. Давыдов, А. В. Бархатов, Г. А. Порошин и другие рассказывали писателям эпизоды из своей революционной борьбы в годы подполья.

Не знаю, была ли эта встреча началом какого-то сдвига и приблизила ли она писателей к истории большевистских организаций Урала и к архивным документам, но хочется думать, что все же какое-то значение она имела. Я и раньше, еще в истпарте, а потом в институте истории партии, стремилась привлечь писателей к нашей работе. Одной из первых темой уральских большевиков заинтересовалась свердловская писательница Нина Аркадьевна Попова. В 1954 году вышел ее большой роман «Заре навстречу», героями которого были известные уральские большевики Леонид Вайнер, Сергей Черепанов, Николай Толмачев и другие. Эта книга, хорошо встреченная общественностью и критикой, выдержала несколько изданий. Нина Аркадьевна Попова в апреле 1960 года в газете «Литература и жизнь» рассказала о том, что знакомство с архивами, с подлинными документами, отражающими работу уральских большевиков, ввело ее в мир великих деяний и вдохновило на творчество. «Потрясенная образами и делами героев, — писала Н. А. Попова, — я поклялась себе — передать читателям то, что открылось мне. Свыше двух десятков лет накапливала материал, приобретала необходимые знания...»

Роман «Заре навстречу» — первая книга трилогии, посвященной деятельности уральских большевиков. В 1962 году вышел второй роман — «Дело чести». Третий и последний роман «Верность», изданный в 1968 году, был лебединой песней писательницы. Нина Аркадьевна умерла, успев увидеть лишь сигнальный экземпляр третьей книги, завершающей большой творческий труд.

Основная тема трилогии — тема партии и рабочего класса. Писательница начинает ее с суровых лет подполья, революции и гражданской войны. В трилогии показаны судьбы трех поколений за более чем полувековой отрезок времени. Ярко и выпукло обрисованы характеры героев.

Нина Аркадьевна Попова была обаятельным и скромным человеком. Приветливая и сердечная в обращении с друзьями, она всегда оставалась твердой в принципиальных вопросах, в работе не шла на компромиссы. За ее мягкостью угадывался крепкий характер. Только сила воли, упорство, настойчивость помогли ей, уже тяжело больной, довести до конца свой многолетний нелегкий труд.

Теперь внимание писателей уже прочно приковано к архивам, к историческим документам. Особенно помогли этому такие знаменательные события, как пятидесятилетие Великой Октябрьской социалистической революции и столетие со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Об уральских большевиках уже издано и готовится к публикации немало хороших художественных книг — романов, повестей, стихов.

На одном из заседаний совета музея у старых большевиков возникла мысль в связи с приближением пятидесятилетия Великого Октября подготовить коллективно к этой юбилейной дате сборник очерков о выдающихся большевистских деятелях, работавших на Урале в годы подполья, Октябрьской революции и гражданской войны. Эта инициатива была одобрена Свердловским обкомом КПСС. Создали общественную редколлегию, наметили план сборника, определили круг лиц, о которых нужно писать. Вместе со старыми большевиками в этой работе приняли большое участие областной партийный архив и свердловские писатели.

Так родился юбилейный сборник «Ленинская гвардия Урала», изданный в Свердловске Средне-Уральским книжным издательством в 1967 году.

В этом сборнике, посвященном памяти выдающихся борцов революции на Урале, опубликованы очерки о Я. М. Свердловце, О. М. Авейде, Л. И. Вайнере, С. И. Дерябиной, К. Т. Новгородцевой и других известных уральских большевиках, всего двадцать очерков. На титульном листе приводится отрывок из стихотворения Симы Дерябиной:

Мы — работники дела свободы,
Наш удел — это труд и нужда,
Наша цель — это счастье народа,
Наша жизнь — это месть и борьба.
Пусть нас душат тюремные своды,
Пусть течет наша братская кровь,
Дружной силой возьмем мы свободу,
Нас сплотила к народу любовь.

В 1971 году, к XXIV съезду партии, в Свердловске был издан еще один сборник, посвященный уральским большевикам, — «Сердца, отданные революции». В отличие от первого в нем даны очерки не только о руководящих деятелях большевистских организаций Урала, но и о рядовых рабочих-подпольщиках, всего здесь двадцать пять очерков. Второй сборник также был подготовлен к печати общественной редакционной коллегией. Авторами, как и раньше, были писатели, журналисты, историки, старые большевики.

Подготовку к печати этих книг возглавляла известная на Урале старая коммунистка Анна Николаевна Бычкова, член партии с 1906 года. С юных лет она вместе с младшей сестрой Марией Николаевной Уфимцевой-Бычковой вступила на путь активной революционной борьбы, прошла через тюрьму, ссылку, эмиграцию

и, вернувшись после свержения самодержавия в России, большую часть своей жизни работала в нашем городе. Когда в 1931 году я приехала в Свердловск, Анна Николаевна была председателем горсовета. В то время я знала ее лишь издали, мы близко с ней познакомились и сошлись лишь в конце пятидесятых годов.

В настоящее время Анна Николаевна Бычкова—один из старейших на Урале членов партии. Несмотря на свой возраст, сохранила живой и ясный ум, хорошую память, неумную энергию и работоспособность. Она ведет большую общественную работу, принимает активное участие во многих начинаниях, никогда не отказывается от выступлений и любит делиться своими воспоминаниями с молодежью и детьми. Анна Николаевна выезжает иногда в ближайшие районы, где по просьбе парторганизаций выступает перед рабочими и колхозниками. Ее цепкая память хранит много интересных фактов, живых деталей из революционного прошлого. Она близко знала многих видных деятелей Урала и умеет рассказать о своих товарищах по революционной борьбе. Старики нередко обращаются к ней за помощью, и она никогда в ней не отказывает, делает все, что в ее силах. Ей постоянно звонят по телефону домой, и она, отложив свои личные дела, постоянно кому-то отвечает, что-то советует, в чем-то убеждает, чего-то добивается, за кого-то хлопочет. Ее живое, энергичное лицо, крепкий и звучный голос свидетельствуют о нерастраченном запасе душевных сил. Всегда подвижная, деятельная, Анна Николаевна пользуется большой популярностью: в 1966 году ей, первой в Свердловске, в связи с восьмидесятилетием было присвоено звание почетного гражданина нашего города.

Я часто бываю у нее, привыкла с ней советоваться по многим вопросам. Меня с Анной Николаевной сдру-

Общественная редколлегия и составители сборника «Женщины Урала в революции и труде». Свердловск, 1963 год. Слева направо: Г. П. Рычкова, М. К. Богнер, В. Е. Бузунов, А. П. Бычкова — председатель редколлегии (сидит в центре), А. Т. Рыкова, А. В. Матвеева, З. С. Попова.

жила общественная работа в музее Я. М. Свердлова, любовь к книгам, интерес к истории КПСС и особенно к разработке истории большевистских организаций Урала и изданию сборников об уральских большевиках.

Первой нашей совместной книгой был выпущенный Свердловским книжным издательством в 1963 году сборник «Женщины Урала в революции и труде». Он также готовился в общественном порядке. В нем опубликованы воспоминания о судьбах семидесяти пяти простых советских женщин, авторы воспоминаний — активные участницы революции и социалистического строительства. Вступительная статья написана известной деятельницей женского движения Героем Социали-

стического Труда А. В. Артюхиной, членом КПСС с 1910 года.

Начиная нашу работу над серией книг об уральских большевиках, мы стремились показать борцов ленинской гвардии на Урале, верных учеников и последователей Ленина, боровшихся в условиях Урала за претворение в жизнь ленинского учения. Мы старались привлечь к этой работе художников слова — писателей и поэтов, чтобы сделать образы большевиков живыми, яркими, человечными, чтобы эти образы воздействовали эмоционально на читателей и вызывали у молодежи желание быть достойными продолжателями дела, начатого дедами и отцами. Мы стремились к тому, чтобы художественное воображение писателей сочеталось с правдивым изложением исторических фактов и точностью исторического исследования, чтобы не было пустых, ненужных домыслов. Не мне, конечно, судить, насколько нам удалось осуществить поставленные задачи.

Названные мною книги о деятелях революционного движения на Урале далеко не исчерпывают этой темы, работа продолжается, и наша молодежь получит еще немало хороших и разных книг об уральских большевиках.

В конце пятидесятых — начале шестидесятых годов мне снова пришлось вернуться к своей первой теме — Лысьва. Я сделала это по просьбе самих лысьвенцев. Оттуда ко мне по поручению ветеранов революции и труда приехала делегация — А. С. Шилов и М. А. Сибиряков — с просьбой подготовить второе издание книги. Они ставили этот вопрос в связи с приближающимся 175-летием металлургического завода. После некоторого раздумья я согласилась выполнить их просьбу.

Я несколько раз ездила в Лысьву и установила прочные связи со многими товарищами, работавшими там

Г. П. Рычкова с бывшими лысьвенскими красногвардейцами участниками похода на Соликамск и Чердынь у стенда историко-революционной выставки в Лысьве. Май 1958 года. Слева направо: А. П. Стяжков (стоит), П. Н. Сажин, И. И. Соларев, Г. П. Рычкова, Г. И. Коровин, П. К. Лимонов (стоит).

в период царского подполья и в годы Октябрьской революции. Неоднократно встречалась и беседовала с ними в Москве, Свердловске, Лысьве. Это были москвичи С. В. Борисов-Даниленко, Е. Я. Глевицкая, С. Я. Подойницын, П. И. Студитов-Парфенов, приехавший в Москву из города Дзержинска Горьковской области П. В. Баташов, лысьвенцы Н. Г. Мухин, П. К. Лимонов, свердловчане С. М. Бушуев, Д. А. Куренных, Д. А. Пегушин. Георгия Михайловича Жданова в эти годы уже не было в живых.

В Лысьве я познакомилась с Иваном Ивановичем Соларевым, бывшим командиром красногвардейского

отряда, который приезжал в Соликамск и Чердынь для установления Советской власти в начале 1918 гс Соларев, уже далеко не молодой, очень высокий, много согнувшийся в плечах, с длинной седой бородой, выглядел на первый взгляд суровым, на его долю выпала трудная судьба. Но лицо, изрытое глубокими бороздами, скрашивала временами едва заметная улыбка, а глаза под густыми нависшими бровями светились живым блеском. Вместе с ним и местным краеведом Александром Степановичем Шиловым я обошла весь завод, и они мне много рассказали не только о производстве отдельных заводских цехов, но и о рабочих этих цехов — активных участниках Великого Октября. Соларев, бывший рабочий-формовщик чугунолитейного цеха, с особенной любовью показывал мне свою старую родную «чугунку».

Мы провели небольшое совещание с бывшими красногвардейцами, участниками похода на Соликамск и Чердынь. Их осталось в Лысьве уже немного, собрались Соларев, Коровин, Стяжков, Лимонов, Сажин. Они рассказали, как создавался из добровольцев отряд красногвардейцев, как их обучали военному делу, как обмундировали, вооружили. Военному делу обучал И. И. Соларев, бывший унтер-офицер, участник войны с Германией. Обмундирование было самым разношерстным: одеты, кто во что сумел, оружия — винтовок и револьверов старинных систем — на всех не хватило, некоторые ничего не имели, кроме самодельных пистолетов. Рассказывали они и об отдельных эпизодах похода, вспоминали погибших товарищей. Хорошо помнили Чердынь и тех, кого оставили там для работы, очень тепло, задушевно говорили о них.

С большой охотой и желанием помогали мне лысьвенские товарищи, особенно А. С. Шилов и М. А. Си-

Бердяков, собирать материалы для второго издания моей книги. Они очень облегчили мой труд, организовав несколько выездов в архивы Ленинграда и Москвы, где мы нашли много документов по истории Лысьвенского металлургического завода. В результате у нас в руках оказался такой богатый, интересный документальный и вещественный материал, что общественность Лысьвы смогла организовать большую историко-революционную выставку, на основе которой вскоре был открыт народный музей. Первым директором его был Михаил Андреевич Сибиряков. Большую часть расходов по созданию музея взял на себя металлургический завод.

Памятна мне поездка в Лысьву в 1962 году на празднование 45-летия Великой Октябрьской социалистической революции. По приглашению Лысьвенского горкома КПСС съехались многие бывшие лысьвенцы — участники Октябрьской революции и гражданской войны. Приехали товарищи из Москвы, Свердловска, Харькова, Запорожья, Ленинграда, Горького, Кирова.

Моя встреча с местными и приехавшими товарищами, организованная Лысьвенским горкомом партии, прошла очень тепло и дружески. Обсуждались и дискутировались некоторые вопросы из истории Лысьвенской партийной организации в связи с подготовкой книги. Споры были довольно острые, но в конечном счете все неясные вопросы прояснились.

В 1963 году Пермское книжное издательство выпустило второе, переработанное и дополненное издание моей книги «Лысьва. Страницы истории Лысьвинской большевистской организации».

Путешествие в Юность

Лето 1958 года. Начало июля.

Мы возвращаемся на пассажирском теплоходе из Чердыни в Пермь.

В носовой части теплохода, в салоне первого класса, у широкого окна, мы сидим втроем: Клавдия Петровна Аппога, моя сестра Нина и я. Перед нами на столике на небольшом блюде алеет спелая, сочная земляника, купленная только что на пристани.

Ночью мы проводили Федора Георгиевича Боченкова: он сошел с теплохода в Соликамске. Сейчас, любуясь ясным утренним небом и блестящими от солнца просторами Камского водохранилища, мы вспоминаем нашу поездку в Чердынь.

Мы прожили там две недели. Жили в гостинице, ста-

ринном каменном здании, построенном некогда пароходчиком Лунеговым для престарелых. До революции этот дом называли богадельней. По этому поводу мы немало острили: в наши годы как раз пора попасть в богадельню!

Тогдашний директор Чердынского краеведческого музея Илья Алексеевич Лунегов позаботился о том, чтобы нам жилось хорошо и удобно.

Я приехала с сестрой из Свердловска. Клавдия Петровна Аппога — из Москвы, Федор Георгиевич Боченков — из Соликамска. Мы заранее списались, чтобы встретиться в городе, где жили в далеком восемнадцатом году, где проходила трудная незабываемая пора жизни.

И вот мы снова в Чердыни, теперь районном центре, небольшом городке, который историки называют самым древним городом Урала. Снова перед нами старые церкви на высоком берегу, длинные прямые улицы: город не раз отстраивался заново из-за многих пожаров в старые времена. Снова видим извилистую ленту реки Колвы с крутым правобережьем, заречными лугами и синим лесом вдали. За рекой, на горизонте, высится гора Полюд.

Прежде чем попасть в Чердынь, мы с сестрой поднялись на теплоходе вверх по Вишере до города Красновишерска, где находится один из первенцев первой пятилетки, гордость Западного Урала — крупный целлюлозно-бумажный комбинат. Мы вдоволь налюбовались нарядными зелеными берегами реки, белой кипенью цветущей черемухи.

На протяжении всего пути видели гору Полюд, Полюдов Камень, как называют ее местные жители. Она выростала, увеличивалась на наших глазах, подступала совсем близко впереди, потом снова отдалялась, показы-

ваясь то справа, то слева от теплохода, поднимавшегося вверх по извилинам реки.

Обратно мы спустились по Вишере на том же теплоходе и сошли на пристани в Рябинино, откуда до Чердыни всего семь километров и постоянно курсирует автобус. В Рябинино нас встретил И. А. Лунегов, на райкомовской легковушке приехали мы в Чердынь.

За годы советских пятилеток в Чердынском лесном крае произошли огромные изменения. В Рябинино, на реке Вишере, теперь крупный лесосплавной рейд, здесь перерабатывается и отсюда сплавляется лес, заготавливаемый на реке Колве. Но особенно крупный, крупнейший в мире, лесосплавной рейд создан на Каме, в поселке Керчево. Этот рейд оснащен современной техникой и перерабатывает огромное количество леса, идущего с верховьев Камы. Чердынские краеведы подсчитали, что цепочкой из бревен, переработанных на Керчевском рейде за последние шесть лет, можно было бы тридцать пять раз опоясать земной шар по экватору, можно также построить мост от Земли до Луны шириною в пять уральских бревен.

Неузнаваем стал водный путь от Перми до Чердыни. Разлилось новое речное море — Камское водохранилище. В Соликамске и Березниках выросли крупнейшие заводы.

В Чердыни есть теперь лесотехнический техникум, где готовятся кадры для работы в лесном крае. Есть две средние школы, школа-интернат, два детских сада, ясли, Дом культуры, кинотеатр. Правда, как и раньше, нет заводов.

Внешне город в 1958 году выглядел почти так же, как и прежде. Но это только внешне. В купеческих каменных домах теперь разместились районные организации: в бывшем доме Чернихи — районный комитет

В память о юности. Слева направо: Г. П. Рычкова, Ф. Г. Боченков, К. П. Аппога. Чердынь. 1958 год.

партии, напротив него в доме малого Алина — райисполком.

Мы внимательно знакомимся с Чердынским краеведческим музеем имени А. С. Пушкина. Он находится в бывшем здании уездной земской управы. Здесь на стенах висят фотографии близких и дорогих нам людей. Их давно уже нет в живых, но музей бережно хранит все, что удалось о них собрать: документы, фотографии, воспоминания. Осматривая экспозицию «Великая Октябрьская социалистическая революция в Чердынском крае», мы как будто снова встретились со своей юностью, ушедшими в прошлое событиями далеких лет. Должна признаться, что до революции мне ни разу не довелось побывать в Чердынском музее, который открыт был еще в 1899 году и в связи со столе-

тием со дня рождения А. С. Пушкина носит имя великого поэта. Музей помещался тогда на Соборной улице (ныне улица имени Энгельса) в небольшом доме, принадлежавшем земству. Но в те годы музей меня еще не привлекал, не занимала особенно и история Урала. Зато теперь я и мои спутники с большим интересом знакомимся с экспозицией музея — природными богатствами, историей и современным развитием Чердынского края. Неустанными трудами долголетнего директора музея И. А. Лунегова в советские годы здесь собран богатейший материал, разработана интересная экспозиция, расположенная на двух этажах большого старинного здания. Чердынский краеведческий музей имени А. С. Пушкина — один из старейших и известных на Урале. Недаром все, кто приезжает по каким-нибудь делам в Чердынь, обязательно идут в местный музей. В его библиотеке хранится много редких книг и рукописей, сюда нередко приезжают для научной работы из других городов.

Память о большевиках, работавших в Чердыни в первые годы Советской власти, увековечена в названиях улиц. Здесь есть улицы Барабанова, Рычкова, Сорокина. Есть улица Корякина — бывшего рабочего, коммуниста, местного уроженца, долго работавшего в Чердыни, улица Лыбина — молодого чекиста, расстрелянного колчаковцами.

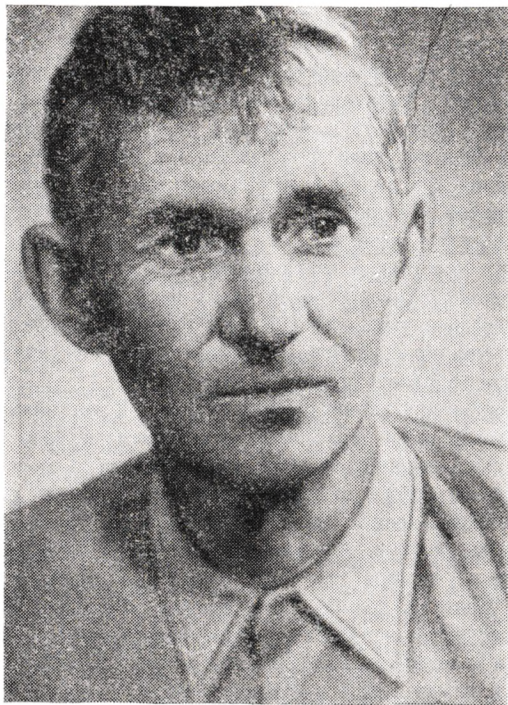
Мы встретились в Чердыни с нашими старыми товарищами по 1918 году — И. И. Поздеевым, Н. А. Ковязиным, С. А. Лямзиным, Г. В. Щеголихиным, В. Д. Сакулиным. Обрадовалась я встрече с Капой Симоновой. Я училась с ней в одном классе Чердынской женской гимназии. В юности рослая, крепко сложенная, здоровая девушка с низким, почти мужским голосом, она и сейчас осталась такой же крупной, крепкой и басовитой, но,

конечно, изрядно постарела, как и все мы. В гимназические годы мы не были близки, не дружили, зато теперь после стольких лет разлуки встретились, как старые друзья. Капитолина Александровна Азанова, член партии с 1921 года, — активный участник гражданской войны. Она вступила добровольцем в 23-й Верхне-Камский полк, созданный в Юрле в январе 1919 года после подавления кулацкого восстания. Когда я работала в Свердловском истпарте, мне приходилось слышать от бывших участников этого полка о храбрости и смелости, проявленных Капой во время боев, когда она, рискуя жизнью, выполняла ответственные поручения боевых командиров. В Чердыни Капитолина Александровна Азанова работала народной судьей.

Были и другие интересные встречи. В гостиницу поглядеть с нами приходили жены убитых в боях местных красногвардейцев. Они рассказывали о погибших мужьях, о детях, о своей нелегкой вдовьей жизни. Приходили Варвара Ивановна Федосеева, Клавдия Михайловна Черных. Их мужья — участники событий на Печоре в сентябре 1918 года. Они были вместе с Эрнстом Аппогой, когда на пароход «Москва» напали белогвардейцы и обстреляли его. Федосеев был ранен и умер в селе Покче, там же умер позднее и Черных.

Приходила к нам и Мария Александровна Нафталь, маленькая, сухонькая старушка, ей было тогда уже семьдесят лет. Ее муж, Кирилл Антонович Нафталь, эстонец, политический ссыльный, был выслан до революции в ссылку навечно. В Чердыни они поженились, он был сапожником, она работала пекарем. В 1918 году Кирилл Антонович вступил в партию большевиков и записался добровольцем в Красную Армию. Весной 1918 года он с отрядом уехал на дутовский фронт, а летом погиб в бою. Она доживает свой век в Чердыни.

Заслуженный работник культуры РСФСР
И. А. Лунегов.

Все эти встречи организовал Лунегов. Каждый вечер к нам в номер гостиницы собирались старые друзья. Приходили товарищи по 1918 году и школьные подруги моей сестры. Много было душевных разговоров о прошлом, о настоящем, о будущем. Лунегов рассказы-

вал занимательные истории из своей краеведческой практики, об археологических раскопках, которые он проводил, о ценных находках, встречах с интересными людьми.

Илья Алексеевич Лунегов широко известен в своем краю. Полвека своей жизни он отдал краеведческой работе. Имя «Ильи музейного» знают все жители северного Прикамья. Он — частый гость в школах, колхозных клубах, на лесосплавных рейдах, проводит беседы, читает лекции из истории края, о его развитии в прошлом и настоящем.

Родился Лунегов в семье крестьянина-бедняка в деревне Лызовой Чердынского района. Окончил начальную школу и двухклассное училище в Вильгорте и потом всю жизнь занимался самообразованием. Комсомолец двадцатого года, член Коммунистической партии с 1924 года. Работал избачом, был селькором, в 1928 году пришел в Чердынский музей. Его энергией и неустанными трудами этот музей стал одним из важнейших центров культурно-просветительной и краеведческой работы, далеко известным за пределами Пермской области. В 1965 году Илье Алексеевичу Лунегову присвоено звание заслуженного работника культуры РСФСР.

Мы с сестрой Ниной встретились с Натальей Петровной Трефиловой — Наташей, которая когда-то в нашей семье вынянчила одну из младших сестер. Теперь она нянчила своих внуков. Трогательной была эта неожиданная для нее встреча. Смеясь и плача от радости, Наташа обнимала и целовала нас, с трудом узнавая в пожилых женщинах тех девочек, какими мы были в те времена, когда она жила у нас. Мы побывали в ее семье, познакомились с ее дочерью.

Навестили мы с сестрой и нашу бывшую учительницу Серафиму Дмитриевну Бахареву, которая учила

нас русскому языку в младших классах гимназии. Уже старая и больная, она лежала тогда в больнице и была обрадована, что мы не забыли ее. Я храню благодарную память о ней, она привила мне любовь к родному языку, русской литературе, учила грамотно писать, толково излагать свои мысли.

Мы с Клавдией Петровной Аппогой побывали в Чердынском райкоме партии. И вот я снова поднимаюсь на второй этаж просторного каменного дома по той же самой парадной мраморной лестнице, по которой когда-то робкой девочкой подымалась к попечительнице нашей гимназии Чернихе. Все теперь здесь другое. Нет ни ковров, ни люстр, ни тяжелых бархатных портьер. Обстановка деловая, рабочая. Секретарь райкома Григорий Степанович Шаврин приветливо встретил нас в своем кабинете. Это молодой, энергичный коммунист, выдвинутый на руководящую партийную работу из числа местных жителей. Он родился и вырос в одной из деревень Чердынского района, высшее образование получил в Перми. Расспросив нас, где и как мы сейчас живем, он рассказал нам коротко о тех преобразованиях, которые произошли в районе, о планах на будущее. Меня порадовало, что Чердынь вырастила свои хорошие кадры, что здесь есть свои образованные, высококультурные коммунисты, и не нужно теперь для руководящей работы в районе присылать людей со стороны.

Мне пришлось выступить с воспоминаниями об установлении Советской власти в Чердыни на межрайонном собрании учителей и в парткабинете райкома партии. О событиях гражданской войны в Чердынском крае рассказал директор музея И. А. Лунегов. Воспоминаниями о работе в уездном военном комиссариате в 1918 году и подавлении кулацких восстаний поделился Федор Георгиевич Боченков.

Встретились давние подруги. Слева направо: Ф. В. Огнева, Е. С. Карнаухова, Г. П. Рычкова, А. И. Лепсис. Москва. 1961 год.

...Мы бродили по улицам города, вспоминая прошедшие годы.

Побывали на окраине, на братских могилах, где покоился прах наших товарищей, погибших от рук колчаковцев в годы гражданской войны.

Я и моя сестра посетили то здание, где мы когда-то учились в гимназии и где в феврале 1918 года размещался Лысьвенский красногвардейский отряд. Теперь здесь находилась школа-интернат. Были летние каникулы, и школа пустовала. Медленно обошли мы классы, в которых учились, посмотрели бывший актовый зал, в котором когда-то я с подругами снимала со стен царские портреты. Все теперь выглядело по-другому и было меньше размером, чем казалось в детстве и юности.

Рядом с гостиницей, где мы жили, Троицкая гора —

высокий холм на берегу реки Колвы. О ней нам немало рассказывал Лунегов: в XVI веке здесь была крепость, остатки ее — большой земляной вал — сохранились и поныне, стены крепости, сторожевые башни, подвесной мост сгорели во время частых пожаров, которым подвергался город.

Когда-то в годы юности мы с подругами нередко бывали на Троицкой горе в дни весеннего половодья. Отсюда открывался чудесный вид. Широко разливалась Колва, затопляя левобережные луга до самого леса. А вдаль на горизонте в ясные дни отчетливо вырисовывался Полюд.

Теперь мы снова любимся с Троицкой горы заречными далями. Дышим чистым, легким воздухом, которого не замечали прежде. Только сейчас, на склоне лет, я по-настоящему оценила красоту природы того края, где протекали мои детство и юность.

Две недели пролетели незаметно. И вот мы уезжаем.
Прощай, Чердынский край!

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИЗ РАННИХ ЛЕТ	5
ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ	9
КАК МЫ ВСТРЕТИЛИ РЕВОЛЮЦИЮ	25
ВЛАСТЬ СОВЕТОВ	39
ВСТУПЛЕНИЕ В ПАРТИЮ	54
БОРЬБА С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ	74
ЭВАКУАЦИЯ	93
ЮРЛИНСКОЕ КУЛАЦКОЕ ВОССТАНИЕ	103
В ВЯТКЕ	126
ВОЗВРАЩЕНИЕ НА УРАЛ	136
В ДЕРЕВНЕ	158
ВПЕРВЫЕ В МОСКВЕ	168
В АКАДЕМИИ ИМЕНИ Н. К. КРУПСКОЙ	177
НАЧАЛО НОВОЙ ПРОФЕССИИ	197
НАУЧНАЯ РАБОТА В СВЕРДЛОВСКОМ ОБ- КОМЕ КПСС	214
В МУЗЕЕ Я. М. СВЕРДЛОВА. КНИГИ ОБ УРАЛЬСКИХ БОЛЬШЕВИКАХ	233
ПУТЕШЕСТВИЕ В ЮНОСТЬ	254

Галина Петровна **Рычкова**

МГНОВЕНИЯ И ГОДЫ

(Серия «Искры памятных лет»)

Редактор Л. В. Мишланова
Художник Е. И. Пестеров
Художественный редактор
М. В. Тарасова
Технический редактор
В. И. Чувашов
Корректор
Л. К. Крамаренко

Сдано в набор 13/VII-1972 г. Подписано в печать 5/X-1972 г. Формат 70×90¹/₃₂. Бум. тип. № 1. Печ. л. 8,375: бум. л. 4,1875 (усл.-прив. л. 9,798): уч.-изд. л. 10,719. ЛБ02404. Тираж 15 000 экз. Цена 55 коп. 614000. Пермское книжное издательство. Пермь, К. Маркса, 30. Книжная типография № 2 управления по печати. Пермь, Коммунистическая, 57. Зак. 1151.

Г. П. Рычкова.

Мгновения и годы (В серии «Искры памятных лет»). Пермь, Кн. изд., 1972.

Воспоминания члена партии с 1918 года, кандидата исторических наук Г. П. Рычковой, жизненный путь которой — по существу, путь многих представителей русской интеллигенции, чья юность совпала с Октябрьской революцией.